ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1’2025

9 770868 644005

ПРОЗА

Сергей ХУГАЕВ
«Осетинская скрипка»

Тамерлан ТАДТАЕВ
«Король Джамбо»

Батрадз ХАРЕБОВ
«Моя Москва»

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

Станислав ТАВАСИЕВ

ПОЭЗИЯ

Нафи ДЖУСОЙТЫ
«Стихи, не сказанные матери»

Амурхан КИБИРОВ
«Свои мы в жизни настоящей»

ГОСТЕВАЯ КНИГА

Александр РЫБИН
«Фантомная боль»

Мин Минг ЛИ
«Китайский узел»

ТЕМА НОМЕРА:

Нафи ДЖУСОЙТЫ — писатель и ученый

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
* * *
WWW.DARIAL-ONLINE.RU

ВЛАДИКАВКАЗ
2025

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ
* * *
ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор
А. И. ЦХУРБАЕВ
Зам. главного редактора
О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:
И. Г. ГУРЖИБЕКОВА
М. С. ДЗАСОХОВ
В. О. КОЛИЕВ
Т. А. САЛАМОВ
И. А. ТАБОЛОВА
Ф. С. ХАБАЛОВА
А. Л. ЧИБИРОВ
В. Т. ЧШИЕВ

Выход в свет 28.02.2025
Формат бумаги 60 x 90 1/16
Бум. офсетная
Гарнитура шрифта MyriadPro
Печать офсетная
Усл. п. л. 15 + 1 п. л. цветная вклейка
на мелованной бумаге
Заказ № 52
Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»
362015, г. Владикавказ,
проспект Коста, 11
Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

Адрес редакции:
362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30
(8672) 53-58-10
(8672) 54-38-04
e-mail: darial@darial-online.ru
http: www.darial-online.ru

Свидетельство
о регистрации средства массовой информации
ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017
Выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель:
Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания
Адрес: 362040, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 202
Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

1’2025 (186)
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

© ДАРЬЯЛ № 1'2025

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

4 Сергей ХУГАЕВ
Осетинская скрипка. *Рассказ. Перевод И. Хугаева*
22 Амурхан КИБИРОВ
Свои мы в жизни настоящей. *Стихи. Перевод с дигорского К. Гадаева*
28 Амир МАКОЕВ
Исчадие. *Рассказ*
34 Тамерлан ТАДТАЕВ
Король Джамбо. *Рассказ*
52 Батрадз ХАРЕБОВ
Моя Москва. *Автобиографическая повесть*

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

80 Нафи ДЖУСОЙТЫ
Стихи, не сказанные матери. *Перевод с осетинского М. Синельникова и Н. Орловой*
88 Валерий ГАСАНОВ
Его образ в сердце моем навсегда. *Очерк*
94 Нафи Джусойты. Фотоальбом

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

100 Из английской поэзии. *Перевод А. Золоева*

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

106 Эльбрус ЦОГОЕВ
Георгий Туганов — ученик В. А. Фаворского
116 Татьяна ОСТАЕВА
Аналитическая и экспериментальная пластика Станислава Тавасиева

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

129 Зара АБАЕВА
27 февраля

ГОСТЕВАЯ КНИГА

130 Тамерлан ГАДЖИЕВ
Медный всадник. *Рассказ*
138 Александр КРАМЕР
В присутствии черного цвета. *Стихи*
144 Александр РЫБИН
Фантомная боль. *Рассказ*
162 Мин Минг ЛИ
Китайский узел. *Стихи. Перевод с китайского Е. Плетневой (Данченко)*
168 Олег ВАЩАЕВ
Под ангельскую диктовку. *Стихи*

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

176 Нина ДЗУЦЕВА
Эстетическое восприятие мира звезд в российской поэзии
204 Дзерасса ХЕТАГУРОВА
«Два ворона»: рецепция народной шотландской баллады в русской и осетинской литературе (А. С. Пушкин, Г. М. Цаголов)

СРЕДА ОБИТАНИЯ

216 Сергей АЛАГАТЫ
Военно-Осетинская дорога

238 АВТОРЫ НОМЕРА

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА
Станислав ТАВАСИЕВ
Скульптура

Сергей ХУГАЕВ

ОСЕТИНСКАЯ СКРИПКА

РАССКАЗ
ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО И. ХУГАЕВА

Гино Фадеевич Бараков

Предисловие

«Всякое настоящее произведение искусства должно говорить само за себя, стоять на своих ногах — а потому не нуждается в предварительных объяснениях и толкованиях», — писал И. С. Тургенев в предисловии к первой публикации рассказа «Призраки» (1864). Суждение справедливое и точное, но, как показал сам Тургенев, его не стоит абсолютизировать. Строго говоря, в отдельных случаях текст, коль скоро у него есть свои ноги, желательно-таки снабдить и тростью в виде краткого предуведомления.

К таким текстам относится и предлагаемый здесь вниманию читателя рассказ Сергея Хугаева «Осетинская скрипка» (в оригинале «Хъисфæндыр»), — относится постольку, поскольку широкая аудитория «Дарьяла» не обязана быть знакома с биографией и поэтикой одного из корифеев осетинской литературы Гино Баракова, ставшего главным героем произведения, — а без такового, хотя бы самого общего, знакомства сюжетная линия рассказа может показаться не вполне четко прорисованной. Кроме того, мы допускаем, что, если не прояснить читателю творческую историю рассказа, он воспримет как коллизию то обстоятельство, что рассказ, в котором главным героем выступает Гино Бараков, посвящен автором другому осетинскому поэту — Грису Плиеву.

Гино Фадеевич Бараков (1890–1937) родился в с. Салугардан (ныне г. Алагир) Северной Осетии. По окончании в 1911 году Ардонской духовной семинарии работал учителем в с. Кадгарон; в 1914 году был призван в армию и сражался на Турецком фронте. Впоследствии он стал активным борцом за советскую власть на Тереке, занимал посты начальника областной милиции, редактора газеты «Кермен», секретаря Алагирского райкома партии, зампрокурора области, редактора газеты «Растдзинад», директора

научно-исследовательского института и др. В 1930 году Бараков был впервые арестован, но дело было прекращено за недоказанностью обвинения. Второй раз его арестовали в 1937 году. 19 октября того же года «тройка» НКВД СОАССР приговорила его к расстрелу, 23 октября приговор был приведен в исполнение.

Гино Бараков известен как автор поэтических, прозаических, публицистических и литературно-критических произведений и переводов на осетинский язык из Пушкина, Лермонтова, Горького, Хетагурова, Гюго. Критики и исследователи его творчества всегда подчеркивали тесную связь его индивидуальной поэтики с образами и идеями народного песенного творчества: в этой связи Э. Б. Сатцаев говорит, что творчество Баракова отличается «особой музыкальностью»; Ш. Ф. Джикаев выделяет в литературном наследии писателя специфический песенный жанр; Н. Г. Джусойты, отмечая «многообразные черты облика Гино — революционера, писателя и гражданина», подчеркивает, что в них проступает главное качество, «которое объединяет их в один целостный образ. Это, — говорит Нафи, — стихия *песни* (курсив наш. — *И. Х.*), влюбленность в песню, песенная природа его поэтических произведений».

И это не «общее место», как может показаться читателю, который знает, что на начальных этапах развития наша литература была тесно связана с устной народной традицией. Дело в том, что Гино Бараков был великолепный музыкант. Если Коста Хетагуров был одновременно писателем и художником, то о Гино Баракове можно сказать, что он соединял в себе талант писателя и музыканта. Он отлично исполнял народные песни — осетинские, грузинские, русские, украинские — и виртуозно играл на нескольких музыкальных инструментах; ряд собственных стихотворений он положил на музыку (к сожалению, его музыкальные сочинения не сохранились).

«Гино, — говорит Нафи Джусойты, — умел не только любить, исполнять и искусно создавать песни. Он сумел и воспеть песню». Нафи имеет в виду новеллу Баракова 1928 года «Бæстырæсугъд» («Краса Земли»), в первой редакции опубликованную под заголовком «Бадилаты чызг» («Дочь баделят»). Эта новелла, как нельзя ярче выразившая идейно-художественную концепцию Гино Баракова, была дважды переведена на русский язык — помимо перевода, выполненного самим Нафи («Красаира»), известен и перевод Анатоля Дзантиева («Краса ненаглядная»), который, кстати говоря, публиковался на страницах «Дарьяла» (2004. № 4).

Историю, послужившую основанием для «Осетинской скрипки», автор услышал в середине 1990-х годов. В тот день Грис Плиев и Сергей Хугаев проведали в больнице своего друга, поэта Хаджи-Мурата Дзуццати, а после больницы пошли пешком с ул. Барбашова до ул. Генерала Масленникова, где жил Грис. Во время этой прогулки Грис коротко поведал Сергею о «хабаре» (случае) с Гино Бараковым, о котором сам слышал когда-то от старших товарищей.

— Да ведь это сюжет, — сказал Сергей.

— Действительно, действительно… — согласился Грис. — Изумительный сюжет.

Очевидно, этот «хабар» представлял собой предание, своего рода образец городского фольклора, несколько гиперболически осмысливающий музыкальный и песенный дар Гино Баракова. С. З. Хугаев воплощает исходную фабулу в форме реалистического рассказа, при этом не только не утратив, но углубив его гуманистическую мысль: здесь тоже *воспевается песня* и, в широком смысле, необоримая нравственная сила настоящего искусства и чистого, благородного сердца.

На осетинском языке рассказ был опубликован в 2022 году; тогда же был удостоен главной премии журнала «Мах дуг».

Ирлан Хугаев

Грису Плиеву

1

Стол был старинный, антикварный, и так же старо было зеленое сукно, которым он был покрыт и которое местами потерлось и вылиняло до темных лоснящихся пятен.

На столе, в желтом свете лампы, свисающей с потолка на длинном шнуре, лежала осетинская скрипка; по сторонам, против друг друга, сидели двое: один — тучный, бритый наголо, другой — маленький и щуплый, в очках. Когда он даже едва заметно двигал головой, его круглые очки озорно поблескивали, словно они жили своей жизнью и радовались тому, что так близко видят скрипку.

— Говорят, он здорово на ней играет, — сказал очкарик.

— Конечно, играет. Еще бы не играет! — сказал другой с готовностью и явным удовольствием оттого, что может это

подтвердить. — И не только играет. Он и поет. И сам же песни пишет. А ты думал!.. — Он медленно поднял руку, приложил ладонь к виску и снова застыл, и теперь его круглая бритая голова казалась еще круглее и больше.

Они снова замолчали. В позе бритого угадывалось намерение потрогать скрипку, взять ее в руки, а другому, очкарику, не хотелось, чтобы он трогал ее: он вдруг разглядел в ней образ мирно отдыхающего горца — горец устал от косьбы и прилег на своем лугу, подобрал колени, заложил руки под голову… И, будто удивляясь своей фантазии, очкарик то и дело мелко покручивал головой, и снова мерцали его круглые очки.

— Скрипка — это вещь, — сказал он наконец и, немного оживившись, распрямил спину и взглянул на другого: — Знаешь, как Горький о скрипке говорил?

— Горький? Который про цыган и бродяг пишет?

— Писал. Большой был писатель. Он говорил, что женскую красоту возможно только на скрипке сыграть, да и то лишь тому, кто эту скрипку, как свою душу, знает. Видишь?.. Ни словами эту красоту не выразить, ни красками — а только скрипкой. Скрипка — это сила.

— Охота было врать твоему Горькому, — сказал бритый, устало проведя ладонью по затылку.

— Не скажи, — блеснул стеклами очкарик, предупредительно подняв кверху указательный палец.

— Да и, небось, не об осетинской скрипке он говорил.

— Скрипка — она везде скрипка. В человеческую душу только скрипка может заглянуть. Ее звук любой омут рассеет. Как она душу проймет, так ничто ее не проймет.

Бритый опустил руку на стол.

— Сюда-то он зачем ее притащил? Или он хочет для нас концерт устроить? — спросил он таким тоном, будто искал ссоры. Глаза у него были выцветшие, пепельно-серые, усталые, но беспокойные.

— А что, если вызвать его? — снова оживился очкарик, заблестев стеклами. — Может, отправим за ним караульного?

— Ну, допустим, привели его. И что потом?

— Потом мы попросим его сыграть.

— Допустим, он и сыграет, и споет: что потом? Через минуту весь комиссариат сбежится сюда, как по тревоге.

— Да будет тебе. Какая там тревога…

— У этих стен уши есть. Не забывай этого.

— Уши! Все об этих ушах говорят, а я еще ни одного не видел… Уж очень мне захотелось скрипку послушать. — Очкарик встал и

легко потянулся, приложив руки к пояснице и разогнув спину. Тут он заметил смычок, лежавший рядом со скрипкой, со стороны бритого. Он был похож на меленький лук, из которого стреляют мальчишки. Очкарик уперся руками в стол. — Нам еще не следовало его брать. Поторопились мы.

Бритый криво усмехнулся и поднял голову, и под его затылком взбухли тугие жирные складки.

— Это не мы поторопились, это время нас торопит. Время, время! Ему нет дела до наших соображений, оно ждать не станет. Оно бы, конечно, хорошо, если бы время могло подождать, как один охотник поджидает другого, у которого ремешок на арчи[1] распустился. Время не ждет.

— Он человек видный, крупный. Слишком уж он знаменит и уважаем в народе.

— В том-то и вся соль, что знаменит и уважаем. Народ как мыслит?.. Раз такой человек с новой жизнью не согласен, стало быть, что-то не так с этой новой жизнью и надо с ней бороться. Это просто как дважды два.

Очкарик согласно кивал, поблескивая своими круглыми стеклами, но было видно, что его сомнения не так легко рассеять, и он тихо, будто самому себе, сказал:

— Слишком осетин, слишком патриот, слишком коммунист…

— А ты хочешь, чтобы мы на цыган и бродяг охотились? Нет, нам от них никакой пользы, нам нужны только головастые, только головастые и рогастые олени нужны нам! — Сказав это, бритый сердито и решительно ударил ладонью по кнопке звонка, привинченной к столешнице.

Дверь тут же открылась, и в комнату вошел дежурный. Видно было, что это обычный сельский парень, и форма, которая была на нем, не могла это скрыть, а только оттеняла его национальность и сословное происхождение.

— Забери это, — бритый указал на скрипку и смычок. — Снеси вниз и оставь у начальника охраны. Пусть он передаст в семнадцатую камеру.

— В семнадцатой ведь Гино сидит? — лицо парня просветлело, глаза оживились.

Бритый посмотрел на него, как бодливый бык.

— Гино там сидит, Нино там сидит, — это тебя не касается!

Дежурный как бы подтянулся, выразив покорность, но радость, затеплившаяся в его глазах, не погасла. Он шагнул к столу и

[1] Ærчъи — обувь из сыромятной кожи. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

бережно, будто это был спящий ребенок, взял скрипку в руки, глядя на нее с жалостью и умилением.

— Что уставился?! — раздраженно вскрикнул бритый. — Скрипки никогда не видел?!

— Ничего не уставился. Просто смотрю. Или в этом доме на скрипку и смотреть нельзя?.. Никогда не думал, что я здесь скрипку увижу.

— Странно, не правда ли, что здесь не дают скрипичных концертов?

— Странно то, что и в других домах редко скрипку услышишь. Что же это за дом, если в нем никогда скрипка не пела! И оружие, и утварь — все у них на стене висит. А скрипки — нет. А ведь все их оружие не стоит одной скрипки…

— Скрипки? — снова насупился бритый.

— Скрипки, клянусь святым Хетагом.

— И, когда абреки угонят твой скот, ты бросишься в погоню со скрипкой в руках?

— Из дома, где скрипка на стене висит, никто не выйдет с дурным умыслом.

Бритый медленно обвел парня взглядом с головы до ног. «Посмотрите-ка на него!» — говорили его глаза. А рот сказал:

— Никак, ты тоже на ней играешь?

— Играю. Так… немного, для себя.

— Ступай тогда, если для себя. Только, смотри, внизу на лестнице не заиграй.

— Не буду. Будто я не знаю, где нахожусь, — и, взяв со стола и смычок, дежурный вышел.

Бритый положил руки на стол, распрямив кисти, и принялся их рассматривать, как если бы хотел найти, чем они отличаются одна от другой. Дело Гино не давало ему покоя: что с ним делать? Как заставить его говорить? Как заставить его вымолвить хотя бы одно только слово?.. Да хотя бы полслова! От этой работы с ума можно сойти! Шутка ли — назвать человека врагом того самого государства, за которое он всю жизнь боролся. Да что там назвать! Сделать так, чтобы он сам врагом назвался. Чтобы лично расписался в том, что он враг!

Бритый встал. Кажется, сегодня он в первый раз встал со своего места. Он тяжело прошел вдоль стола в одну сторону, затем в другую. Потом, подобно очкарику, оперся руками в стол и уставился в то место, где лежала скрипка. Очкарик тихо покашлял, но бритый его не слышал. Он думал.

2

Гино стоял у окна. Впрочем, какое это было окно! Только щель шириной с ладонь и длиною в две пяди поднималась над уровнем тротуара, словно оно было предназначено для того, чтобы смотреть в черную землю, а не на белый свет. Но хорошо, что у него есть хотя бы эта щель. Иначе он задохнулся бы во мраке. Гино видел только ноги прохожих, и то лишь стопы и лодыжки. Большей частью то были женские ноги. Хорошо бы, если бы он мог видеть и колени, или хотя бы голени. Тогда бы не так ему было тоскливо. Чтобы ему колючки рвать голыми руками, кто это окно в землю погрузил! Что может быть красивее женских коленей! Как они радуют глаз, какие сладостные вздохи — вдохи неслышные, тайные — исторгают они из мужского сердца!

Гино стоял и смотрел, запрокинув голову, в узкую полоску света, и ему припомнились те строчки. Он их и на осетинский язык пробовал перевести. Это было, когда он учился в Ардонской духовной семинарии. Гино был рад этим стихам как неожиданному привету из далекого прошлого:

…Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры…
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки… Грустный, охладелый,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне[1].

Сперва он прошептал эти строчки на русском языке, а потом, все так же глядя в полосу света, принялся искать по закоулкам памяти строки своего юношеского перевода, а когда нашел и разложил их в нужном порядке, прочитал и на осетинском. Он читал их снова и снова и радовался и за себя, и за Пушкина.

Мелькали в узкой полосе света ноги незнакомых людей: кто спешил в одну сторону, кто в другую. И тут он понял, чего он хочет: он тоже хочет — идти. Но не так, как проходят люди над его головой — торопливо, суетно, — нет: идти по-настоящему. Закинуть котомку за плечо, впрячься в скатку шинели, взять в руку посох — и идти и идти! Шагать и смотреть только вперед, не огляды-

[1] Из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1831).

ваясь на этот лживый мир. Шагать прочь от этого дома, чтобы больше и не слышать о нем. Ни об этом доме, ни о других, что вокруг стоят. Кто и зачем их строил — бог знает. Но возводили-то эти стены рабы, обездоленный люд гнул здесь свои спины, кровоточащие от ударов плетей. Сколько боли и обиды заключено в этих толстых, глухих стенах! А те, которые ходили здесь с плетьми, — каким богам смели они молиться, на какие блага, на какие радости они смели рассчитывать в будущем для себя и своих детей?.. Нет, чистые, светлые дома стоят только там, в горах, — дома, сложенные из белого гранита, настолько чистого, что он звенит от самого легкого прикосновения!.. Дома, над которыми поднимается в небо чистый, как молитва, дым и на порог которых выходит ранним утром горец с белым пастушьим посохом, — и стоит и озирается кругом — не нуждается ли кто в его помощи.

Он, Гино, вновь пойдет по этим дорогам. Пойдет по-настоящему, далеко. Потом сядет где-нибудь на вершине горы и будет играть на своей скрипке и петь. Петь песни новой жизни. О, если на этом свете есть счастье, то и он, Гино, будет счастлив! Он будет строить новую жизнь, ходить по обновленной земле и петь песни о свободном, счастливом мире. Его отпустят. Не может быть, чтобы не отпустили. Порасспросят о том о другом — и отпустят. Как в первый раз его отпустили, так и теперь отпустят. Ведь не нашли в нем изъяна — ни в его работе, ни в его душе, — а с тех пор что могло измениться! Тогда отпустили: никакой, дескать, на тебе нет вины. А теперь какая на нем может быть вина!.. Да, но тогда его несколько месяцев держали-терзали: а это как?.. Почему никто не понес за это наказания? Разве это не странно, что никого не спросили: ну-ка, за что вы держали безвинного? Разве это не вина — лишить свободы безвинного? Почему не нашлось никого, кто их спросил бы, указав на них пальцем? Почему никто не встряхнул их, взяв за шкирку? В том-то и дело. Если бы тогда кто-нибудь крепко встряхнул их, его бы не арестовали во второй раз. Так оно и бывает, когда неправых не призывают к ответу. Нет, какая-то кривда завелась в жизни, пустила в ней корни. Надо будет ему попристальней присмотреться к этой кривде, как только его отпустят. Если он сам будет бессилен выкорчевать ее, то он и в Москву пойдет, хоть пешком пойдет, по-настоящему. Самому Сталину расскажет об этой кривде, — а уж он-то, Сталин, найдет на нее управу.

Люди над ним все шли и шли. И Гино глядел на мелькание их ног. Интересно, кто они? Среди них, возможно, есть и его знакомые или даже друзья — ему было бы приятно знать это наверняка. А по ногам человека не узнаешь. Его и по лицу не всегда узнаешь… Может

быть, и его Лена теперь так же ходит по улицам, по коридорам. Стучится в одни двери — ее шлют к другим, шлют с этажа на этаж, из кабинета в кабинет. Сжалось тоскою сердце Гино: с кем только не приходится говорить его Лене — его милой, его добронравной Лене! Должно быть, всякий видит по ее глазам, что она ищет сочувствия, просит милости, — ах, как не идет ее светлому и благородному лицу это выражение! Совсем не идет. Не она должна умолять их, а они должны бы умолять ее, потому что она чище их всех, чище и красивее — и душой, и внешне, и выше их воспитанием и образованностью. Не ходить бы ей по этим кабинетам! Его и без того выпустят. Рассмотрят как следует его дело — и выпустят. В прошлый раз ведь тоже не сразу выпустили. Целых полгода держали. Кажется, то было лет шесть-семь назад. А теперь, конечно, скорее выпустят…

Лязгнул замок, заскрипели дверные петли — протяжно, тоскливо. Никто их, эти проклятые петли, не смажет, чтобы не щемили сердце своим заунывным воем. А иногда ему кажется, что это не петли скрипят, но тяжелая дверь, отворяясь, делает слышным вопль этих напитанных страданием стен, а потом, возвращаясь на место, снова наглухо замыкает им уста… Он обернулся. На пороге стоял, сгорбившись, пожилой человек в осеннем пальто и фетровой шляпе. Пальто показалось Гино слишком уж широким и длинным, словно оно было человеку чужим и его вот только что, за дверью, прежде чем втолкнуть сюда, набросили ему на плечи. Вошедший стоял на месте и дрожал, будто от озноба. Опасаясь, что он может упасть, Гино подошел к нему и, взяв под локоть, подвел его к железной койке, которую накануне, скрежеща по цементному полу, притащил в его камеру охранник. Едва добравшись до койки, человек свалился на нее и затих.

3

— Меня отпустят, отпустят, — говорил Гино. Он сидел на своей койке, склонившись вперед и упершись локтями в колени. — Не может быть, чтобы не отпустили.

— Это хорошо, что ты в это веришь. Вот только почему ты так в это веришь? — спросил его новый знакомец, которого накануне бросили к нему в камеру и который так и не шелохнулся ни разу за всю ночь.

— У меня снаружи много дел, очень много. У меня нет времени здесь прозябать.

Сокамерник смотрел на Гино как бы устало и безразлично. Глаза у него были воспаленные, красные, а брови красивые, черные,

гладкие и длинные, как у женщины, и в них отчетливо виднелись отдельные седые волоски.

— Нет времени! — сказал еще раз и громче прежнего Гино.

— В чем они тебя обвиняют? В каком преступлении?

— Откуда мне знать! — всплеснул Гино руками. — Они говорят, что я связан с врагами советской власти. Еще бы не связан! — связан тем, что я всю жизнь, сам себя не жалея, бился против них! Чем другим, будьте вы неладны, я могу быть с ними связан?! Нет, здесь что-то другое… — Гино взглянул на сокамерника и, заметив, что тот смотрит ему в глаза, добавил: — Совсем другое!

— Вот-вот, в том-то и дело, что здесь что-то совсем другое. Вот только что это, что?.. Нет у этого другого ни имени, ни рода, да прервется их род — тех, кто к нам это другое принес! Разве это правильно? — в кои-то веки мы вздохнули полной грудью, — а нам тут же кулаками глотки заткнули: не сметь дышать! Ты знаешь ли, что многие теперь свои котомки в изголовье держат, вместо подушки, чтобы быть готовым, когда к ним явятся эти… синие фуражки!.. В таком страхе как человеку жить, как работать, как за столом посидеть? — Новый знакомец помолчал и глубоко вздохнул, и Гино отчего-то показалось, что в этом вздохе было больше удовлетворения, чем тоски. — Но ты прав. Тебе нечего опасаться. Тебя по ложному доносу взяли. А кого по ложному доносу берут, того правдивое сердце не может не открыться. А вот я пропал так пропал. Видно, судьба моим детям по миру пойти.

Он замолчал, а Гино, сидя напротив, все смотрел и смотрел на него. Его сокамерник, видимо, сник. Он сидел на краю койки, бессильно сгорбившись, его длинное и просторное пальто сложилось на нем в крупные бесформенные складки, только голова с острым носом торчала наружу. Он показался Гино похожим на сидящую на ветке нахохлившуюся ворону, и Гино искренне подосадовал на себя за такое сравнение. Он тряхнул головой и опустил глаза в землю.

— В чем ты провинился?

— Подрался я с ними.

— С кем?

— С этими… синими фуражками.

— Как же такое случилось?

— Да так. Это было у нас в селе. Мы сидели за столом, поминали односельчанина. Едва старший встал с рогом в руке, чтобы сказать «рухсаг», вдруг подступили к нему с обеих сторон. Один, в штатском, забрал у него рог и говорит: «Гражданин, вы задержаны». Все на минуту опешили, потом разом задвигались, послыша-

лись возмущенные возгласы. Где это видано, чтобы у старшего, который для молитвы поднялся, рог из руки вырвали!.. Тот, глядя на свою пустую руку, спрашивает: «Может быть, вы меня с кем-нибудь перепутали?» — «Мы врагов советской власти ни с кем не перепутаем!» Я подошел ближе. «Вы, — говорю, — дайте "рухс" сказать человеку, а потом делайте, зачем пришли, он никуда не убежит». Они все как один ко мне повернулись: ты еще, дескать, не указывал нам, как и что нам делать! «Да разве такое случалось на земле Осетии, чтобы у сидящего на тризне старейшины поминальный рог отняли и слова сказать не дали?!» Тогда возопил тот, что был в штатском: «Так ты хочешь, чтобы мы, делая свою работу, свою государственную работу, на цыпочках ходили из почтения к вашим завшивевшим традициям?!» — он резко махнул рукой, выплеснул араку нам под ноги, а пустой рог бросил на стол. У меня глотку перехватило, так что вздохнуть не мог. Подскочил я к нему, схватил его за грудки. Что я говорил, я и сам не сознавал, но говорил и говорил, глядя в его выпученные глаза. Только отдельные мои слова и обрывки фраз осели в памяти, и позже я время от времени слышал их эхо, как будто кто-нибудь другой внутри меня снова выкрикивал их: «Да ведь вы сами враги народа, раз за его лучшими сынами охотитесь, хватаете их и бросаете в жернова своей адской машины… Или вы думаете, что этот самый народ слеп и не видит, кто ему враг, а кто друг?! Все он видит, и рано ли, поздно ли — заскулите, как та лиса из нашей притчи, что нож проглотила; так и знайте!..» Пока я его за грудки тряс, наши парни обступили незваных гостей со всех сторон; я испугался, комитетчика бросил, стал было парней увещевать, — да уж поздно было: разве их остановишь, этих необъезженных жеребцов! Немного потоптали их наши ребята, те даже не решились оружие из кобур вынуть… А позапрошлой ночью, когда уже спать ложился, заявились ко мне: ты, дескать, публично, перед целым селом, собравшимся на поминки, подстрекал народ бунтовать против советской власти!

Гино грустно смотрел на собеседника.

— Какой ты фамилии? — его вопрос прозвучал так, будто он не спрашивал его, а в чем-то с ним соглашался.

— До сих пор из Дзиболаевых был. Гугус мое имя.

— А я Гино, Бараков.

— О, Гино! — Гугус взглянул на Гино широко раскрытыми глазами. — Да помогает тебе Бог во всем… Значит, и таким, как ты, от них житья нет!.. Я вот что хотел спросить. Отсюда каждый день наверх водят?

— Кого?.. — рассеянно спросил Гино. — Кто водит?

— Да вот эти… проклятые… которых всех с собачьей скалы надо бы сбросить.

— Зачем?.. То есть зачем им нас наверх водить?

— Как зачем? Допрашивать, тело и душу истязать. Хоть сегодня оставили бы меня в покое, чтобы в себя пришел. Тебя вчера допрашивали?

— Нет. Не только вчера, но уже несколько дней ни с кем не говорил, кроме тебя. Наверное, видят, что нет на мне ничего, а отпустить меня им жалко, вот и держат, — сказал Гино тихо и как бы отрешенно. Он думал о том, что, как только он будет на свободе, он непременно напишет историю Гугуса Дзиболаева — о том, как и за что его арестовали. Это будет или рассказ, или очерк, или публицистическая статья, но обязательно будет. Об этом нельзя не написать. В самом деле, разве это люди? — их бы там всех на месте перебить, как бешеных собак!

— Завидую я тебе, — сказал спустя минуту Гугус. — Ни в чем не чувствовать за собой вины! Даже если твою душу сквозь игольное ушко станут тащить — и тогда оставаться спокойным, зная, что тебе нечего скрывать!

Гино промолчал: ему казалось, что Гугус говорит сам с собой. Тот опять зашевелился на месте и вздохнул несколько раз кряду — вздохнул глубоко, с чувством:

— Вот оно — счастье, настоящее счастье — чистая совесть! Чистая, как вода наших родников! Чтобы ни единой песчинки злого помысла!

Гино поднял голову, посмотрел на Гугуса. Его слова, да и тон, с которым они были сказаны, показались ему несколько нарочитыми, пафосными. Как если бы он уже не раз произносил их прежде, стараясь добиться нужной выразительности. Гино подумал, что Гугус, может быть, участвует в народной самодеятельности, в каком-нибудь драмкружке: сейчас сельские клубы повели активную работу. Должно быть, Гугус играет в каких-нибудь постановках… А хорош, наверное, бывает Гугус, выходя на сцену в этом своем пальто, что висит на нем как на вешалке… Тут мысль Гино оборвалась, и он усмехнулся над собой: будто Гугус все роли в одном и том же пальто играет!

— Да, — продолжал тем временем Гугус, — делать свою работу, такую важную и трудную, и при этом не споткнуться ни на одной ступеньке, ни на одном уступе! Даже в сердце своем не обругать, не проклясть никого — ни тех, кто выше тебя стоит, ни тех, кто ниже. Со всеми уметь в согласии жить. А главное — с собой! У нас в народе ведь как говорят? — «злой человек и себя не любит». Потому и видно сразу, что он злой.

Гино вдруг стало жаль Гугуса: слишком уж он чувствительный человек. Как близко он принял к сердцу его, Гино, положение! Будто ему своих забот мало. И все-таки его нужно было чуть поправить, и Гино сказал:

— Жить в согласии — это одно, а быть согласным — другое. Согласия у меня только с врагами никогда не было, а в чем-нибудь несогласным я только с друзьями бывал. И тогда я им прямо, глаза в глаза говорил, в чем и почему я с ними не согласен. Громко говорил, чтобы мои слова не только их уши, но и сердце услышало.

— Слышит тебя мое сердце, Гино, слышит, — поспешил с ответом Гугус, утвердительно тряхнув головой. — Насквозь пронимают меня твои слова. Но время такое… плохое время. Нынче человек сам себе не доверяет, сам на себя боится донести!.. Потому и говорю, что завидую тебе, что восхищаюсь твоей убежденностью.

Гино посмотрел на Гугуса, на его бледное лицо и красные глаза: о чем переживает этот человек! Ему бы о детях своих переживать, а он о времени рассуждает.

— Ты говоришь, тебя позавчера взяли, — сказал Гино. — А где ты провел ту, первую, ночь?

— А что там осталось от той ночи! Привезли, усадили под лампой, положили на стол бумажки и стали вопросы задавать: когда и кем был завербован, какие мне давали задания, кто мои сообщники, кто у нас был главный…

— Да ведь тебя за другое арестовали?

Гугус на мгновение замер, словно ему задали вопрос, совершенно не относящийся к делу.

— Будто я их сам об этом не спрашивал! — горько усмехнулся он.

— И что они?

— Это, дескать, наше дело вопросы ставить, а твое дело — отвечать. Понял, дескать?

— И что ты?

— А что я? Дескать, понял…

— А потом?

— Потом бросили меня в какой-то темный угол, пришли двое и принялись мне бока мять. Били, пока я боль чувствовал…

— Погоди, а как они узнали, что ты перестал чувствовать боль?

— Кто? Те двое?

— Да, да. Те двое.

— Наверное, по тому узнали, что я больше не кричал и не двигался. Когда я пришел в себя, я лежал на какой-то ветоши. Все тело болело так, будто меня трактор переехал. Ни спины не мог разогнуть, ни ног. До рассвета не мог пошевелиться.

— До рассвета, говоришь?

— Да. Пока не рассвело.

— А когда рассвело, ты уже мог встать на ноги?

— Да. Может быть, не потому мог, что рассвело. Но ведь свет — это не пустяк. Не зря у нас молятся Боны-рухс-бардуагу[1] в тех домах, где больной человек лежит.

— Значит, их двое было? — спросил Гино.

— Кого? — спросил и Гугус, подняв на него будто рассеянный взгляд.

— Тех, что били тебя.

— А, тех… Да, кажется, двое.

— Значит, ты их не видел?

— Как бы я их увидел в такой темноте, что хоть глаз выколи!

— Тогда почему ты знаешь, что их двое было?

В глазах Гугуса промелькнуло будто какое-то беспокойство, и Гино удивился: что могло его смутить, если только ему это не показалось?.. Ах, ну конечно: ведь он сам Гугусу не что иное, как допрос устроил!.. Еще бы ему не обеспокоиться. Ведь этак он может подумать, что он, Гино, здесь затем и сидит, чтобы выведать у него все то, о чем он наверху умолчал. Тем более что он сам был когда-то один из них, из «синих фуражек». Откуда Гугусу знать, что он расспрашивает его только затем, чтобы потом, когда он выйдет на свободу, написать его, Гугуса, историю, чтобы лучше, во всех деталях понять и его положение, и его состояние…

— Может, и больше было, — сказал Гугус, будто чем-то обиженный. — Но точно не один. Это, знаешь ли, не одно и то же — двумя руками тебя избивают или…

— Да, да, конечно… Тело человеческое чувствительно… Слабо, слабо тело, — пробормотал Гино и, вздохнув и опустив голову, снова погрузился в свои мысли.

Может быть, ему удастся чем-нибудь помочь Гугусу. Ведь прежде это ему не раз удавалось. Сколько дел он сам рассмотрел, иногда забирая их у своих подчиненных, сколько несправедливых обвинений снял с самых разных людей, распахнув перед ними двери темниц: ступайте, добрые люди, по своим бедным домам!

Ему уже ни о чем не хотелось спрашивать Гугуса. Не глядя, он развел руки по сторонам, пошарил ими по своей койке; левой рукой нашел среди складок потрепанной солдатской шинели скрипку, правой — смычок. Потом распрямил спину, вздохнул и, поставив скрипку на левое колено, заиграл и запел:

---

[1] Боны рухс бардуаг (*миф.*) — букв. «дух-покровитель дневного света».

Расплодились волки беззаконно,
Горы и ущелья наводнили.
Род олений весь согнав в загоны,
Резать их по одному водили.

Гугус мотнул головой и растерянно оглянулся через плечо, как если бы кто-нибудь невидимый вдруг хлопнул его по темени, потом бросил тревожный взгляд в одну, в другую сторону — что это?! Разве это всего лишь скрипка, разве это всего лишь песня? Гугус хотел было встать — зачем, он и сам не знал — от этих звуков и валун подвинулся бы на своем от века належанном месте! Он подался телом вперед, но так и не поднялся, потому что почувствовал крупную дрожь во всем теле. То была не просто скрипка, то была не просто песня — то был сам свет Божий, от которого нельзя укрыться, который проникает в тончайшие поры бытия и делает вещество прозрачным, как воздух. И Гугусу показалось, что он сам стал звонким и прозрачным, как стакан, сквозь который смотрят на свет, чтобы узнать, мыт ли он.

Он посмотрел на Гино, уже не стараясь скрыть смятения и невольной мольбы, выразившейся на его лице. Хорошо, что Гино не смотрел на него. Гино никуда не смотрел. Глаза Гино были закрыты. Наверное, так он лучше видел тех волков и оленей, о которых он пел:

Резали оленей, пировали,
И никто не встал за род олений.
Прежде чем убить, рога ломали —
И стоял над миром рев олений.

Нет, под этим небом еще никогда не пелось подобной песни! — так думал Гугус. Если бы когда-нибудь прежде люди слышали эту песню, то сегодня мир был бы совсем другим. И люди были бы другие. Потому что — как тяжел становится от нее человек! — но, сколько он, Гугус, становился тяжел телом, столько же он становился легок и вдохновлен душой, как если бы он был кувшином, а песня Гино была вином, и он наполнялся этим вином — и становился все тяжелее, а на душе у него становилось все легче! Всем своим существом Гугус почувствовал желание действовать — сделать что-нибудь. Что? — что-то большое, настоящее, что-то такое, к чему не всякий способен, такое, о чем молва пойдет по миру. И он все удивлялся на себя: что с ним сделалось? Неужели это сделала песня? Подавленный и просветленный сладким бременем песни, Гугус вдруг вспомнил старого ксанца Цицо, который

был его соседом в то время, когда он еще жил в селе, в горах. Цицо, бывало, говорил: «А вы как думали!.. Песней, если хочешь, убить можно. Песня — что небесная пуля, из тех самых, которыми всевышний чертей, землю заполонивших, истреблял. Но песня не только убить, она и воскресить может… Так, что мертвец встанет из гроба…»

Мысли Гугуса перепутались и заметались в разные стороны, они то сталкивались, проглатывая одна другую, то сливались в сплошной мерцающий вихрь, который он наблюдал словно со стороны, словно мысли были не в голове у него, а кружились вовне, в сумеречном воздухе камеры, — и Гугус снова встряхивал головой и беспомощно озирался по углам. Да, пожалуй, убить песня может. Убить человека легко. Но из гроба поднять?! Что же, что из гроба! Пожалуй, иного может и из гроба поднять!.. Только не его, не Гугуса. Его, Гугуса, пожалуй, и убить не сможет! Потому что слаб он, Гугус. Потому что продал он свою честь. Можно ли убить человека, который и без того уже мертв!..

Позабыли волки, что настанет
Божий суд, и честный, и недолгий,
Он на кряжах виселиц наставит,
Чтоб на них висели люди-волки.

Гугусу представился бесконечный ряд виселиц, торчащих на горных хребтах и отрогах и четко выделявшихся на фоне чистой небесной сини. Он снова дернулся вперед, будто желая встать, и снова остался на месте: закончилась ли песня Гино, или у нее есть еще продолжение? Зачем ему нужно встать, несмотря на дрожь в коленях, он не знал по-прежнему, но уже почему-то твердо решил, что он должен встать на ноги, если Гино кончил петь. Он поднял голову и посмотрел — но вместо сидящего в полусумраке Гино снова увидел торжествующую небесную лазурь и черные столбы виселиц с висящими на них волками, бессильно свесившими серые когтистые лапы. Гугус присмотрелся — и с ужасом узнал в одном из волков самого себя. Петля крепко стянула ему шею, и он выпростал из пасти окровавленный язык. Другие волки висели покойно и смирно, он же, волк Гугус, мерно раскачивался, будто ветер нарочно качал лишь его… Гугус вздрогнул и с усилием глотнул, издав пересохшим горлом какой-то деревянный стук. Видение развеялось.

Гино полулежал поперек койки, прислонившись лопатками и затылком к стене и положив скрипку себе на грудь. Пальцы его левой руки неспешно двигались по грифу вверх и вниз, едва касаясь струн, как если бы он мысленно наигрывал какую-то мелодию.

Его глаза были закрыты, и он будто даже не дышал: наверное, сделав глубокий вдох, он выдыхал воздух медленно, протяжно, как требует того тихое, вдумчивое пение. Лицо Гино разгладилось и представлялось Гугусу совершенно спокойным и беззаботным. Но это было лишь внешнее впечатление: сейчас Гино переживал о многом, а больше всего о нем, о Гугусе. Что станется с его семьей, его детьми, если его не отпустят? На что они будут жить? Но, быть может, отпустят еще. Чем бы ему можно было помочь? Чем и как?

Гино все больше сочувствовал Гугусу. Да, добрый он человек. Добрый, но слабый. От слабости, а не от силы он вступил в ту схватку, и теперь он, возможно, не устоит, проиграет. Но тем больше он заслуживает того, чтобы о нем написать… Немного странный он: вроде бы сельский человек, а в то же время как будто и не совсем сельский. И говорит он простым народным языком, а интонации у него как будто книжные, литературные. Как он, интересно, справляется с сельскими-то работами и хлопотами?.. Как живет с соседями?.. Запевает ли он, сидя с ними за досужим столом? Наверное, запевает. Там, в селах, хорошо поют… Гино подумал, что пора бы ему уже открыть глаза и взглянуть на Гугуса: так же ли он сидит, как сидел, или, может быть, он уснул? Если Гугус не спит, Гино скажет что-нибудь. Спрашивать больше ни о чем не будет, а просто что-нибудь скажет. И пусть тогда и Гугус что-нибудь скажет, если не спит… Вдруг раздался в камере громкий и отчетливый возглас:

— Прости, Гино!

Гино услышал эти слова, но они не сразу дошли до его сознания. Он хотел уже прислушаться к их смыслу, но в следующее мгновение его оглушил звук выстрела, который словно длился целую вечность и заполнил собой весь мир. Даже на войне он не слышал такого грохота. Даже пушечные залпы турок не гремели так ужасно.

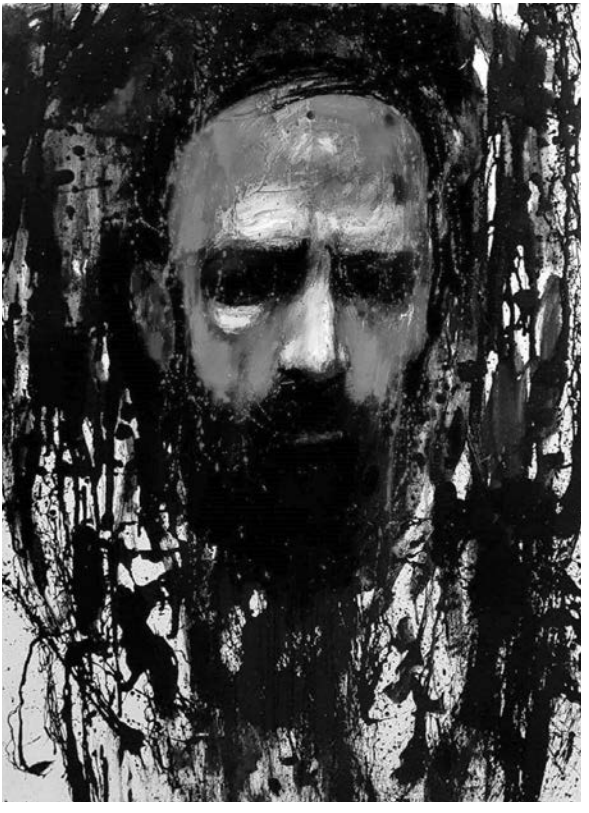
Гугус лежал, откинувшись навзничь, его голова неловко уперлась в стену и склонилась на сторону; широкие и бесформенные складки пальто полностью скрывали очертания тела. Из правого рукава виднелся вместо руки наган.

Гино стоял, держа в одной руке смычок, в другой скрипку, и не двигаясь смотрел на тонкий сизый дымок, струившийся из дула нагана.

Амурхан КИБИРОВ

СВОИ МЫ В ЖИЗНИ НАСТОЯЩЕЙ

СТИХИ
ПЕРЕВОД С ДИГОРСКОГО К. ГАДАЕВА



В оформлении использована картина М. Чатиняна

ЖАЛОБЫ ДИКОЙ ГРУШИ

Кто плоды мои любил,
отдыхал в моей тени —
тот меня и погубил.
Так звени, топор, звени!

И топор звенит, звенит,
как ни плачу, ни молю…
Ах, за что меня казнит
тот, которого люблю.

Колет древо на дрова
раскалившийся топор.
Ни жива и ни мертва,
я не в силах дать отпор.

Разгорается весна.
Все цветет, летит, свистит…
Мне же птица ни одна
песнь свою не посвятит.

Просит ветер: «Покажись!
Что-то грустно молодцу.
Эй, подружка, покружись,
с ветром вешним потанцуй!»

«Ой ты, ветер-ветерок,
вкруг не вейся, не кружи.
Знать, веселью вышел срок.
В чем вина моя, скажи?»

Кто плоды мои любил,
отдыхал в моей тени —
тот меня и погубил.
Так звени, топор, звени!

* * *

О, альпийский цветок,
твой целебный нектар
осознать мне помог
жизнь как радостный дар.

По ночам снишься ты,
аромат твой ищу.
От твоей красоты
я во сне трепещу.

Чтоб не морщить чело,
покоряясь судьбе,
улетаю пчелой
ранним утром к тебе.

ЦЫГАНСКАЯ ДОЧЬ

Не помнится даже,
да в лете каком
их лошади с нашим
паслись табуном.

Ковали искусно.
Запало в меня,
как искры из кузни
летели, звеня.

Как мальчиком бо́сым,
глазаст и легó́к,
ступил я без спроса
да на уголек.

Их дочка-смуглянка
ровесница мне,
но грация, глянь-ка,
не детская в ней.

Душа моя пела.
Взволнованный весь,
ходил то и дело
я к ним под навес.

Тепло принимали.
Чем мог, помогал.
Чуть взглядом поймаю
ее — ликовал.

И всхлипывал тайно,
коль видел во сне
наш пляс неустанный
и пламенный с ней.

Хорошее дело —
в столь нежных летах
душою и телом
летать в небесах…

Но кончилось лето,
начавшись едва.
Прощального цвета
трава и листва.

Вот с первым морозом
увозят ее.
А с нею без спроса —
и сердце мое.

* * *

Гуляли по лугу.
Ловили жуков.
И луг нам по кругу
пел песню без слов.

То, как перепелки
сидели, таясь.
То в небо без толку
взлетали, смеясь.

Ромашки срывали,
шутили с судьбой
и в «любишь-не-любишь»
играли с тобой.

Но что начиналось
со смехом тогда,
потом, оказалось,
пришло навсегда.

За долгие годы
все можно простить
и любишь-не-любишь
друг друга спросить.

* * *

Мы не из рода райских птах,
чье оперение блистает.
В саду роскошном падишах
о наших песнях не мечтает.

Любая птица рада петь,
чтоб, угождая господину,
кормушку полную иметь,
тепло и свет — за песнь едину.

Мы — вороны. Наш норов дик.
Наш дом родной — лесная чаща.
Пером — черны. А песня — крик.
Свои мы в жизни настоящей.

Подчас бываем голодны
так, что когтями землю роем.
Мы только выживать годны.
Мы — вороны, а не герои.

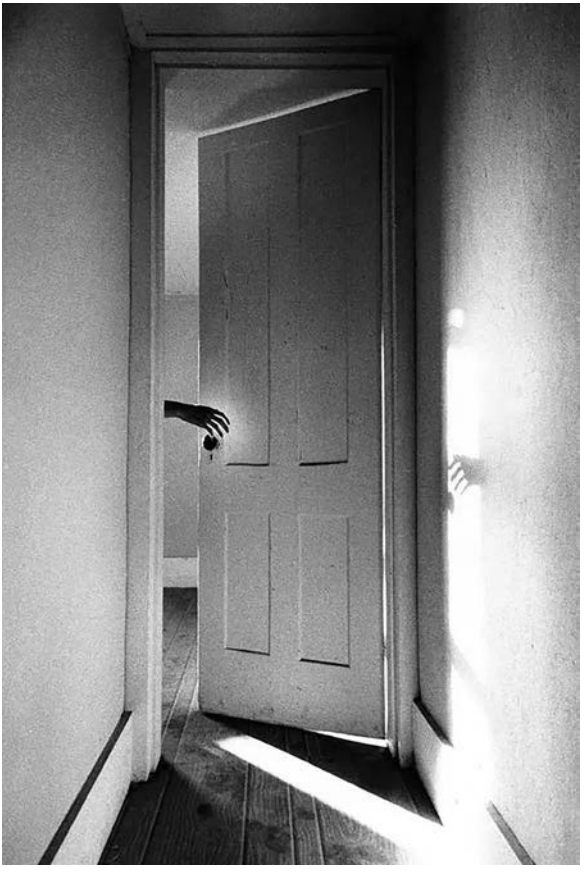
Мы — чаши горечи и гнева.
Звезд ледяных печаль в глазах.
В сердцах нет места для напева.
Ком в горле. Рана в небесах.

Мы не из рода райских птиц.
Наш путь ведет по краю бездны.
Пусть падишах, простертый ниц,
услышит крик наш вместо песни.

Амир МАКОЕВ

ИСЧАДИЕ

РАССКАЗ



В оформлении использован снимок американского фотографа Р. Гибсона

Всмотрись в этот сон: разве не так ты воображал удавшуюся жизнь? Во всяком случае, все происходящее здесь на тебя очень похоже. Вон та самая лужайка перед вашим домом, где ты любил проводить с ними время: летом — летние игры, зимой — игры зимние. Лужок-то твой был с уклоном, помнишь? Правда, с небольшим. У тебя и уклон пришелся кстати — я про возможность скатываться на саночках. Впрочем, мог бы и лыжи освоить. Но лыжи ты не любил и детей от них отвадил. Помнится, ты в юности на них расшибся, но обошлось без серьезных увечий. Я всего лишь хочу сказать: тебе везло во всем, а какие-нибудь незначительные и неприятные моменты вроде непослушных лыж можно опустить. Да и при чем здесь лыжи? Кто вообще их пропустил в сон? Жаль, что не бывает к снам никакой редактуры. Мы часто видим в них приятные картины, но, согласись, вынуждены смотреть и много противного нашим желаниям. Это просто возмутительно, лично я против навязчивости такого рода услуг таинственного механика сновидений! Не то стал бы я, к примеру, смотреть этот сон? Нет, конечно, и не подумал бы!.. Извини, потерял мысль, о чем это я?.. Ах да, я просто хотел сказать, что ты был везучим. Впрочем, я повторяюсь. И кажется, волнуюсь. Оно и понятно: тебе обещали прекрасную — ну как еще скажешь? — сказочную жизнь, а тут…

А ведь ничего не предвещало даже малой облачности. С самого детства у них все было хорошо: не болеют, все трое прилежные и послушные, ну нет, ты только посмотри, как они на тебе катаются. Одно загляденье! Вот и мать их выглянула из окна — не насмотрится на вас. Красивейшая женщина! Это ли не самое настоящее семейное счастье! Хотя… Послушай, может, я ошибаюсь, но твой старшенький, мне кажется, совсем не соизмеряет силу ударов с пределом допустимого в игре. Ну что значит — не вмешивайся?!

Нет, это ты погоди! Ты улыбаешься, это понятно, так, наверное, и должно быть у отцов, но позволь напомнить, что это опасно и может причинить тебе боль. Ведь может? А он тебя совсем не чувствует, ты понимаешь? Повторяю по слогам: не чув-ству-ет! Опять — прекрати! Да нет, это с тобой невозможно общаться! Ну вот: не успел я договорить, как он тебе губу разбил головой — с чем и поздравляю!

Но посмотри на младшенького — он стремится во всем подражать брату и сестре. Он взбирается тебе на спину и прыгает на подушки (видела бы мать) так же, как делают это старшие, он перед тем даже смотрит на них и все в точности повторяет. Ну что с него возьмешь, совсем ведь малыш, главное, чтобы эта склонность к подражанию не осталась у него на всю жизнь. Я помню эти мои слова. Да не издеваюсь я и вполне адекватно к нему отношусь… ну дай же сказать, в конце концов! Согласись — я как в воду глядел, — разве не так он повел себя в самый трудный момент твоей жизни, когда ты нуждался в поддержке хотя бы одного родного человека? Но он был как все: как мама, как сестра, как старший брат. С мамой и старшим сыном все было и тогда понятно — ну что с них возьмешь? — тут они похожи, одна порода, даже не трудись сверять узоры их душ, совпадение будет идеальным. Да и младшенького за его бесхарактерность тоже трогать не будем. Бог с ним!

Но вот дочь твоя, единственная путеводная твоя звездочка, ради которой ты жил, — что с нею стало? Вы разве не были с нею отражением друг друга? Вспомни: у нее даже повадки были такие же, что и у тебя, она с малолетства ела мужскую — папину — еду и даже была верной и надежной сообщницей, с которой ты прокрадывался в кухню в поздние часы, чтобы чего-нибудь этакого перекусить. Тебе нравилась ее неизменная солидарность, ты восхищался ею, хвалил перед другими, потому что видел в ней себя. Так что с нею-то произошло? Можешь ли ты сказать хотя бы слово в ее защиту?.. Молчишь? Ты как знаешь, а я никогда не прощу ей того случая, когда, смущенный, да что там смущенный — униженный и раздавленный всей своей жизнью! — ты пришел с букетом цветов и коробкой конфет на квартиру, где они жили с мужем, еще бездетные. И нужно-то было тебе всего лишь одну только минуточку спокойно посмотреть на свою дочь, вспомнить ее милые детские годы, поговорить с ней, снова напитаться нежным отцовским чувством и жить хотя бы с одной этой сердечной радостью. Но тебе не дали такой возможности — оказалось, что им скоро уходить на чьи-то именины, и они с тобой говорили, переходя из комна-

ты в комнату, на ходу одеваясь, и такое у них было недовольство твоим присутствием, что ты не знал, куда деваться и что предпринять. Нет, говорили они нормально, то есть обыкновенно, как говорят с почтальоном или сантехником — грех жаловаться. Правда, она была несколько рассеяна, возможно, чем-то обеспокоена. Покидать их сию же минуту ты посчитал неприличным, в первую очередь неприличным и унизительным для себя, ведь ты какой-никакой, но отец — хотя тебе ли, в твоем ли положении было думать о приличии?! Куда ни шло, если бы они торопились, — в том-то и дело, что они передвигались по комнатам медленно, вольно или невольно — как теперь узнаешь? — оскорбляя тебя самим способом общения. Ты это почувствовал — о, как же ты это почувствовал! — и не крушение твоего дела, не распад семьи, не все остальные неприятности, вместе взятые, по степени горечи даже отдаленно не могли бы сравниться с теми четырнадцатью минутами, проведенными на пороге их гостиной. Знаешь, я бы даже и это ей простил — приму во внимание ее рассеянность, — я никогда не прощу ей другое. Проходя мимо, она заметила, что верхняя пуговица твоего серого пиджака пришита вызывающе черными нитками (не серыми, как другие), и эта деталь давно уже равнодушного к себе человека, если не сказать — опустившегося, не могла не кольнуть ей глаза, не могла не заставить дрогнуть сердце. Она не только не срезала сейчас же пуговицу и не пришила ее, как должно, обратно, но и не указала на этот вопиющий факт твоей неряшливости. Если она не подумала о том, какой надлом души пережил отец, что он вот так вот взял и без всякого критического соображения пришил пуговицу нитками другого цвета, и о том еще не подумала, что он немыслимо одинок в этом мире, — то какое же у нее, прости, каменное сердце. И мне безразлично, какие обиды у нее на тебя были.

К чему спрашивать, почему я пропустил главное событие. Ведь я следую сну, пересказываю без отклонений то, что вижу, и скажи спасибо, что в моем изложении эта история, по крайней мере, имеет ясные очертания, хотя и не лишена некоторого моего пристрастия. А возьмись я переводить в слова весь этот безмерный океан переживаний действующих лиц, то, боюсь, не нашел бы нужных слов в человеческом языке, чтобы доподлинно передать суть. Знаешь, не стал бы я останавливаться на главном, как ты говоришь, событии, а только сообщил бы: мол, случилось то, что так или иначе случается со всеми деловыми людьми, хотя, может, и не с таким драматическим исходом и не столь разрушительными последствиями. Отсюда — главным является совсем не

то, что именно и почему произошло, но как и с чем действующие лица вышли из положения, потребовавшего от них строгого нравственного поведения. Поэтому я только лишь упомяну, что дело твое разрушилось, а почему разрушилось — кому до этого дело? — возможно, не досмотрел, просчитался, нагрянул кризис, мало ли, вот и пошло все кувырком.

Уютный загородный дом с лужайкой, саночками, бассейном и садом взял и уплыл сизым облаком в другую сказку, примерно в том же направлении укатили дорогие автомобили и другие атрибуты завидной обеспеченности. Вам всей семьей пришлось перебраться в городскую квартиру, ставшую теперь символом провала, чьего-то головотяпства, а то и преступной халатности. Впрочем, никто поначалу на тебя пальцем не показывал, думали, все скоро поправится, потому что так жить никто не хотел и не собирался. Старшие заканчивали свои институты, а младший только поступил — так что всем требовалась помощь, и ни о каком послаблении для тебя не шло речи.

А у тебя ничего не сраталось, все попытки восстановить дело приносили одни разочарования, вот уж поистине: пришла беда, так… К тому же — ох уж эти квартиры с одной ванной комнатой — вечные из-за нее конфликты. Первый передвинул мыльницу второго, а тот не терпит беспорядка на полке первого, и всегда от него лужа на полу, оба возмущены тем, что она занимает ванную каждый раз на два с половиной часа, а еще всюду ее длинные волосы после мытья головы, ну и тому подобное. Преодолеть трудности стесненного общежития родным людям оказалось не под силу, начались неотвратимые ссоры, и все начали сходиться в едином мнении, что виной всему ты.

Разве ты не знал, что у тебя мало времени, разве не видел на примере других семей, как в таких случаях тают добрые отношения с женой, с какой мелочи начинаются обиды и упреки, и — о боже! — чего только тебе не пришлось выслушать в тот период! Это не один или два серьезных разговора, после которых она со слезами на глазах молила бы тебя взять себя в руки, а сама призналась бы в вере в твои силы и вечной своей любви — нет, было ежедневное, с позволения сказать, опускание тебя всякими уничижительными фразами, которые не решусь тебе напоминать. И одному богу известно, что она говорила детям в твое отсутствие. Ты тогда единственный раз в жизни повысил голос, заявив, что человек быстрее вылечится и встанет на ноги после наезда автомобиля, если его станут лечить, а не избивать бейсбольной битой, осуждая за невнимательность на дороге. И замолчал. У тебя, как было

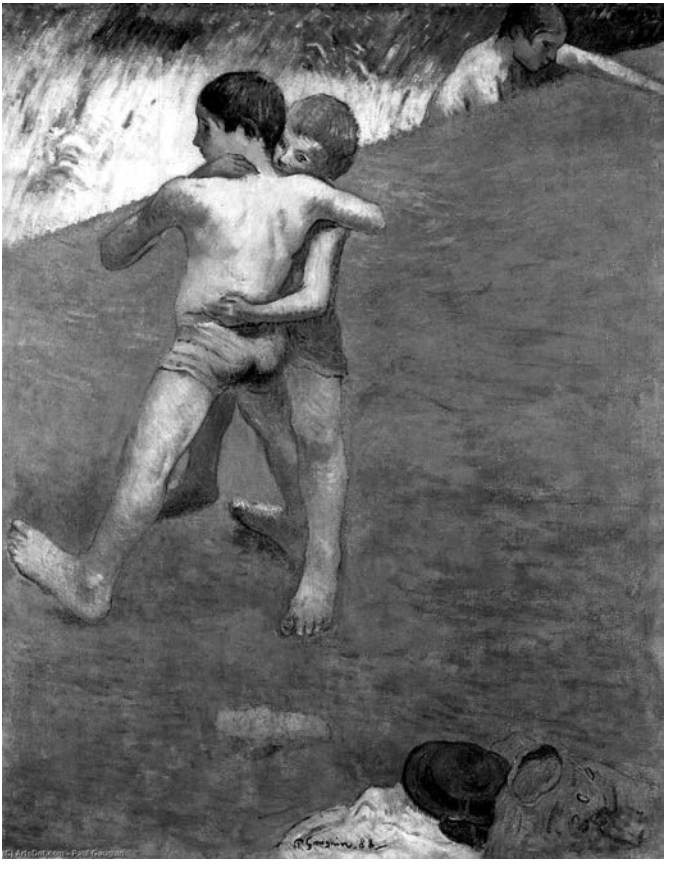
сказано, ничего уже не срасталось, а кредиторы донимали семью, и ты решил, сняв квартиру, от них на время отселиться, правда, с полной надеждой, что реализация других проектов вернет тебе любовь и расположение семьи.

Я не знаю, почему у тебя больше ничего не заладилось, ведь все твои начинания были четко продуманы и просчитаны, хотя ты прав, многого в жизни не объяснить. Спросить бы об этом того, кто без конца крутит этот ужасный сон, кто разделил мое сознание надвое, принудив вести этот нескончаемый разговор с самим собой. Хорошо бы у него еще узнать: сколько времени прошло с той поры и где я теперь нахожусь? Что это за освещенная луной горная вершина и почему я лежу на этой лесной прогалине, где, возможно, тысячи лет не ступала нога человека? Хотя подозреваю, что никакого ответа не последует. Я не слышу голосов и предчувствую, что в долине не осталось ни одной живой души, а все пустые человеческие жилища обвились плющом и заросли сорной травой. Мне же возвращено сознание для того, чтобы я, вероятно, узнал о том, о чем узнали мои родные перед своим исчезновением. Возможно, всех посетила одна и та же мысль: может быть, она была о бренности земной жизни, о чрезмерном пристрастии к вещам преходящим, а еще о том, что никто из них так и не смог никого одарить любовью… Осматриваю себя: грудь разорвана, а в нескольких шагах вижу искусанное человеческими зубами мое сердце. От меня к нему тянется дорожка давно застывшей крови, кем-то второпях присыпанная влажным песком, смешанным с черной комковатой глиной.

Тамерлан ТАДТАЕВ

КОРОЛЬ ДЖАМБО

РАССКАЗ



В оформлении использована картина П. Гогена

Зарине

Вся эта история началась с того, что однажды во время игры в казаки-разбойники я едва не задушил Джамбо. По правилам игры он, разбойник, должен был сдаться, как только я, казак, догоню и коснусь рукой его плеча или одежды. Я бегал хорошо и настиг Джамбо в проходе между двумя улицами, схватил его за руку, но он, вместо того чтобы капитулировать, развернулся и стал меня бить. Удары были страшные, по-хорошему мне надо было удрать от такого противника. Но тут я сам, что называется, вошел в азарт, сначала отбивался, а потом сделал Джамбо удушающий в стойке. Зря он, конечно, дал мне захватить отвороты своей пахнущей кислым супом рубашки, которые я скрутил на его бычьей шее, и я повис на нем, точно лев на буйволе. Вокруг стали кричать, что так нельзя, мол, это запрещенный прием, кто-то даже пытался оттащить меня, но я лягнул его ногой в пах, и тот сгинул. Бык жалобно мычал, а я продолжал душить, пока не увидел перед собой почерневшую, с выпученными глазами морду. Я испугался, отпустил из захвата и даже попытался привести Джамбо в чувство. Но он, как только пришел в себя, снова принялся молотить меня своими кувалдами. Я медленно отступал, не хотелось показывать пятки наблюдавшим за побоищем разбойникам, а чтоб не упасть, хватался за деревянный забор с торчащими ржавыми гвоздями. Никто ни за кем больше не гнался, все прибежали смотреть, как один вышибает дух из другого. Казаки тоже приперлись, и хоть бы кто помог товарищу! Я уже не сомневался, что у меня сотрясение мозга, и, накрыв голову руками, просил: «Перестань, пожалуйста, не надо! Ай, моя голова, моя бедная голова! Я-то тебя пощадил, не задушил, а ты что творишь?..» Но Джамбо будто ничего не слышал и, как черная туча, продолжал разить меня молниями. Я совсем обезумел от боли и закричал: «Отстань от меня, слепая гнида, если не хочешь, чтоб я разнес твою тупую харю из дамбачи [пистолет (*цхинвальский жаргон*)]!» Последняя фраза, похоже, подействовала на ребят, и они оттащили от меня Джамбо.

До этого мордобоя я и Джамбо были друзья. Мы и парту делили в классе, вместе ходили в буфет, в кино, бывало, срывались во время уроков на какой-нибудь нашумевший фильм. А в майские праздники толкались по набитому народом парку, клеили девушек. Но то ли девчонки, к которым мы подкатывали, были еще не готовы к отношениям, то ли мы выглядели слишком молодо, но красотки давали нам от ворот поворот. Я не рвал на себе волосы, если меня отшивала какая-нибудь оторва, зато однокласснику моему срывало крышу после отказа — во-первых, потому, что он действительно выглядел старше своих лет, во-вторых, считал себя мачо. Ему нужно было как-то выпустить пар, и он принимался искать мальчика для битья. Обычно им оказывался красавчик старшеклассник из другой школы, причем Джамбо выбирал парня покрупней, с большими мускулами, которому и проиграть было не грех. С мелкими, вроде меня, он редко связывался, если только коротышка в лицо не говорил что-нибудь про мать, и то он лупил парнишку вполсилы, нарочно подставлялся для удара — валял дурака, короче. Меня он вообще не воспринимал всерьез, считал дохляком, хотя в самом начале, когда учительница только привела его в наш класс и представила, я громче всех смеялся над его смешным произношением.

— Ты грузин, что ли? — ткнул я в его сторону пальцем.

— Я упро [больше (*груз.*)] осетин, чем ты!

— А почему тогда твоя фамилия оканчивается на «швили» и на хрена ты говоришь «унда» [надо (*груз.*)]?

Вместо ответа из прищуренных глаз Джамбо хлынули слезы. Слабак, подумал я и заорал на весь класс:

— Эй, принюхайтесь-ка! От новенького пахнет псиной и прокисшим супом!

Такое самый последний кодах [отсталый (*осет.*)] не проглотил бы. Я спровоцировал вонючку, как и задумал.

После уроков Джамбо вызвал меня один на один, и мы подрались с ним за малым мостом возле дома с деревянной верандой. Тогда я еще был королем нашего класса и, положив соперника на лопатки, плюнул ему в лицо. Новенький заплакал. Ребята постарше растащили нас и объявили меня победителем.

Время шло, одноклассники быстро росли, мужали, а я словно остановился в своем физическом развитии, хотя растягивал свое тело сильней плечевого эспандера на пружинах. А когда в наш город приезжал знаменитый гипнотизер из Владикавказа, я сразу же покупал билет на его представление. Народ говорил, что он излечивает от любой болезни, даже от рака, мертвого, мол, оживит, только никто не догадался притащить труп на сцену. Зато я заби-

рался на подмостки киноконцертного зала с десятками добровольцев, надеясь, что маг растянет меня хотя бы на пять несчастных сантиметров. Увы, он ни разу меня не усыпил, потому что я не поддаюсь гипнозу. В тот раз я остался стоять на сцене, делая вид, что нахожусь в глубоком трансе. Мне было интересно, что происходит вокруг, и, приоткрыв один глаз, я тайком наблюдал за другими. Я заметил, что многие из участников также не спали: одни перешептывались, другие почесывались, а какой-то дядька, блаженно улыбаясь, грозил кому-то пальцем. Но это было так себе зрелище, внимание мое, да и, пожалуй, всего зала, привлекла к себе женщина на другом конце сцены. Она сидела на полу и не могла подняться — так на нее подействовал гипноз. Экстрасенс подошел к ней и спросил, что она делала прошлой ночью. Та оживилась и принялась обнимать перед собой пустоту, чмокать губами. Ей было так хорошо, что она хотела раздеться, но маг не позволил. По оттопыренным ширинкам мужчин-добровольцев можно было точно определить, кто спит, кто нет. Но гипнотизеру было не до нас, ему никак не удавалось разбудить девушку. А ей, похоже, снился потрясный сон, она страстно стонала, и зал с ума сходил от восторга. Гипноз не помог мне стать больше, и со сцены я спускался таким же коротышкой, каким забирался на нее в начале сеанса.

Как-то отец в сердцах бросил мне:

— Да в тебе весу меньше, чем в курице! Ты бы ел, что ли, побольше хлеба!

Говорить такое своему и без того несчастному сыну было как минимум подло. Он же видел, как я накидываюсь халвой, финиками, шоколадными плитками, гематогеном, кукурузными хлопьями, смесью «Малыш» и всяким другим углеводным дерьмом, от которого обычных людей разносит.

Набирать вес я научился в Абастумани. Чего я только не делал там, чтобы меня вернули обратно домой! Деньги, которые мама оставила на карманные расходы, я больше тратил на красивые конверты, строча домой по нескольку писем в день. Одно я оставил себе на память, вот оно.

«Мама, милая, родная, привет! Почему не отвечаешь на мои письма, в чем дело? Ты меня даже с днем рождения не поздравила! А может, письма не доходят до тебя и остаются здесь, в Абастумани? Об этом я тоже думал.

Вчера я опять тебя ждал на той самой скамейке, где мы сидели вместе в последний раз. Ты обещала тогда, клялась, что заберешь меня отсюда через неделю, но прошел месяц, а тебя все нет! Мама, милая, я не понимаю, что происходит, ты вообще в курсе, что это никакой не санаторий, а туберкулезная больница?

У меня глаза устали смотреть на дорогу, по которой мы пришли в эту больницу, но продолжаю верить, что однажды ты появишься на ней с большим спелым арбузом! Я уже и место приглядел, где нам никто не помешает его съесть. Позовем только Лейлу, она чудесная, сама увидишь, познакомлю вас, когда ты приедешь за мной. Плохо, что она кашляет кровью, но говорит, что раньше ей было хуже. Мы часто гуляем с ней вдвоем, нас здесь уже дразнят женихом и невестой. Хочешь знать, как ее семья заразилась туберкулезом?

У старшей сестры Лейлы был жених, она привела его домой, и он остался у них. Жених кашлял, но никто на это особого внимания не обратил. Наверное, думали, что у него просто грипп, простуда, ну или аллергия. Сам он о своей болезни тоже ничего не сказал — может, не знал, ну или скрыл, в общем, поступил подло. А когда дело дошло до свадьбы, вся семья заболела туберкулезом, представляешь? Лейла говорит, что ее давно никто не навещал, и она, бедная, боится, что родители либо умерли, либо бросили ее. Мамочка, милая, давай удочерим Лейлу, или, может, тетя Луба возьмет ее себе, она же хотела кого-то усыновить! Впрочем, на все твоя воля, как скажешь, так и будет, ты и раньше выгоняла щенков и котят, которых я приносил домой.

Знала бы ты, как я скучаю по тебе, с ума схожу по дому, у меня иногда бывают галлюцинации. Как-то я сидел на лавочке, смотрел на дорогу и вдруг увидел женщину в таком же точно зеленом платье, как у тебя. Я решил, что это ты, и побежал ей навстречу. Но тетечка в зеленом оказалась мамочкой мальчика из моей палаты, которого положили в закрытый блок, откуда никто не возвращается. Хочешь, чтоб и я туда загремел? Что я тебе такого сделал? Почему ты так ненавидишь меня? Или, может, я не родной вам? В моей палате есть ребята, которых злые родители привезли сюда, в Абастумани, и у них от горя началось кровохарканье. Помнишь медсестру, которой ты сунула в карман червонец и попросила присмотреть за мной? Она тоже говорит, что я попал сюда случайно и что мне тут не место! Надеюсь, ты прочтешь это письмо и сразу же приедешь за мной. Видишь, как я хорошо научился писать по-русски, запятые все на месте?

Жду тебя.

Твой любящий сын Таме».

Положив свой роскошный конверт на стол с другими письмами, я двинул в столовую на завтрак и запихнул в себя три порции манной каши, съел четыре гематогена — здесь их не прячут, как дома, дают сколько попросишь — и выпил полграфина густого

вкусного шиповника. Туберкулезники с отвращением следили за тем, как я поглощаю еду, а девчонке за соседним столом даже стало плохо, и она шмякнулась на пол, опрокинув на себя горячую кашу. Все бросились к ней, а я спокойно допил свое какао, встал и, тяжело ступая, как волк из мультфильма, которого озвучил Джигарханян, направился к доктору.

Врач, седовласая костлявая грузинка, больше похожая на смерть в белом халате, как обычно, заперлась от меня на ключ в своем кабинете. Но сегодня я выл и царапался в дверь сильней обычного, и ей пришлось меня принять. Помыв в раковине руки, она вытерлась белым вафельным полотенцем, надела стетоскоп и велела мне снять с себя верхнюю одежду.

— Мерил сегодня температуру? — спросила она.

— Тридцать шесть и шесть, — сказал я гордо.

— Ладно, стой прямо, маленький террорист. Сделай глубокий вдох. Хорошо. Дыши. Не дыши. Дыши. Не дыши… Легкие твои чистые, — сказала врач, закончив осмотр. — Хрипов нет. Зачем тебя сюда привезли?

— Не знаю.

Я надул живот, чтоб было видно, как из меня выпирает здоровье. Но она мыла руки, на этот раз с мылом, и ничего не заметила.

— Ты, это самое, одевайся, в кабинете прохладно, простудишься. — Она села на свое место, открыла папку и стала копаться в бумажках. — Ох и достал же ты меня, Тамерлан, со вчерашнего дня изучаю твою историю болезни. — Доктор прицелилась в окно черным рентгеновским снимком, покачала головой, будто промазала, и, положив его на стол перед собой, принялась листать анкету. — Садись, Тадтаев, в ногах правды нет.

— Ага, спасибо.

Я застегнул рубашку на верхние пуговицы, остальные, нижние у живота, я нарочно оборвал, чтоб всем было понятно, в какого упитанного, пышущего здоровьем мальчика превратил меня здешний целебный климат, лечение и спецеда.

— Мама хотела забрать меня через неделю, — молвил я робко, усаживаясь на стул. — Но, видно, дома что-то случилось, и она задерживается…

— Какая неделя? — вспыхнула врач. — Ты вообще понимаешь, где находишься? Это туберкулезная больница, и по снимку, что в твоей анкете, у тебя туберкулез в последней стадии! Ты понимаешь это?

— Но ведь вы только что слушали меня и сказали, что в легких все чисто.

— Вот именно! Это чудо, но я атеистка, в чудеса не верю, в общем, ничего не понимаю!

— А что тут понимать? — я говорил с таким жаром, что у меня подскочила температура. — Я чувствую себя прекрасно, не кашляю, три килограмма прибавил за месяц! Что еще нужно сделать, чтоб меня признали здоровым?

— Ладно, отправим тебя повторно на рентген, — сказала доктор, подумав. — Это, конечно, против правил, но случай исключительный. Все, можешь идти.

Из кабинета врача я направился к любимой скамейке, и когда на горизонте появилась мама с большим арбузом в сетке, не вскочил, как бывало раньше, и не кинулся к ней со всех ног. Я решил, что женщина в зеленом либо галлюцинация, либо сон, ну или опять чужая мама. За последние несколько недель я успел потискать кучу теток, которых принимал за свою мамочку. Меня тут уже мамолюбом прозвали.

Якобы мать положила на скамейку арбуз, обняла меня и сказала, что мы сейчас поедем домой.

— Лейла лежит в том самом закрытом блоке, откуда не возвращаются, — произнес я, выпутываясь из ее объятий.

— Бедная девочка, — пробормотала мама, удивленная моей реакцией.

— Да уж точно не богатая…

А что она хотела увидеть? Что я от умиления выпаду в осадок? Являться к сыну надо не во сне, а наяву.

— Лейлу никто не ждет, никому она, кроме меня, не нужна.

— Не говори так, сынок, а как же ее родители? Они, наверное, тоже за нее волнуются.

— Чего? Родителей Лейлы нет в живых, они умерли от туберкулеза, я же писал тебе! Ты что, и писем моих не читала?

Какой, однако, нудный сон, зато в нем можно говорить о чем угодно.

— Я, если хочешь знать, целовался с Лейлой, мы даже пробовали сделать ребенка, но у нее от волнения началось кровохарканье.

— Ах ты, кобелина! Хочешь принести в мой дом заразу? Не бывать тому!

— Тс-с, не ори, а то еще спугнешь мой чудесный сон.

— Ты совсем, что ли, спятил? — Мама принялась меня трясти. — Твой рентгеновский снимок легких перепутали со снимком другого человека, у которого был туберкулез в последней стадии, и мне пришлось везти тебя сюда!

— Вот как? — В сновидениях, не во всех, конечно, я бываю ужасно рассудительным. — Ну а теперь что, разобрались?

— Благодаря тете Лене. Она главврач тубдиспансера, и у нее большие возможности…

— Да пошла она, твоя Лена! Это она упекла меня сюда, потому что я побил ей стекла мячом. Знаешь, как она проклинала меня, когда мы играли в футбол возле ее дома?

— Не говори ерунды. Лена — моя подруга.

— Ну так идите обе куда подальше!

— Боже мой, — всхлипнула мать. — Я приехала сюда в такую даль затем, чтоб услышать, как родное дитя шлет меня куда подальше?

— Ладно, хватит причитать, я все равно заразился от Лейлы туберкулезом, ну или подцепил его в палате, где пол заплеван кровью. Так что возвращайся домой без меня.

— Зачем ты рвешь мне сердце, сынок? — заплакала мать.

— А у тебя есть сердце?

Ого, какой длинный сон! Ну все, пора просыпаться, сейчас открою глаза и окажусь в своей палате.

Я столкнул арбуз со скамейки, и он со спелым треском разбился об асфальт. Мама взвизгнула и отскочила, чтобы не запачкаться сладким соком. Тогда только я смекнул, что это никакой не сон, и кинулся обнимать самую дорогую женщину в мире:

— Мамочка, милая! Прости! Я думал, что ты мне снишься и нес пургу!

* * *

В шестом классе меня свергли, а королем провозгласили Джамбо — что было вполне справедливо, учитывая наши весовые категории. И его величество вместо того, чтоб уничтожить меня, растоптать, сделать мою жизнь невыносимой в школе, как поступил бы на его месте другой, наоборот, приблизил к себе. Мы подружились, и я делился с ним всем, что у меня было клевого и вкусного. Сам король был жадный, ни разу ничем меня не угостил, все карманы мои обхлопывал, щупал, нет ли там чего. Я даже платил за его обед в школьной столовой — ну когда у меня заводились деньги. И билеты в кино, бывало, покупал за нас обоих. Я уже начал уставать от такой дружбы, хотя мы по-прежнему вместе тусили, а в весенние праздники таскались за девчонками в городском парке после парада на площади.

В любви нам не везло, отчего, как я уже говорил, Джамбо бесился и затевал ссору с каким-нибудь парнем постарше. На месте этого попавшего под горячую руку красавца я бы бежал не оглядываясь, и все равно, что потом скажут. Но чувак, похоже, не

понимал, с кем связывается — скидывал с себя рубашку, чтоб показать свое атлетическое телосложение, после чего принимал дурацкую стойку. Противников сразу же окружала охочая до зрелищ толпа, вдруг откуда-то появлялись секунданты, как спасатели на озере, и деловито принимались обговаривать условия поединка: сыгъдæг хыл [чистая драка (*осет.*)], разрешается все, кроме утомительной и скучной борьбы. Соперники соглашались с правилами и, сопровождаемые толпой болельщиков, шли за насыпь. Там на лужайке между чертовым колесом и длинной белой стеной тира сходились в битве. Я наперед знал, чем все кончится, потому что Джамбо был призером чемпионата Грузии по боксу. Иногда, конечно, доставалось и ему, но обычно побеждал он, причем эффектно, нокаутом.

После боя Джамбо оказывался в центре внимания — еще бы, ведь он протянул руку своему лежащему в траве противнику, хотя тому было все равно, чувак еще не пришел в себя после чудовищного удара в голову и лежал в траве, мыча, как сраженный львом буйвол. Зато публика была в восторге от благородного поступка Джамбо, и городские авторитеты наперебой приглашали его в свою компанию, угощали пивом, спрашивали, давно ли он занимается боксом и у какого именно тренера. Фразы «Да ты, брат, талант!», «Смотри, не бросай спорт!», «Прирожденный чемпион!» будили во мне зависть. Король, прекрасно понимая, каково мне, зловеще улыбался, будто мстил за что-то — и тащил с собой в кафе, где ему пели дифирамбы.

Конфликт с Джамбо произошел в конце июня, и потом я месяц прятался от него в своем доме. Но даже там, за толстыми каменными стенами, я не чувствовал себя в безопасности. Бывало, я вскакивал с кушетки, где писал в тетрадке о своих приключениях в Абастумани, и, обливаясь холодным потом, смотрел на дверь, в которую, казалось, вот-вот войдет Джамбо. И кто, спрашивается, помешает ему избить, унизить меня на глазах мамы, тетки, сестры, младшего брата? Прежде я сам был искателем приключений, задирой, никому не давал спуску, но после того, как лучший друг ни с того ни с сего избил меня, внутри что-то оборвалось. Я стал бояться и выходил на улицу в самый пик зноя или в грозу, чтоб не столкнуться с кем-то из знакомых. Но только я вырывался из ненавистного района, ноги обретали былую легкость, и меня несло по городу, как Маленького Мука из сказки Гауфа. Набегавшись, я покупал билет на какой-нибудь скучный двухсерийный фильм и наслаждался покоем в пустом прохладном зале кинотеатра. Но, как ни сладка была свобода, вечером, один черт, приходилось возвращаться в свой район, где все казалось враждебным.

Я уже не представлял учебу в одном классе с Джамбо, который стал моим кошмаром. Уши мои, как радары, улавливали малейшее движение на улице, и я слышал, какие гнусности говорят обо мне ребята на сборищах. Но Джамбо был громче всех:

— Эй! Вы про какого Таме толкуете? Про того, кто в Абастумани лечился от туберкулеза? Тоже мне нашли тему! Он же, мать его, трус, из дома боится выйти! А хотите, я за уши притащу сюда этого дохляка? Что, не верите? Ладно, ждите, сейчас я вам его в кармане принесу…

В отчаянии я хватал заряженный порохом и дробью самодельный пистолет, заползал под кровать и целился в дверь, пока не проходила дрожь в теле. Мама, сестра и тетка смотрели на меня как на помешанного и бегали на почту звонить отцу в Липецк, куда тот уехал на заработки.

Однажды в ливень я тайком пробрался за мамой в переговорную и услышал, как она, закрывшись в кабинке, просила папу приехать, пока не случилась беда.

Моей старшей сестре Джулии тоже было непонятно, почему я раньше целыми днями пропадал на улице, а сейчас торчу дома и мозолю ей глаза.

— Ты мешаешь мне учить английский! — злилась она. — Давай выметайся, тебя вон друзья заждались!

— В гробу я видел таких друзей! — огрызался я. — Они все теперь на стороне Джамбо! Да если я выйду отсюда, на меня накинутся, как на Цезаря, и забьют!

Сестра крутила у виска пальцем и говорила, что это все плоды моего больного воображения. Потом ехидно спрашивала:

— Ну а что с писательством? Готов твой рассказ про Абастумани? Ты обещал посвятить его Манане, девушка ждет.

— Не до твоих подруг сейчас, мне надо готовиться к встрече с врагами.

Тут я принимал упор лежа и начинал отжиматься на пальцах.

— А, ну-ну, только всех не убивай, трепло.

Как-то она пришла с улицы, распаренная от жары, хотела скинуть с себя платье, но передумала, заметив, что я опять забился под кровать.

— Тебе еще не надоело быть ссыклом? — спросила она.

— Кто ссыкло?

— Тот, кто прячется под кроватью. Ну-ка выметайся оттуда!

— Спасибо, мне и здесь хорошо.

— Фу, какой ты мерзкий, послал же мне бог такого ссыкливого брата.

— Тебя кто-то обидел? Назови имя, и я ему башку отстрелю.

— Никому ты ничего не отстрелишь, а Джамбо уехал к себе в село на целое лето, я слышала.

— Мне-то до него какое дело? Пусть он хоть сдохнет, я и на похороны к нему не приду.

— Ясное дело, не пойдешь. Ладно, я тебе сказала, ты слышал.

Дня через три после разговора с сестрой я вышел из дома с оголенным торсом и в домашних тапочках. Весь последний месяц я либо потел от ужаса при мысли о том, что сейчас в комнату войдет Джамбо и раздавит меня, как жука, либо истязал свое тело физическими упражнениями. Я отжимался от пола уже не двумя руками, как раньше, а одной, и тело мое стало мускулистым, как у греческих богов, которых видел в учебнике по истории. Закрыв за собой дверь калитки, я огляделся и заметил в конце улицы Джобу и Прумпуса. Головы их блестели на солнце — сбрили, что ли, волосы? Наверное, считают себя крутыми, два сказочных придурка. Пацаны сидели на бревнах, сложенных перед строящимся домом Гацыра, и о чем-то толковали, глядя в мою сторону. Я направился к ним и, усевшись на горку песка, сваленного возле бревен, спросил, почему в такую жару они еще не на речке.

— Да Лиахва разлилась, — сказал лениво Джоба. — Вода грязная, ее саму помыть не мешало бы, пойди посмотри, если не веришь.

— Да верю, — кивнул я и, подавшись вперед, щелкнул Прумпуса по лысой башке.

Как я и предполагал, тот молча сглотнул обиду. Сделай с ним это кто-то другой, вышла бы знатная буча, но меня здесь по-прежнему боялись. Настроение мое улучшилось, зато ребята приуныли, потому что я перешел на шалабаны. Бил я не больно, просто давал понять, что со мной, несмотря на мое долгое отсутствие, шутки плохи.

Противно, конечно, унижать ребят, особенно когда приходится избивать ровесника послабей. Мне потом бывает плохо, вспоминаются его глаза, слезы, всхлипы, беспомощные угрозы, и я бегу в какое-нибудь уединенное место порыдать и повыть. Но по-иному не получалось, у нас по неписаным волчьим законам либо ты подставляешь лоб для щелчков и покорно сносишь издевательства, либо сам вгрызаешься в глотку другому.

Выяснив, что против меня нет и намека на бунт, я милостиво позволил себя рассмешить анекдотом. Немного погодя я стал подбивать ребят пойти в крепость: вдруг мы все-таки найдем там золотой гроб царицы Тамар? В прошлый раз какие-то доходяги притащили оттуда маузер, а мы сидим тут как бабуины. Прумпус сказал, что он пас, ему, мол, нужно примерять новую школьную

форму. Врал, конечно, до сентября оставался целый месяц. Ну да черт с ним: если Прумпус сказал нет, его не переубедишь. Джоба оказался посговорчивей, но переться с ним в такую даль мне совсем не улыбалось, к тому же он был скучный, говорил то, что от него хотели слышать, — тоска.

— Джамбо тебя искал, — сказал вдруг Прумпус, взглянув мне в глаза.

— Чего? — Мне будто в лицо из дамбачи пальнули. — Он разве не в своем дурацком селе?

— Да нет, вчера с ним только виделся. Говорил, что поедет в село, как только заберет у тебя дамбачу.

— А с чего он взял, что я отдам ему пушку?

Я уже справился с собой и говорил спокойно: отсюда до моего дома было сто метров, а на стометровках я всегда был первый. Джамбо меня не догнать, пусть даже не пробует, он и к пистолету не имел никакого отношения. Дуло подарил мне Хуича, рукоятку я выпилил сам. Потом за дело взялся отец и намертво прикрепил толстый ствол к деревяшке жестью. Ну купил Джамбо черный порох в охотничьем магазине, но на мои же деньги, просто он выглядит старше и продавец его боится — меня этот рыжий гад чуть не убил за коробку крючков, которые я стянул с прилавка.

Поразмыслив, я решил настроить ребят против моего врага и сказал, что Джамбо вообще нельзя давать в руки оружие:

— Он совсем перестал дружить с башкой, да вы сами не хуже моего знаете. Но то, что он сделал с Хуичей, вообще ни в какие ворота не лезет.

— А что?

Пацаны, разинув рты, потянулись ко мне, как подсолнухи к солнцу. И я начал греть им уши:

— В мае перед каникулами я, Джамбо, Беса и Хуича пошли в лес пострелять из моей дамбачи. Все было хорошо, пока пушка не оказалась у Джамбо. Думаете, он жарил по банкам? Как бы не так! Он, мать его, гонял нас по лесу, как диких зверей. Деревья в лесу Чито сами знаете какие тонкие, хрен спрячешься за ними, так что нам пришлось искать убежища рядом, на кладбище. Схоронились за памятниками, только Хуиче не повезло — Джамбо нашел его и выстрелил прямо в лицо. Хорошо, дробь закончилась и ствол был набит только порохом, иначе Хуича остался бы лежать на кладбище. Теперь понимаете, почему он ходит такой черный?

— Ах вот какие вещи ты про меня рассказываешь, — послышался позади голос Джамбо.

Страшный дракон из фильма «Легенда о динозавре» испугал бы меня меньше, чем появление одноклассника. Я вскочил было,

чтоб сделать сумасшедший рывок к дому, но не мог сдвинуться с места, будто увяз в песке. В кошмарных снах я и то бываю проворней, хотя бесконечно буксую, пытаясь убежать от приближающейся нечисти.

Джамбо подошел к бревнам. Прумпус и Джоба почтительно подвинулись, но он выбрал бревно поближе к горке песка, на вершине которой меня поразил столбняк. Внезапно Джамбо подался вперед, дал мне затрещину и спокойно, будто знал, что ответа не будет, произнес:

— А давай теперь я расскажу про то, как всю жизнь защищал тебя, не давал в обиду. Даже когда тебя повезли, как овощ, в Абастумани, я затыкал рот всякому, кто говорил про тебя плохое… ну или бил ему морду. И чем ты, сволочь, мне отплатил? Никто ведь не знает, что в начале игры в казаки-разбойники я просил тебя пойти со мной в благородные абреки. Но ты по своей подлой натуре вызвался быть казаком и гонял меня по всему району, пока не поставил подножку. Что, не было? Сюда гляди!

У нас такие длинные обличительные речи произносит сильный, перед тем как отжать у более слабого деньги или понравившуюся вещь. Мордобой при этом приветствуется.

— В глаза смотри и скажи, что не было такого!

Джамбо снова дал мне оплеуху, затем пнул ногой. Он, мать его, вообще не церемонился, издевался так, будто я был самый последний чмо на свете. Я был в полном замешательстве и не понимал, как себя вести; никто еще так сильно не унижал меня, даже собственный отец, а он, когда напивался, становился буйный и гонял нашу семью по большому соседскому огороду, в который мы перелетали через забор, как испуганные курицы.

Есть ребята, которых лучше не трогать. Не буди лихо, пока оно тихо, это про меня.

Но Джамбо, похоже, совсем не разбирался в людях и продолжал лупить меня и нести пургу:

— Я же просил тебя, Таме, отстать, но ты, вместо того чтобы отвалить, стал душить меня! Тут я тебя и отделал, других вариантов у меня не было, по-человечески ведь ты не понимаешь. А по кладбищу, — продолжал Джамбо, — я гонял вас потому, что вы вели себя как последние гниды. Скажешь, нет? Как можно брать шампанское с чужой могилы, пить из горла, орать и закусывать тортом, который безутешные родители оставили у надгробного памятника своей единственной дочери? Ты в курсе, что у меня с ней было свидание? А в Хуичу я стрелял потому, что он срал на чью-то могилу. Другой на моем месте вообще завалил бы этого мерзкого толстяка.

Джамбо перевел дух после своей длинной обличительной речи, закурил, а спичку кинул в меня, и она, зашипев, погасла на моей мокрой щеке.

— Здесь, похоже, не все знают, — Джамбо пыхнул в меня дымом, — что ты предложил мне владеть пушкой на пару, когда мы еще были друзьями. Так что тебе придется сдержать слово, Таме… Ну или я тебя заставлю это сделать. Ладно, довольно слов, дуй домой за стволом, даю тебе пять минут на то, чтобы ты принес его сюда. И не забудь прихватить пороху и дроби. У нас в селе лиса повадилась лазить в курятник, грохну ее…

Все произошло очень быстро: сначала я ослепил Джамбо песком, потом набросился на него и стал лупить. Король упал на бревна, а я молотил его сверху, крича, что Хуича не срал на могилы, его просто тошнило от страха, как меня.

— Ты сам, сука, был пьян и гонял нас по кладбищу с пушкой! — У нас, если вдруг ты одержал верх над более сильным противником, обязательна победная речь, и чем ярче ты опишешь предысторию конфликта, тем больше будут помнить о твоей победе. — А когда ты бухой упал, Беса подобрал кирку со свежей могилы и хотел пригвоздить тебя к земле, но я не дал ему это сделать, потому что считал тебя своим другом!

Нелегко вырубить короля уличных драк, к тому же боксера с отбитой на ринге башкой. Джамбо стал приходить в себя, и мне пришлось сделать сумасшедший рывок к дому. Заперев дверь калитки на щеколду, я перевел дух и увидел, что на мне нет тапок — должно быть, выпрыгнул из них, когда убегал от разъяренного короля.

Как-то в кинотеатре «Чермен» я, подобно штурмовому тарану, пробился сквозь толпу к кассе, но у самого окошка кто-то схватил меня сзади и попытался вышвырнуть из очереди. Я обернулся и увидел взрослого чувака, вперед которого пролез. Он был в бешенстве и грозился отвинтить мне башку, если не вернусь на свое место. Я не стал слушать, просто обматерил его, смекнув, что в такой давке он вряд ли будет меня преследовать, вырвался и купил билеты себе и девицам, которым ужасно хотелось попасть на дневной сеанс. Одна из них была очень хороша, и мне не терпелось с ней сблизиться. Народу в кинотеатре была тьма-тьмущая, индийское кино у нас ужасно популярно, особенно у деревенщины, приехавшей в город из окрестных сел. От кассы я пробился к девушкам, вручил им билеты, мы вместе прошли контроль, а внутри меня ждал тип, которого я оскорбил. Он сразу же кинулся на меня, схватил за грудки, тряс и орал, что, если я не извинюсь перед ним, не возьму свои слова обратно, мне кранты. Говорю же, больной человек, не буди лихо, пока оно тихо, я даже не понял,

как врезал ему, и у того хлынула кровь из носа, прямо как вода из крана. Так удачно я еще ни разу не попадал, у моих противников обычно оказывались каменные носы, из них не то что кровушки, сопли не выбьешь. Народ кругом засуетился, все хотели помочь гневливому чуваку, толкались, орали, ну как обычно бывает в таких случаях. Жертву усадили на скамейку, заставили запрокинуть голову, а на лоб ему положили мокрую тряпку. Я тоже был в центре внимания, потому не смог улизнуть от приятелей типа с расквашенным носом. Они поймали меня у самого выхода и объявили, что после кино мне придется драться с их другом один на один, хочу я того или нет. Я пытался объяснить им, что все произошло внезапно, помимо моей воли, нельзя так просто стоять против человека, которого оскорбляешь, надо было хотя бы встать в дурацкую стойку. Но ребята слышать ничего не хотели, и пришлось мне в стотысячный раз смотреть «Затянувшуюся расплату» с девчонками, которые чуть что начинали реветь, прямо как плакальщицы на поминках. Мне уже было не до амурных дел, к тому же рядом уселась не та, на которую я запал, а самая некрасивая из троицы.

Конечно, я понимал, что после фильма меня самого ждет расплата, и решил слинять, но тип с подбитым носом, должно быть, следил за мной, и мы вместе вышли из зала, где на нас пялился усатый билетер. Я сказал чуваку, что мне нужно в туалет, и он довел меня дотуда прямо как конвоир. Я сел на толчок и в ужасе сходил по-большому. Он тоже пожурчал над писсуаром, как родничок в горах, потом взял меня под ручку, чтоб я не сбежал, и вернул в зал, пообещав после фильма сломать мои ноги и руки.

— Еще посмотрим, чья возьмет, — шептал я, жалея, что не взял с собой кастет.

И все же я удрал из кинотеатра после не помню какой попытки, и за мной, прошу заметить, никто не гнался. Полагаю, чуваку надоело провожать меня в туалет, или, может, он просто устал, или приятели уговорили его оставить в покое подростка.

Тогда я прибежал к себе уверенный, что тип с расплющенным носом не найдет мой дом, а сейчас куда податься? Джамбо этого так не оставит, он знает, где я живу, — миллион раз был здесь, так что пойду до конца, даже если придется стрелять. Дамбачу, пачку с порохом, дробь и тетрадку с рассказом про Абастумани я прятал в духовке ржавой газовой плиты на крыльце. Под ней на бетонном полу рядом с тапками и стоптанной обувью я заметил шикарные женские босоножки. Я сразу догадался, что у нас гостит Манана — одноклассница моей сестры. Она мне жуть как нравилась, и однажды, чтоб привлечь внимание красавицы, я пообещал напи-

сать в ее честь рассказ про Абастумани, больницу и девочку, которая умерла от туберкулеза. Манана заинтересовалась и всякий раз при встрече спрашивала, что с сочинением, не закончил еще, когда я его дам почитать.

Грудь мою разрывали противоречивые чувства. С одной стороны, мне не терпелось показать Манане сочинение, пока она не укатила на все оставшееся лето в Тбилиси к родственникам. С другой — надо было разобраться с Джамбо.

Я открыл дверцу духовки и увидел, что тетрадки нет — сестра, должно быть, сперла и, наверное, сейчас читает мое сочинение Манане. Надеюсь, девчонкам не скучно, ведь помимо бедняжки Лейлы я написал еще про Сюзанну, красавицу армянку из Баку, которую положили в закрытый блок в день приезда ее парня.

Я вытащил похожую на старинный дуэльный пистолет дамбачу, подержал ее в руке, полюбовался, как вдруг с улицы через забор прилетел тапок — черная, мать его, метка! Второй шлепнулся рядом, потом в дверь калитки тихонько постучались, прямо как в фильме ужасов. Хочешь со мной поиграть? Ладно. Я открыл дверь, сделал несколько шагов назад и, вытянув руку с пистолетом, прицелился в непрошеного гостя.

— Твоя мама забыла у меня свои тапочки, — сказал Джамбо, переступая порог. — Всю ночь с ней кувыркался. Передай, что я здесь и с нетерпением жду продолжения.

— Не могу, — с меня вдруг спало чудовищное напряжение. — Твоя мамка ждет меня на кроватке, надо срочно возвращаться.

У нас высшим проявлением дружеских чувств считается, когда двое поминают матерей друг друга. И чем грязнее выходит, тем сильней и крепче дружба.

— Значит, мир? — улыбнулся Джамбо.

— Ну я не против.

— Обнимемся?

— Ни за что.

— Это почему же?

— Твоя мамочка по запаху догадается, что ты был здесь, и не сможет расслабиться. Ну и зачем мне в постели бревно?

— Подловил, — засмеялся Джамбо. — Ну ладно, Таме. Мне сегодня в село надо ехать, увидимся в сентябре.

Я повернул дамбачу дулом к себе и великодушно протянул ее королю Джамбо:

— Забирай, ты же за ней пришел.

— Вообще-то я принес тапки, — сказал король. — Но от оружия не откажусь, у нас в селе лиса…

— Да-да, в курятник повадилась.

Немного подумав, я отдал Джамбо весь порох и дробь, которые наскреб в духовке. Попросил только больше в людей не стрелять:

— Ты же мог убить Хуичу.

— Ну он грузин, его не жалко, — ухмыльнулся Джамбо.

— Но ты тоже грузин, у тебя фамилия Саакашвили, и что теперь?

— Не, мы осетины. — Джамбо сплюнул кровь. — Ладно, мне пора.

Он ушел, а я прокрался домой, залез под кушетку и через приоткрытую дверь слушал, как Манана читала про мои приключения в Абастумани.

Гоча опять играл в команде с соседней улицы. Он был в ударе — как всегда, шутя забивал нам мячи, и мы ничего не могли с ним поделать. Капитан наш, Джамбо, перестал гоняться за мячом, остановился, курил и, похоже, что-то замышлял. Приняв решение, кэп стал подзывать к себе ребят поагрессивней, шептал им что-то на ухо, и те летели на Гочу, будто торпеды на вражескую подлодку. Прумпус, Джоба и я нарочно промахивались, чтоб не изувечить талантливого футболиста. Другие попадали, и бомбардир, кувыркнувшись, оказывался лежащим на земле. Минуту он лежал, как профессионал на поле чемпионата мира, потом вставал, отряхивался и снова забивал нам гол.

Соседи смотрели на матч из окон своих домов, боясь, что мы побьем им стекла мячом, и проклинали нас, как фашистов. Больше всех неистовствовала главврач тубдиспансера Лена, но, даже если бы она выпала из окна, мы просто отнесли бы ее обратно домой, как бы она ни брыкалась, и продолжали бы матч. Словом, нам было все равно, мы ни на кого не обращали внимания.

Когда полил дождь, Джамбо бросился на Гочу, схватил и минуты две крепко держал его, крича, чтоб мы не валяли дурака, а воспользовались моментом и сравняли счет. Но ничего у нас не вышло, мы, один черт, проиграли всухую.

Мокрые и побежденные, мы разбрелись по домам, и мама, поругав меня, велела переодеться во все сухое. Я надел шорты, носки, свою любимую матроску, лег на кушетку с книжкой и, покашливая, до вечера читал.

В полночь родительница загнала меня в постель, я уснул, проглотил во сне мяч, и он застрял у меня в глотке. Я сделал стойку на руках, открыл рот и ходил по улице вверх тормашками, да так резво, что даже сбегал на руках в магазин за папиросами для дедушки Уанички. Потом я увидел привязанный к небу канат, и мне вздумалось подняться к звездам и, может быть, сорвать одну, но, увидев, что по канату спускается большая сколопендра, решил

переждать. Оказалось, что это совсем не многоножка, а моя команда. Только игроки сошли на землю, Джамбо построил их в шеренгу и сказал, что надо срочно спасать товарища, пока он не задохнулся совсем. Ребята сразу же налетели на меня, сбили с рук и так отметелили, что мяч выпал изо рта.

Я проснулся весь в поту и увидел в темноте глаза матушки. Она померила мне температуру и сказала: «Странно, тридцать шесть и пять, но все равно я дам тебе сейчас горячего молока с козьим жиром, и попробуй только не выпить».

Утром кашель усилился, мама встревожилась и стала поить меня разными отварами, пичкала пилюлями, но легче от этого не стало. Всю следующую неделю я продолжал кашлять, мама уже не знала, что делать, опустила руки, пока из высокогорного села Цон не приехала ее старшая сестра, тетя Луба. Она отругала маму за то, что та не повезла меня к знаменитой знахарке в Карел, лечившей тетку пять лет от астмы и безмужия. Мама боялась своей старшей сестры, и потому мы быстренько собрались и поехали в этот чертов Карел. Знахарка без всяких церемоний принялась плевать мне в лицо, потом сдавила руками мою голову — и давай нести всякую абракадабру.

Вернулись мы вечером, и мама дала мне банку от сметаны, велела пописать туда, а потом выпить собственную мочу, иначе, мол, до конца каникул останешься сидеть дома. Вначале я не соглашался, говоря, что, если об этом познают ребята, мне придется уехать на другой край земли. Луба посулила мне червонец. «Не, — сказал я, — так не пойдет, гони два». «Двадцать рублей, чтоб выпить банку мочи!» — изумилась тетка. Мы стали торговаться, и у тетки от волнения случился приступ астмы. Мне стало жаль Лубу, и я опустошил банку за пятнашку, но кашлять, разумеется, не перестал.

Еще через несколько дней к нам явилась соседка и главврач тубдиспансера тетя Лена. Она прослушала меня фонендоскопом, сказала, что хрипов вроде нет, но, чтоб исключить самое страшное, надо сделать снимок легких. Мама согласилась с Леной, и утром следующего дня мы с родительницей приперлись в тубдиспансер. Мне сделали рентген легких, пленку отнесли в кабинет главврача, туда же через несколько минут позвали маму. Вышла она оттуда заплаканная, схватила меня за руку и потащила домой. Там она быстренько собрала чемодан, и утром следующего дня мы сели в автобус до Абастумани…

Батрадз ХАРЕБОВ

МОЯ МОСКВА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Часть 1

Само слово «Москва» вызывает много самых разных ассоциаций, настраивает на особый лад, погружает в воспоминания, оживленные яркими красками. Недаром поэт с высоким воодушевлением восклицал: «Москва! Как много в этом звуке…» Это не просто географический объект или топоним, а некий образ жизни, со своим умомнением, темпераментом, настроением и очевидным характером. Москва обладает каким-то особым магнетизмом, колоссальной притягательной силой. Ее можно боготворить, ею можно восхищаться, можно по-сыновнему любить, но она же вызывает непонимание, отторжение, протест. При всей разносторонности отношения к ней равнодушным к себе она никого не оставляет. Одних она покоряет, другим — покоряется. Так было всегда, будет и дальше, как бы ее искусственно ни разбавляли в подмосковном пространстве.

О Москве, пожалуй, сказано и написано ничуть не меньше, чем о Париже или Лондоне. И тем не менее это все еще город-загадка. Мы знаем, например, год его рождения. Но до сих пор идут споры о том, откуда взялось его имя. На данном этапе более сходятся во мнении, что слово это имеет финно-угорское происхождение. Но сам я читал лет сорок назад в одном из центральных изданий, что «Москва» — производное от осетинского «mæсгуытæ» («башни»). Причем писал то не какой-то наш доморощенный этимолог, давно определивший, откуда растут уши у того же Лондона, Кройдона или Белфаста, а вполне состоявшийся советский филолог. Впрочем, эта версия развития не нашла, и слава богу.

Издревле Москва притягивала многих. Как правило, гости делились на тех, кто приходил поклониться и восхититься, и тех, кто желал город завоевать. Но, помимо теплых объятий, Москва обладает особой силой отторжения: незванцы, возомнившие себя хозяевами, кончали плохо.

Об этих «покорителях» и вспоминать не хочется, пусть себе сидят в отдельных параграфах школьных учебников. Другое дело —

полчища тех, кто стремился завоевать столицу на научном, литературном поприще, в богемных пространствах искусства. Честолюбивые периферийные самородки устремлялись в Москву, полагая (и во многом совершенно справедливо), что если они чего-то добьются, состоятся здесь, то чего-то стоят и устремления не были напрасными. А для иных это последняя надежда, спасательный круг. И эти ожидания нередко оправдываются. Путь до желанного града не всегда бывает простым, и это не всегда как в школьной задачке: от пункта А до пункта Б. Михайло Ломоносов добрался до Москвы пешим ходом, иные пользовались конской тягой.

В те времена для счастливцев, добравшихся до российских столиц, в национальных окраинах появились даже свои определения. В Осетии, например, таковых называли «уæрæседзаутæ». В Грузии — «теркдавлеулни» («испившие из Терека»). Затем настала эра поездов и самолетов. Но скорость передвижения уже ничего не решает, сито отбора неотвратимо и избирательно, разве что ячейки становятся все мельче и мельче.

* * *

Жители любой страны стремятся хоть раз побывать в своей столице, и это понятное и объяснимое желание. Осуществить такое в маленькой Швейцарии или Австрии достаточно просто, учитывая к тому же местную дорожную инфраструктуру. Ну а что делать в условиях дурнодорожного российского исполина? И тем не менее мечта только подогревалась, особо выпестовавшись в советское время. Столица по праву являлась местом проведения всех важнейших политико-хозяйственных и культурных форумов. Здесь собирались активисты всех мастей, передовики производства — на различные слеты, конференции, курсы повышения квалификации и на обмен опытом. Для аграриев и животноводов в полном распоряжении были безмерные площади ВДНХ. Иными словами, половина трудящихся страны могла посетить Москву по служебной надобности. Сюда же прибывали на лечение, покупку товаров, включая затаривание колбасой и сосисками. Ну а те, кто проскочил мимо этих возможностей, приезжали в главный град с семейством с туристическо-познавательной целью.

В принципе, полностью выполнить программу визита можно было за пару дней. Старт похода с Красной площади уже включало в зачет Кремль с Мавзолеем, собор Василия Блаженного, Лобное место, ГУМ, музей Октябрьской революции. Тут же рядом Манеж, Большой и Малый театры, гостиница «Россия» (как говорили, самая большая в Европе) с кинотеатром «Зарядье». Сейчас последних нет,

но их отсутствие с лихвой возмещает совершенно удивительный парково-развлекательный комплекс «Зарядье».

На Лубянке мирно уживались соседствующие КГБ и самый главный Детский мир в стране, за которым бдительно зрел «железный Феликс». Обязательной также была поездка в метро, а на десерт можно было полакомиться особенным московским мороженым.

Москва обрушивается на вновь прибывших со всех сторон. Считается, что хрестоматийным бытописцем российской столицы был Владимир Гиляровский. Но это поверхностный подход. Москва зримо, как неизбежный фон или главный персонаж, присутствует в произведениях всех российских (и не только) литературных классиков. Ее же воспевают композиторы и художники. Москва была главным героем многих культовых кинофильмов. Столица сообщала нам о всем происходящем в мире через газеты, радио, а затем и телевидение. Она же напоминала о себе через товары повседневного спроса. Москва присутствовала во вкусовых составляющих конфет и печенья, запахе духов. Маркер «московский» на любом товаре сам по себе являлся знаком качества (московские конфеты, московский текстиль, московский театр).

Среди моих друзей детства и одноклассников не было ни одного, кто бы побывал в Москве. Тем не менее все о ней знали достаточно много и подробно. И при этом знания эти приходили не только посредством уроков истории, географии или литературы. Многое постигалось через тотальное вторжение кино. Оно раскрывало всем не только величие столичных площадей, проспектов и дворцов, но заводило нас в арбатские переулки, заводские окраины, студенческие общежития.

Обогащенные такими знаниями, мы бойко писали сочинения о Москве, безошибочно отвечали на вопросы викторин, имеющие отношение к столице, фантазировали по поводу скорой встречи с ней, в чем, собственно, никто и не сомневался. При этом нас не раздирали сомнения, не пугала неопределенность, не смущала возможность ментального несоответствия. Все сводилось к тому, чтобы прибыть на место и просто заявить: «А вот и я!»

* * *

Москва ненавязчиво присутствовала в обыденной сталинирско-цхинвальской жизни. Оттуда (не из Парижа) приходила мода, доставлялись анекдоты армянского радио, пробивались трендовые загогулины. Мы внимательно отслеживали московскую погоду, и это не было праздным любопытством. Опыт показывал, что погода от Москвы до Цхинвала движется со скоростью пассажирского поезда. То есть если в Москве похолодало или пошел дождь, то

через два дня то же произойдет и у нас — и это было почище любой метеосводки.

Улица Московская пересекает весь Цхинвал с востока на запад через центральную его часть, что уже само по себе символично. Перпендикулярно на нее нанизаны не менее звучащие артерии: Октябрьская, Ленина, Сталина и Карла Маркса. Во время затяжной войны 1991–1992 годов Южную Осетию посетило более 1 500 журналистов из почти 60 стран. Среди объектов обязательного ими посещения числилась и республиканская больница. Во-первых, она непрерывно обстреливалась, несмотря на предупредительные знаки, и следы попаданий очевидно свидетельствовали о намерениях агрессора. Кроме того, здесь находились люди, реально пострадавшие от военных действий, и с ними можно было пообщаться. Наконец, здесь священнодействовал колоритный хирург Николай Дзагоев, который одним своим видом и красочными рассказами производил неизгладимое впечатление даже на весьма критически настроенных визитеров.

Так вот, чтобы попасть из центра города в больницу, следовало проехать по вышеуказанным улицам. Западных корреспондентов, как правило, интересовало название улиц, и реакция их на услышанное была примерно одинакова. Улица Карла Маркса заставляла их насторожиться. Московская — ввергала в беспокойство. А вот улица Сталина вызывала нервный смех. Приходилось разворачивать машину и гнать на север города. Здесь на одном из домов масляной краской было крупно написано: «ул. Буша». Гости впадали в транс, а добровольные экскурсоводы терпеливо поясняли, что в югоосетинском обществе царит плюрализм и нет политической зашоренности. Поэтому на цхинвальских улицах спокойно уживаются Буш со Сталиным. Но при этом никто не пояснял, что в данном случае речь идет не об американском президенте, а о российско-советском академике Николае Буше, долгое время возглавлявшем Эрманский горно-луговой стационар.

* * *

Послевоенная сталинирская молодежь была весьма спортивно заряжена. Поголовно все занимались тем или иным видом спорта, а чаще сразу несколькими. При этом широкие массы захватило футбольное «боление». За свою команду болели как положено, но следовало определить свои приоритеты и на союзном уровне. За тбилисское «Динамо» болели автоматом хотя бы потому, что считалось (и в самой грузинской столице в том числе), что эта команда добивается успеха только при условии, когда в ней играет хоть один осетинский футболист. Вот и потянулась цепочка: Владимир Элошви-

ли, Андрей Зазроев, Заур Калоев, Гурам Цховребов, Владимир Гуцаев, Гела Кеташвили и Шота Хинчагашвили.

Но в канонах правильного «боления» был пунктик, касающийся московских футбольных клубов: полагалось какому-то из них отдавать предпочтение. Больше всего поклонников было у столичных «Динамо» и «Торпедо». Имена Льва Яшина и Эдуарда Стрельцова будоражили болельщицкие умы. К «Локомотиву» и ЦСКА относились нейтрально. А вот народная московская команда «Спартак» у тогдашних сталинирцев вызывала явную неприязнь. И это при том, что главные футбольные клубы севера и юга Осетии как раз носили гордое имя Спартака. Доходило до того, что скрытых почитателей этого клуба предавали публичной обструкции и даже высказывались мнения не сажать их за общий стол.

* * *

По мере взросления неотвратимость встречи с Москвой становилась все очевиднее. Учился я в обычной средней школе, но на тот момент считавшейся по многим показателям (успеваемость, самодеятельность, спорт) лучшей в городе. Класс был дружный, веселый, и все шло к тому, что вот таким единым составом дотянем до выпускного бала. Но вмешались обстоятельства. Было принято решение образовать общегородской математический класс, куда каждая школа должна была делегировать учеников с задатками к этому предмету. Таковых определяло школьное руководство, еще требовалось согласие родителей, а самих избранных никто не спрашивал. Я, например, до последнего сопротивлялся переходу. Единственное, что меня как-то уравновесило, — вместе со мной в элитный состав отправлялись еще пятеро человек из нашего класса. То, что нас в новом ученическом сообществе будет большинство, позволяло более оптимистично реагировать на складывающийся порядок вещей.

Математическая сборная училась хорошо, побеждала на самых различных предметных олимпиадах, вплоть до республиканских. Но пользуясь покровительством школьного руководства и всяких роно и гороно, избранники не по уставу шалили и позволяли себе вольности. Как бы то ни было, но к концу школы половина класса претендовала на медали. Все было просто: тем, кто по математике, физике и химии имел твердые пятерки, оценки по остальным предметам просто натягивали. Лично мне при отличном аттестате по русскому языку была выставлена завышенная четверка. И это при том, что предмет этот вели исключительно опытные и профессионально подготовленные педагоги, которых я безмерно уважал и любил. Могли ли они тогда предположить, что написание текстов

(наукообразных, аналитических, публицистических, окололитературных) станет моим основным занятием и хоть в этом я чего-то добьюсь?

По логике и согласно неписаным правилам нам следовало продолжить свое математическое образование. Небольшая группа максималистов из нашего выпуска, к которой примкнул и я, ни много ни мало замахнулись на мехмат МГУ. Это была чистой воды авантюра, но нам казалось все нипочем, ничего нас не пугало. Родители к нашему решению отнеслись настороженно, но перечить не стали. Быстро собравшись и купив за тогдашние 27 рублей билет на самолет, мы вылетели из Тбилиси в Москву и не успели оглянуться, как оказались во Внуково.

Москва, начиная с вокзалов и аэропортов, пыталась сразу подавить вновь прибывших своими масштабами и многолюдностью. На выходах в город можно было видеть растерянно вертящих головами граждан. Некоторые держали в руках бумажки с неведомыми адресами. Этот контингент чаще становился добычей ушлых таксистов. Здесь надо было проявить характер. Тот, кто сходу попадал под московский прессинг, потом с трудом освобождался от этого груза.

Мы, уже прошедшие испытание большими городами (Тбилиси и Орджоникидзе таковыми и являлись по сравнению с Цхинвалом), делали вид, что все здесь понятно и разберемся сами. На самом деле нашему вторжению предшествовали многочисленные консультации с более опытными товарищами, которые уже бывали в столице, учились в столичных вузах и считали, что коварный мегаполис они, по крайней мере, раскусили. Так они полагали, не особо вникая в многочисленные и разноплановые частности, которых всегда в избытке в урбанистическом монстре, раскинутом на площади, соизмеримой со всей Южной Осетией, а по населению зашкаливающем за десяток миллионов. Я испытал шок, когда осознал, что все население нашей автономии, включая стариков, инвалидов и младенцев, можно спокойно разместить на трибунах стадиона «Лужники», да еще и место останется. Такая разность пропорций впечатляла.

Так вот, наши добровольные наставники обучали нас азам московского бытия. При этом, как ни странно, упор они делали не на том, что надо делать и как поступать, а на том, чего не надо делать и как не следует поступать. Технология, заимствованная из практики дорожных знаков. Тем не менее советы были дельные и на первых порах помогали разобраться, найти выход из положения, хотя курьезов всегда хватало. По крайней мере, в город мы вошли столь уверенно, как будто покинули его пару дней назад.

* * *

Обустроились мы довольно быстро и без проблем. Начали поход с приемной комиссии. Здесь от нас быстро отделались уставшие от всего и мечтающие о законных каникулах старшекурсники. Нам сразу выдали талоны на поселение в общежитие, и там нас без проволочек временно прописали. Надо полагать, что тогда бюрократия, хотя бы в образовательной сфере, была в зачаточной стадии.

К нашему восторгу, поселили нас в главном здании МГУ, которое мы могли раньше лицезреть разве что на открытках. Большинство студентов и аспирантов уже отдыхали, и их комнаты были свободны. Меня и еще одного парня поселили в один блок со студентом-индонезийцем. Он не мог поехать на каникулы на родину, поскольку там случился очередной переворот и ему грозил арест как сыну коммунистического лидера. Бедолага маялся в знойной столице, не зная ничего о судьбе своей родни и не представляя, как сложится его будущее. Наш диковатый и пестрый табор его озадачил — таких «совков» он еще не видел. На всякий случай спросил о нашей партийной принадлежности. Мы успокоили, что являемся активными комсомольцами и исправно платим членские взносы. Второй его вопрос был более интимного свойства, касающийся наших религиозных предпочтений. То, что мы не мусульмане, его несколько огорчило. В целом же он оказался вполне спокойным и коммуникабельным парнем. Правда, юмор наш он напрочь не воспринимал, и, несмотря на то что русским языком владел в достаточной мере, некоторые наши жаргонизмы погружали его в долгие раздумья. Хотя наши финансовые возможности были весьма ограничены, у нашего нового друга ситуация была еще плачевнее. Деньги с родины перестали поступать, а идти в посольство он боялся. Все, что можно было продать, он продал еще до нас и ходил в одежде критической поношенности. Иногда приходилось его подкармливать, чего он пытался всеми силами избегать. Дни он проводил вместе со своими земляками — такими же невъездными, как и он, где на повестке дня стоял извечный русский вопрос: что делать? Интересно, как в дальнейшем сложилась судьба Датук Мухассана?

Основавшись в общежитии, мы узнали, что комендантом всех общежитий МГУ является наш земляк Андрей Чибиров. Это нас очень вдохновило, мы сразу почувствовали себя намного увереннее. Еще бы, наш человек руководил структурой, намного по масштабу превосходящую горисполком Цхинвала. Воспитанные на принципах «хионизма», мы наивно полагали, что через своего коменданта можем решать все проблемы, вплоть до экзаменационных поблажек. Кто-то предложил даже нанести визит вежливости именитому земляку. Но уже при первой же попытке нас осадили,

объяснив, что у такого значимого лица есть дни и часы приема. Придя в установленное время, были еще раз разочарованы, поскольку не смогли внятно объяснить, зачем, собственно, явились. Поняв что-то из наших сбивчивых разъяснений, нам посоветовали попусту не напрягать занятого человека. Уже потом кое-кто из бывалых сказал нам, что комендант особо суров именно к землякам и если для других существует система предупреждения, то наши караются сразу и без лишних слов.

* * *

Каждый день в Москве таил новые открытия. И не всегда они были из приятных. Однажды, штудируя какой-то предмет, я уснул при свете с книгой в руках. Проснулся глубокой ночью, и сразу меня что-то насторожило. Показалось, что простыня подо мной шевелится. Обратив на нее взор, я пришел в дикий ужас: вся она кишела какими-то красными тварями. Как мне объяснили позже, это были клопы. У нас такой зверь не водился, из книг об их существовании мы знали, но то, что они полчищами устраивают нашествия, было из области устрашающей фантасмагории. Остаток ночи я провел сидя на диване в холле общежития. Наутро проверил свое прибежище. Простыня все еще пребывала в красных тонах, но это были останки павших на поле боя. На мою жалобу дежурная по этажу среагировала моментально. Буквально через пару часов явилась бригада, облаченная в комбинезоны типа тех, в которых искали «Новичок» в Солсбери. Карательная операция прошла в ритме блицкрига, а нам посоветовали окна не закрывать и в комнате подолгу не находиться. Последнее предупреждение оказалось излишним, поскольку находиться в проморенной комнате было невозможно. Создавалось впечатление, что и через неделю здесь будет затруднительно существовать. Следовало что-то предпринять, и я попросил перевести меня в один из филиалов Дома студентов МГУ близ магазина «Балатон». Просьба была удовлетворена.

Внешне филиал напоминал обычную пятиэтажную хрущевку. Вокруг сгрудились такие же коробки, но это были уже жилые дома. По сравнению с академичной и спокойной обстановкой основного корпуса университета здесь царила настоящая студенческая вольница с богатым шумовым оформлением, проевшим стены запахом пищи, с ночными бдениями и полночными блужданиями по этажам. Да и плотность населения здесь была куда выше.

К плюсам этого общежития можно отнести то, что вокруг были разбиты различные спортплощадки. Обычно загруженной бывала футбольная поляна. У нас организовалась своя команда, и мы регулярно бились с аборигенами. Поскольку силы были примерно рав-

ны, побеждали то одни, то другие. Такое острое соперничество вызывало уважение друг к другу. Поэтому местная молодежь искренне желала, чтобы мы поступили и наши поединки продолжались.

Недалеко от нас раскинул свои необъятные просторы «Мосфильм». Такое соседство имело значение. Иногда оттуда прибывали автобусы, и начинался набор статистов на какой-нибудь фильм. За день съемок платили три рубля. Сумма небольшая, но возможность «сняться в настоящем кино» многих грела. Однажды, из чистого любопытства, и я решил приобщиться к великому. Мы долго блуждали по кинофабрике, пока не нашли нужный павильон. И тут вспомнились слова Владимира Немировича-Данченко, который утверждал, что на «Мосфильме» есть места, куда не ступала нога человека. А наш фильм являл собой одну из чеховских экранизаций. Нас одели в ливреи, нахлобучили на головы парики и слегка зачумазили — получились молодые помещичьи работники. В таком виде мы проторчали на солнце целый день. Иногда нас снимали. В конце дня выдали по трешке и отправили восвояси. Фильм этот по выходу я посмотрел пару раз (точное название не помню), но себя нигде не обнаружил. Скорее всего, этот эпизод просто вырезали за ненадобностью. Так, не успев начаться, завершилась моя актерская карьера.

Здесь я познакомился еще с одним спутником московского быта — тараканами. О них я знал больше, чем о клопах, хотя ни те, ни другие у нас не прижились. Сами тараканы не были так омерзительно противны, как клопы. Днем они пытались не попадаться на глаза. Зато ночью оккупировали кухни и устраивали там забеги. К тому же знающие люди говорили, что если операция «клопомор» дает ощутимые результаты, то с тараканами бороться невозможно. Репрессивные меры против себя они воспринимают как сигнал к срочной мобилизации, отступным маневрам и передислокации сил.

* * *

Отправляя в столицу, родные снабдили нас адресами неведомых людей, которые уже осели в Москве и кем-то нам доводились. Большинство из них, надо полагать, даже не подозревало о нашем существовании. Их адреса давались на крайний случай, если уж сильно прижмут обстоятельства. Поэтому такой возможностью практически никто не воспользовался.

У меня тоже был адрес двоюродного брата моей мамы — Гиго Бесолова. Он жил в подмосковном Подольске и был уже давно на пенсии. Об этом родственнике я часто слышал и всегда в предельно вежливых тонах. О нем говорили как об истинном интеллигенте,

талантливом инженере, эстете и любителе всего прекрасного. Между тем, когда речь заходила о дядюшке Гиго, сестры его начинали многозначительно переглядываться и переходили на язык иносказаний. Это создавало вокруг объекта обсуждения некий загадочный флер. Все это подвигло меня на попытку поближе познакомиться с ним.

Добраться из Москвы в Подольск было достаточно просто: сесть на электричку и никуда не пересаживаться. На привокзальной площади в Подольске я обратился в справочную будку, предъявив адрес. С меня сразу потребовали оплату. Такая поспешность стала понятна, когда тетенька, сидевшая в амбразуре, вместо выдачи мне ориентиров высунулась из своего укрытия и пальцем показала на дом через дорогу.

Дядя был дома. Я представился. Родственник был несколько удивлен и озабочен. До этого он меня видел один-единственный раз, когда мне было пять лет. За это время я, наверное, несколько изменился, поскольку он меня узнал не сразу. Но затем последовали наводящие вопросы, которые рассеяли сомнения в моей идентичности.

Дядя Гиго жил один в большой однокомнатной квартире. Женат он никогда не был, и детей у него тоже не было. Хотя, опять же со слов его сестер, женским вниманием тот никогда обделен не был. Являл он собой аккуратного, хорошо сбитого лысоватого старичка небольшого роста. Даже дома он одевался со значением, был всегда чисто выбрит и надушен. Его однокомнатные апартаменты были со вкусом обставлены, причем здесь спокойно уживались предметы обихода разных эпох.

Вечер мы провели в беседах. Собеседником он оказался образцовым. Его русский завораживал. Невольно задавался вопросом: неужто так же он обращался к рабочим на своем заводе? Было ясно, что он весьма начитан, обладает глубокими познаниями в самых различных областях. Говорить с ним можно было на любую тему, он снабжал свои монологи такими любопытными и познавательными подробностями, что невольно самому хотелось побольше узнать об услышанном. Говорили о многом, но особо запомнились его рассказы о лошадиных скачках, бегах. Оказалось, что дядя Гиго старый лошадник и по молодости азартно играл на бегах. Регулярно посещал Московский ипподром, выезжал и на скачки в других местах. А затем так хорошо вник в тему, настолько узнал все секреты околоскачечных дел, что не только перестал играть, но и ипподром больше не посещал. Правда, книги о лошадях и гравюры с их изображением приобретал по старой памяти.

По его предложению остался переночевать. Когда уже готовились ко сну, раздался звонок в дверь. Звонившей оказалась молодая женщина довольно приятной наружности. Увидев гостью, хозяин заметно смутился. Представить меня труда не составило. Сложнее оказалось с ночной гостьей. Замысловатые объяснения на эту тему свелись к тому, что это дочь его старых знакомых. И прибыла она из Ленинграда — судя по всему, без предварительного уведомления. Уже втроем беседа наша стала пробуксовывать и свелась к чаепитию с переброской отдельными фразами. Стало очевидным, что ночевать нам придется в одной комнате, но, к счастью, нам без особых усилий удалось организовать уголки уединения. Когда я отчитывался об этом эпизоде сестрам Гиго, те многозначительно переглядывались и задавали наводящие вопросы. Видимо, мои доносы что-то подтверждали в выстроенных ими предположениях.

Следующий день был воскресным, и по сложившейся традиции дядя Гиго проводил его в Москве, где выполнял задуманную культурную программу. Он предложил нам поучаствовать в ней, на что мы с радостью согласились. Гвоздем программы стало посещение дворцового комплекса графов Шереметьевых, что расположен в Останкино. Для гостей этот выбор оказался неожиданным, но все увиденное и услышанное произвело большое впечатление. В указателях значилось, что это шедевр крепостного творчества. И дело было не только в архитектурном исполнении, но и в картинах и оформлении, выполненных теми же крепостными. И тут еще экскурсовод сообщил, что в былые времена дворян здесь ублажали артисты крепостного театра. Словом, впечатлений было много, и этот поход запомнился надолго.

Обогатившись пищей духовной, пришел черед и для пищи плотской. Гостеприимный хозяин пригласил нас в ресторан гостиницы «Националь». Это было элитное заведение, больше ориентированное на иностранцев, но дядя Гиго, скорее всего, был здесь завсегдатаем и столик для нас отыскали быстро. Меню лично у меня вызвало беспокойство, большинство блюд были мне неведомы. Видя мое беспомощное состояние, дядя сам за меня сделал заказ, который состоял из какого-то особого бульона, пожарских котлет и всяческих экзотических салатов. Десерт мне было предложено заказать самому. Я и брякнул, что хочу компоту. Доставленное «третье» производило впечатление. Фруктовый напиток был помещен не в привычные кружку или стакан, а в объемную посудину, больше напоминающую суповую тарелку. Это было круто.

Прощаясь, дядя обязал меня при любой возможности посещать его. Это было признанием — видимо, и я его чем-то впечатлил. Был

он человеком в себе и в широком общении на старости лет не нуждался. Я обещал заезжать.

Но наша следующая встреча состоялась уже во Владикавказе, куда его после случившегося инсульта перевезли сестры. Но это уже был не тот человек. Вместо подтянутого лощеного пожилого джентльмена передо мной стоял больной старик с потухшими памятью и глазами.

* * *

Чтобы вести полновесную жизнь в таком мегаполисе, как Москва, следовало его географически освоить. Дело это непростое. Даже не все таксисты (особенно среди приезжих) знали, как проехать в пункт назначения, и интересовались дорогой у самих седоков. Большей части жителей столицы достаточно было знать центр города и микрорайоны своего обитания и работы. К этому можно было прибавить знание проезда к ближайшей родне, если таковая имелась, или друзьям, если успели их обрести. Что касается нас, то неведение нас нисколько не смущало. Казалось, искомая точка находится за углом.

Метро мы освоили достаточно быстро, а это было уже половиной успеха. Среди легко достигаемых объектов были Красная площадь с ГУМом, улица Горького (ныне Тверская) с Центральным телеграфом, где мы получали переводы и откуда звонили домой, Арбат с кафе «Валдай», кинотеатром «Октябрь» (еще одно место сбора, помимо телеграфа, южных осетин), самым крупным книжным магазином, парк Горького с многочисленными аттракционами и закусочными, стадион «Лужники» во время футбольных матчей, ну и, собственно, окрестности МГУ. Для начала этого вполне хватало. А случись надобность в освоении новых территорий, то и это проблемой для нас не являлось. Очень скоро уяснили, что станции метро — это своего рода эпицентры, вокруг которых концентрируются культурные, торговые и общепитовские заведения, различные офисы и другие полезные объекты. Поэтому удаляться от них смысла не имело, если не считать какой-нибудь особый случай, предусматривающий точечное посещение. Впрочем, выходы в свет, по мере приближения вступительных экзаменов, теряли свою актуальность.

Отправляя меня на покорение столицы, родители наказали всей отъезжающей группе выполнить одну важную функцию. А именно — купить мне костюм. Считалось, что на экзамен абитуриент должен явиться в костюме и желательно при галстуке. Полагали, что такое облачение должно произвести самое благоприятное впечатление на экзаменаторов. Нас самих эта униформа устраивала в том плане, что обилие карманов и тыльная часть пиджака по-

зволяют комбинировать, использовать варианты, в том числе и с сокрытием шпаргалок.

К поручению наши отнеслись предельно серьезно. Было принято решение покупку осуществить безотлагательно. Для реализации плана, конечно, был выбран ГУМ. Впрочем, выбора как такового не было: других магазинов, где торгуют мужской одеждой, мы просто не знали. К тому же ГУМ являлся сакральным торговым центром всего необъятного Союза. Всем прибывшим в столицу следовало отметиться в этом средоточии продаж и покупок хотя бы потому, чтобы утвердительно, по возвращении домой, ответить на вопрос: «Был ли ты в ГУМе?»

Еще плохо ориентирующиеся в московских просторах, но уверенные в том, что все делаем правильно, в ГУМ мы попали необычным способом. Выйдя из метро, мы каким-то образом оказались в Александровском сквере у обелиска Неизвестному солдату. Это нас нисколько не смутило, и мы уверенно двинулись всей группой через Красную площадь к манящему фасаду ГУМа. Но режимность этого места нам была неведома. Как оказалось, посещение Мавзолея было разрешено всего в течение часа в полдень. В это время движение по площади было запрещено. А к Мавзолею выстраивалась дисциплинированная километровая очередь. Милиция опомнилась с опозданием, обнаружив нас, когда мы уже пересекли половину площади. Решив спешно исправить свою оплошность, те решительно втиснули нас в очередь, которая пришла поклониться мумии вождя, причем в финишную ее часть. Но здесь существовали свои строгие правила поведения. Например, нельзя было держать руки в карманах, не разрешалось разговаривать, а передвигаться следовало степенно с дозированной скорбью на лице. Уже внутри Мавзолея нас провели мимо останков с такой скоростью, что полноценно узреть и впечатлиться не удалось. По выходу полагалось пройти вдоль кремлевской стены, в которую были вмурованы урны с прахом самых выдающихся граждан страны. Большей частью это были партийные и хозяйственные деятели, военачальники, ученые-технари. Имена многих из них мне ни о чем не говорили. Позже по справочникам узнал об их сфере деятельности и достижениях. И осталось загадкой, каким образом некоторые из них оказались среди избранных.

О том, что ты неотвратимо приближаешься к главному магазину страны, свидетельствовало несколько факторов. Еще не видно было самого здания, а уже заметно сгущение людских масс и их четкое расслоение на тех, кто шел туда, и тех, кто возвращался оттуда. Это был визуальный маркер. Но был еще один, и более мощный — обонятельный. Подходы к универмагу были густо пропитаны сме-

шанным запахом свежемолотого кофе и вареной колбасы. И тот и другой продукт обретали свое неповторимое обонятельно-вкусовое проявление именно здесь, и нигде в другом месте. Удивляет, что под этот феномен никакой основы так и не подвели. Ну а простых покупателей, как в воронку, неведомые силы затягивали в правый отсек центрального ряда первого этажа магазина, откуда, собственно, исходили все эти ароматы. Бутерброд с колбасой, запиваемый кофе, примирял любого с действительностью. Здесь же все это можно было залакировать мороженым, которое также имело свою особую консистенцию и вкус.

Отведав гумовских вкусностей, можно было неторопливо продвигаться к цели посещения. То, что у меня оказалось много болельщиков, процесс нисколько не ускоряло — скорее, наоборот. Критерии покупки были обговорены заранее: цена, современный стиль, функциональность. Но здесь мнения стали расходиться. Одних не устраивал фасон, других — цвет, третьих — денежный эквивалент. Достижение консенсуса явно затягивалось. Блуждание по этажам и линиям от одной одежной секции к другой явно утомляло. Послышались даже робкие предложения спуститься в колбасно-кофейный рай и там предметно обсудить создавшееся положение. Но больше всего нескончаемые поиски надоели мне самому, и я сделал выбор. Он, конечно, вызвал замечания и возражения, но они звучали несколько вяло и неубедительно. Оставшись при своем мнении, мои друзья решили больше не утомлять себя попусту. Позже, уже дома, отчитываясь перед моей родней, каждый из моих сопровождающих сообщал, что, если бы к его мнению прислушались, то выбор был бы куда удачнее, практичнее и финансово привлекательнее.

ГУМ после этого знаменательного похода я посещал еще неоднократно. Нетрудно было понять, что здесь свой мир, свои порядки. Провинциалы, попавшие в центр торгового изобилия, вычислялись сразу — и становились легкой добычей всяких спекулянтов и жуликов, а то и самих продавцов. Кормилась здесь и многочисленная когорта перекупщиков, которые являлись в ГУМ как на работу. У них были свои информаторы, которые сообщали, небескорыстно конечно, когда и в какую секцию «выбросят дефицит». Были ли это мужские сорочки, босоножки, косметика или пыжиковые шапки, значения не имело. Все шло на перепродажу с известной наценкой. Но завладеть желанным, даже оперативно воткнувшись в очередь, не всегда получалось. Страсти разгорались, у прилавков разворачивались битвы, влекущие травматизм и требующие вмешательства наряда милиции.

* * *

Так уж устроен человек, что, оказываясь на чужбине, он в первую очередь начинает искать своих сородичей. Дело понятное — каждый нуждается в опоре и поддержке, а это могут обеспечить только свои. В то время во всех московских вузах училась югоосетинская молодежь. Хорошо известны были те, кто обучался в самых престижных. Но была каникулярная пауза, и многие из них уехали из столицы. Оставшиеся подрабатывали или подчищали хвосты. Брат одного из наших, например, подрядился в поездные проводники. Между сменами навещал нас и делился богатым студенческим опытом.

Но случались и знакомства. Особенно запоминающееся пришлось на период, когда мы еще проживали в общежитии основного корпуса. Был теплый вечер, и все окна были распахнуты. Мы отдыхали за чаем после утомительной муштры. И вдруг откуда-то послышалась осетинская музыка. Кто-то неумело наигрывал на балалайке. Акустика в колодце между корпусами была такой, что маломальский звук охватывал весь периметр. Мы дружно высунулись из окна, но определить, откуда звучит музыка, и тем более увидеть, кто за этим стоит, было невозможно. Тогда кто-то из наших по-осетински прокричал, чтобы музицирующие отозвались. Музыка оборвалась, но ответа не последовало. Это показалось нам обидным, и тогда кто-то из нас весьма внятно выразил на всю округу свое, мягко сказать, неодобрение. Только тогда последовала реакция. Ответ был более чем лаконичен: он состоял из номера комнаты.

Туда мы всей гурьбой незамедлительно направились. Ожидали, что увидим сверстников. Но нас встретила небольшая группа старшекурсников и аспирантов. Это была уже совершенно другая возрастная и весовая категория. От нас, несмышленышей, до этих познавших все прелести московского бытия земляков пролегала пропасть. Ни мы, ни тем более они не ожидали подобной встречи, поэтому с самого начала возникло некоторое напряжение. Нас с интересом разглядывали, а посмотреть было на что: несмываемые цхинвализмы нашего облика производили впечатление даже на видавших виды москвичей.

Узнав о наших планах, старожилы удивленно переглянулись. Все они, как оказалось, были гуманитариями и считали, что в Москве можно совершенствоваться только в этом направлении. А тут целый косяк молодых людей, одержимых математическим будущим. Как всегда, стали нащупывать родственные корни, и, как всегда, они нашлись. С большинством из этих ребят довелось через лета встречаться, общаться и даже дружить. Среди них был тогда еще журналист и исполнитель, а впоследствии художник, мой

однофамилец Валан Харебов. А с Дзерассой Кабисовой я долгое время работал в отделе экономики нашего научного института и, более того, трудился в одном с ней кабинете.

Наша встреча затянулась за полночь. Хозяева поили нас чаем с печеньем и задавали вопросы, больше о цхинвальских делах. Мы расширенно и красочно отвечали, нас вежливо слушали, прерывая наши живописания репликами. Прощаясь, договорились о новых совместных посиделках. Но их более, увы, не случилось: у каждого находились дела и было не до праздного времяпровождения.

* * *

А между тем время экзаменов неумолимо приближалось. Не знаю, как теперь, но тогда абитуриенты были окружены особой заботой: это и возможность бесплатного проживания в элитных общежитиях, и решение всех бытовых проблем. Для нас ежедневно проводились консультации, нам предоставлялись варианты экзаменационных заданий разных лет с комментариями и решениями, нам позволяли пользоваться библиотеками и читальными залами. Словом, учись не хочу.

С этим все было в порядке, но беспокоило другое. В тот год конкурс именно на мехмат МГУ был запредельным. К тому же со всего Союза сюда устремились все победители союзных математических олимпиад, а они пользовались особыми льготами. Стало ясно, что пройти отбор можно только при условии сдачи всех экзаменов на одни пятерки. При этом первым экзаменом сделали письменную математику, что предполагало более чем половинный отсев. Выступили мы неудачно, дотянуть до высшего балла не смог никто. Тут все стали просчитывать варианты по дальнейшим действиям. Один только Феликс Тадтаев (о нем речь подробнее пойдет позже) сразу заявил, что от своего не отступит и обязательно покорит эту цитадель. Чтобы ничего ему уже не мешало, он даже избавился от аппендицита — и уже на следующий год с блеском поступил и в положенное время впечатляюще завершил обучение на самом элитном факультете самого престижного вуза страны.

Вступительные экзамены в МГУ отличались одной особенностью. Они проводились на месяц раньше, чем во всех других вузах Союза. Таким образом, провалившиеся здесь могли спокойно поступить в любой другой институт в общепринятое время. Этой возможностью многие и воспользовались.

Тут пришло сообщение, что Северо-Осетинский госпединститут преобразовывается в университет с изменением учебных программ, защитой дипломов вместо госэкзаменов и увеличением сроков обучения. Я решил умерить аппетиты и попробовать посту-

пить в вуз, находившийся тогда в шестичасовом удалении от родного дома. Но теперь уже ни о каких математике и физике речь не шла. Говоря откровенно, и до этого душа к этим дисциплинам не лежала. Я даже не представлял себе будущего пребывания в этой среде. Поэтому в СОГУ подался в географы. Здесь мне было вполне комфортно, хотя потом оказалось, что и это был транзитный вариант.

* * *

Во годы студенчества мои пути с Москвой разошлись. Почти все время занимал учебный процесс. А во время каникул подряжался на какие-либо работы, чтобы обеспечить себе мало-мальски достойное проживание. Вначале это был стройотряд, который прокладывал железную дорогу близ пострадавшей от землетрясения Махачкалы. Затем в течение двух сезонов исполнял обязанности инструктора по горному туризму Зарамагской турбазы, водил туристов через Рукский и Мамисонский перевалы. А на последних курсах летом работал в сводном отряде, который проводил исследования в районе строительства Транскама. Когда удавалось вырваться домой, встречался с друзьями, которых раскидало по городам и весям страны. Те, кто обосновался в Москве, бодро сообщали, что столица стоит на месте и ничто ей, кроме «набежавших», не грозит.

К концу учебы стал специализироваться на физической географии, а точнее, на геоморфологии (следствие моей работы на Транскаме). Дипломный проект был посвящен изучению речных долин Зарамагской котловины. Работа была пионерской, и ею заинтересовались сразу два центра, где углубленно занимались этим направлением географии — Харьковский и Казахский университеты. Поступили даже предложения продолжить работу в их лабораториях. К тому же в Алма-Ате геоморфологией занимался академик Медоев, который очень хотел иметь в преемниках кого-то из своих. Но прежде следовало получить диплом и сделать выбор.

Конечно, этот результат никто официально не фиксировал, но факт остается фактом: так случилось, что Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Хетагурова первым окончил я. Но это не следствие каких-то моих личных талантов и способностей, а невероятное стечение обстоятельств. Дело в том, что из студентов первого университетского выпуска мало кто решался завершить обучение защитой дипломного проекта, большинство решили не рисковать и по старинке сдавать государственные экзамены. «Защитники» выходили на финиш раньше «сдавальщиков». А из первых раньше всех перед экзаменационной комиссией предстали именно мы — географы. Дипломные работы вынесли на

обсуждение четверо из курса. Из них первым на защиту вызвали меня, поскольку остальные трое попросили время на подготовку. Защита прошла успешно, но только много позже я узнал, что первым окончил СОГУ, и об этом сегодня кроме меня никто не знает. Да и не столь это сейчас важно.

Позже случилось еще одно стечение обстоятельств, но уже печальное. В день, когда я получал диплом в Орджоникидзе, в Цхинвале скончался отец. По принятым определениям — скоропостижно. Иначе говоря, лег спать и не проснулся. Было ему 67 лет. В том же возрасте умер мой брат Юрик. Поэтому меня предупредили быть особо осмотрительным в этом возрасте и более тщательно следить за своим здоровьем. Эту ветку я благополучно проскочил.

* * *

Итак, планируемые празднества заменились траурными делами. Конечно, и планы на будущее надо было менять. Совершенствование полученных знаний вдали от дома временно отменялось. Близкая родня, искренне выражая мне сочувствие, не забывала напомнить, что теперь маму одну оставлять нельзя. Я остался в Цхинвале, но понятия не имел, чем заняться. Физгеографов-одиночек просто не существует. Для них нужны группы единомышленников, специализированные лаборатории, экспедиции, особый профессиональный инструментарий. С моим дипломом можно было пойти в школу учителем географии или даже читать лекции на существовавшем тогда геофаке нашего пединститута. Но к преподавательской деятельности душа не лежала ни тогда, ни позже.

Поисками работы я себя особо не утруждал, пустив все на самотек. Зато этой проблемой серьезно озаботились мои родные, близкие и просто знакомые. То и дело предлагались какие-то варианты с перспективами и приемлемыми окладами. Приглашали даже на работу в горком партии, при этом моя тогдашняя беспартийность никого не смущала. Но я, только что окончивший вуз, менее всего хотел ставить крест на полученных знаниях.

Наконец мне сообщили, что есть место в нашем научно-исследовательском институте, что его дирекции о моем существовании известно и она готова провести со мной собеседование. Особо ни на что не надеясь, я взял свой диплом, дипломный проект и пошел на смотрины. Встретили меня хоть и строго, но вполне корректно и благожелательно. Мои бумаги им, судя по всему, понравились. Но когда мне объявили, что вакансия есть только в отделе экономики, я загрустил. Экономика и физическая география точек соприкосно-

вения не имеют. Каким-то условным передаточным звеном здесь может служить разве что экономическая география. Этот предмет я в полной мере изучал, но никогда в нем не специализировался. Увидев мое замешательство, замдиректора Вахтанг Дмитриевич Цховребов — самый строгий и требовательный из тех, перед кем я предстал — предложил временно оформиться, а месяца через два представить расширенные соображения о том, чем конкретно буду заниматься и насколько это будет отвечать научной направленности института.

Посадили меня в один кабинет с двумя учеными дамами, которых мое появление сильно удивило. Дело в том, что в те достославные времена сотрудниками института были почти сплошь доктора и кандидаты наук, корифеи, золотой фонд осетинской науки. Люди серьезного возраста, с богатым жизненным опытом и непростой судьбой. На их фоне я, вчерашний выпускник вуза неполных двадцати трех лет, выглядел странновато. Такого в стенах почтенного научного заведения еще не видели. Да и сам я часто задумывался: а зачем я, собственно, нужен? Достижений — никаких, перспективы — туманные, чего от меня ожидать — вообще неясно. Подозреваю, что меня приняли для того, чтобы хоть как-то понизить средний возраст сотрудников института.

По мере того как мои соседки по кабинету пытались через наводящие вопросы узнать, что я такое, они все более озадачивались. Им было непонятно, каким ветром молодого географа занесло к экономистам и в чем он преуспел, что так стремительно внедрился в славный коллектив. Объяснить подобное можно было моим близким родством с кем-то из дирекции. Но дамы ничего против меня лично не имели, я никому дорогу не перебегал, ничьи интересы не затрагивал. Пожалуй, им было даже любопытно, чем все дело закончится, сумею ли я прижиться. Они бы и рады были мне помочь, но не знали как, тем более что и сам я не представлял, чем конкретно заняться. На всякий случай они завалили меня книгами по экономике и посоветовали их проштудировать. Что касается заведующего нашим отделом Виктора Сикоевича Техова, то он сразу взял меня под плотную опеку, не забывая при случае напомнить, что он очень на меня надеется.

На первом этапе я ломал голову над тем, как связать географию с экономикой. И, пожалуй, нашел приемлемый выход, решив заняться экономикой труда и демографией. Последняя только начала выкристаллизовываться как наука, и ею серьезно занимались только в Москве, а по принятому академическому реестру ее зачем-то включили в орбиту экономической науки. Таким образом, мой выбор имел компромиссную подоплеку. В то время институт

выпускал свой ежегодный сборник научных работ, и я через три месяца после поступления сдал В. Д. Цховребову, ответственному за издание, статью по экономике труда. Тот вскинул брови и с удивлением воззрился на меня, не ожидая, видимо, от меня такой прыти. Но тут не было никаких инноваций и научных откровений. Я просто использовал уже хорошо известные и отработанные методологии, другое дело, что в отношении Южной Осетии они были применены впервые. Как бы то ни было, но именно эта публикация окончательно утвердила меня в качестве младшего научного сотрудника ЮОНИИ, чем я несказанно гордился.

* * *

Столь подробное отступление от московской темы в пользу институтской вызвано тем, что именно ЮОНИИ станет отправной точкой на пути к освоению столичных просторов.

За полгода пребывания в стенах института я стал помаленьку осваиваться и полноценно вливаться в этот неординарный коллектив. Ученые мужи относились ко мне вполне благожелательно, подбадривали, помогали при необходимости. Вместе с тем моя особа все еще вызывала любопытство, и каждый по своему усмотрению выстраивал отношения с молодым коллегой, которые были слегка ироничными, ненавязчиво покровительственными, а в целом весьма дружелюбными. Более опытные и лучше ориентирующиеся в разных жизненных обстоятельствах не скупились на советы. Так, профсоюзный активист Иван Цховребов настоял на том, чтобы я сразу по зачислении в штат написал заявление на получение квартиры и приобретение автомобиля. Он мудро полагал, что это никому не повредит. То, что прошения тут же будут удовлетворены, речи не было, но это был задел на будущее. Квартира после женитьбы и рождения детей мне бы точно не помешала. Бывали времена, когда в нашей половине дома обитало до восьми человек. Трижды я был близок к осуществлению жилищной мечты. Но каждый раз оказывался некий «более нуждающийся», и я уступал нажиму на мою сознательность. И если сегодня существуют какие-то списки на получение квартиры, хотелось бы знать, есть ли среди них «очередники» с почти полувековым стажем (мое заявление датируется октябрем 1973 года). Что касается личного автотранспорта, то автомобиль никогда не был пределом моих мечтаний. Я осознанно принадлежал и продолжаю принадлежать к гордому племени пешеходов.

Была у нас и институтская стенгазета — обязательный элемент любого учреждения, организации или предприятия. Редактором ее был поэт Хаджи Дзуццаты. Эта общественная нагрузка была для

него в тягость, но ему ее навязали, видимо, потому, что он считался самой творческой личностью из всех. Собрать материалы на очередной выпуск было проблематично. Подкатить к признанным корифеям с предложением начиркать статейку для «стенухи» было нереально, а добровольцев попросту не было. Поэтому когда я попал в поле зрения Хаджи, он оживился и на время вышел из своего меланхоличного состояния. Он сказал, что я включен в редколлегию институтской стенгазеты, и обязал в кратчайший срок написать статью, причем непременно на осетинском языке. При этом о чем писать, оговорено не было. Через сомнения и терзания я сподобился на некий текст. К моему удивлению, моя писанина Хаджи понравилась, и позже он в разных компаниях вспоминал о своем иезуитском задании и о моем героическом выполнении его. Что касается самой стенгазеты, то номер с моей статьей оказался последним. Наш печатный орган угас как анахронизм, несоответствующий высокому предназначению нашей академической структуры.

В новом коллективе мне было так комфортно, атмосфера была столь благоприятной, отношение старших коллег таким дружелюбным, что приходила убежденность, что в моей трудовой книжке будет только одна запись. Кто бы знал, насколько все изменится! Развал Союза, агрессия Грузии против Южной Осетии, борьба за выживание и свою независимость перечеркнули все планы, сделали будущее непредсказуемым. А каждому из нас пришлось делать выбор, находить свое место в сложившейся реальности.

Но до этого было еще далеко, и я продолжал пребывать в благостном состоянии. И тут случилось нечто непредвиденное — мне пришла повестка из военкомата. Иными словами, приглашение на срочную службу в армию. Я понес бумагу в дирекцию. Там ее долго изучали, вертели в руках, пытаясь понять скрытый смысл простого и вполне конкретного текста. Был созван большой совет, где загадочное послание обсуждали на все лады. Вывод, который меня вполне удовлетворил и успокоил, был следующим: из института в армию никого и никогда еще не забирали, поэтому и мне беспокоиться не стоит. При этом как-то забыли, что некоторые сотрудники являются участниками Отечественной войны, а иные служили в армии, правда, призвали их из других мест. Были подняты некие юридические положения, в которых наша ситуация комментировалась столь туманно и двусмысленно, что решили на них не зацикливаться. Консультации со знающими людьми особой ясности не добавили. В общем, решили, что беспокоиться не о чем и все само собой рассосется.

Другого мнения были ответственные за призыв. В отношении меня у них имелись совсем другие планы. Происходило планомерное пошаговое подтягивание к военной службе. Была пройдена медицинская комиссия, собеседование в Тбилиси. А мне все твердили, что все это пустяки и не стоит обращать на них внимания. И только когда пришло предписание явиться с вещами в определенный день и час, стало ясно, что шутить никто не намерен и отвертеться не удастся. После этого мои «болельщики» по-новому взглянули на обстановку и завели совсем другие разговоры. Мне было сказано, что любой настоящий мужчина просто обязан пройти армию, что защита Отечества — священный долг каждого, что год пролетит быстро, а обретенный мною опыт пригодится в жизни, и много чего еще. Коллектив дружно и обстоятельно готовился к моим проводам в армию. Событие приобрело общеинститутский масштаб и продлилось несколько дней. Прощание оказалось настолько теплым и содержательным, что продолжало греть меня все время армейской службы.

Куда нас направляют, стало известно уже в пути. Сначала нас собрали в Москве (в город, конечно, не пустили), а уже оттуда транспортными самолетами доставили в столицу ГДР Берлин. Служить нам предстояло в составе Группы Советских войск в Германии. Я попал в отличную роту отличного батальона отличного полка. Знающие люди скажут, что в таких подразделениях служат без дураков и по полной. Тогда в обычных частях в самом Союзе офицеры не знали, чем занять солдат, а некоторые из них, как мне признавались, за время службы ни разу не стреляли. У нас же, напротив, не было минуты свободного времени. Мы стреляли днем и ночью на стрельбищах, в тирах, с боевых машин, бегали кроссы, занимались строевой подготовкой. Два раза в день нам устраивали забег на «три версты». Я не курил, и с этим проблем не было, приходил одним из первых. Сложнее было с турником. Здесь я разве что научился красиво висеть. Но в нашей образцовой роте служил мой однофамилец и односельчанин Заур Харебов. Кросс он завершал, еле передвигая ноги, но на турнике был настоящий бог. Во время очередной армейской проверки наш ротный мечтательно приговаривал: «Вот бы из этих двух Харебовых сделать одного бойца, цены бы ему не было!»

В нашей роте было много выходцев из Средней Азии. В спортивном плане они не преуспевали, зато отлично стреляли. Пользуясь их стрелковым талантом, офицеры забирали ребят на охоту — если звероубийство можно назвать охотой. Их просто завозили в один из заказников, эдакий край непуганого зверья, позволяющего подойти к себе на расстояние вытянутой руки. Добыча всегда была

обильной, оставалось не попасться на глаза егерям и подобрать все до одной стреляные гильзы.

Так вот, эти восточные ребята были довольно смуглы. Другие служаки тоже успевали загореть. Меня загар почему-то не брал — я просто розовел, и с меня слезала шкура. Как-то во время одного праздника в окружном городе решили провести спортивный парад, и нашу роту, как всегда, отрядили от всего полка на это действо. Мы, конечно, роптали, видя, как остальные отдыхают, а мы безостановочно репетируем проход колонной. От нас, собственно, ничего особого не требовалось. В одних трусах нам надо было четким шагом пройти мимо трибуны. За неделю до праздника провели генеральную репетицию. Мы четко выполнили свой проход, но тут какой-то генерал узрел мои бледные телеса среди смуглых фигур азиатов. «Это что за хрен на блюде?!» — завопил он. Ему объяснили. Вместо того чтобы просто изъять меня из «коробки», генерал приказал за неделю довести меня до нужного цвета. Меня освободили от всех дел и отправили жариться на солнце. Ничего путного из этого не вышло, я приобрел багровый тон и покрылся волдырями. Но решили, что и так сойдет и засунули меня в самую середину «коробки». Наша минута славы длилась менее самой этой минуты, а на меня внимания никто не обратил, и мое самопожертвование оказалось напрасным.

Через три-четыре месяца службы в роте мотострелков меня вызвали в штаб и сообщили, что переводят меня на должность фактического комсорга полка. Формальным комсомольским лидером был офицер в звании старшего лейтенанта, который старательно зачитывал мои доклады на всяких собраниях и конференциях и относил мои отчеты в штаб полка. Мой перевод связан был не только с тем, что у меня было высшее образование, также вспомнили, что прибыл я из научного института, а таких бойцов у них доселе не было. Но более всего склоняюсь к версии, что тут постарался ротный командир. Начинающий карьерист (а таковых в ГСВГ было большинство) на дух меня не переваривал по причине моего образовательного статуса. Вот он и сбагрил меня с повышением. Теперь я вместо плаца, полигона и стрельбища сидел в кабинете, занимался писаниной и таскал книги из библиотеки, которая располагалась через стенку.

У моего нынешнего положения было одно преимущество — выход в город. Большинство бойцов полка за два года службы ни разу не выходили за стены гарнизона, разве что на учения. А меня регулярно немцы приглашали на все мало-мальски значимые мероприятия, начиная от местных праздников и кончая партсобраниями. Так уж было принято: советское присутствие должно было быть

тотальным, ощущаться во всем. А поскольку солдатам в город можно было выходить только в сопровождении офицеров или прапорщиков, то желающие меня эскортировать выстраивались в очередь. Каким-то образом сложился порядок: любое мероприятие завершать застольем. Поэтому моих сопровождающих больше привлекали халявные выпивка и закуска. Дошло до того, что и спортивные соревнования между «оккупантами» и местными сопровождались обильным распитием горячительных напитков. Запомнился один шахматный матч, когда организаторы умудрились начать турнир с застолья. Что потом творилось на шахматных досках — не передать словами.

Кроме того, меня подрядили читать лекции немцам на тему социалистического братства и светлого коммунистического будущего. Зачитав обязательные тексты, я обычно проваливался в историю и особенно красочно описывал, как осетинский царевич Давид-Сослан победил Ричарда Львиное Сердце. Эта история настолько нравилась слушателям, что очень скоро меня самого стали называть «Давид-Сослан», поскольку правильно произнести мое имя они были не в состоянии. Мое усердие в плане просвещения масс было вознаграждено самым неожиданным образом. За пару недель до завершения службы меня пригласили в город на партийную конференцию. На этот раз меня сопровождали прикомандированные к полку гэбисты. В зале кроме меня от полка был только командир, который выступил с речью. В конце состоялись награждения, и среди отмеченных оказались комполка и я. Нас отметили медалью «Активист социалистического труда». Полковник, который меня и так недолюбливал, во время моего награждения, сопровождавшегося одобрительным гулом тех, кто меня знал, просто позеленел от злости. Но я был уже фактически натурой уходящей, и репрессий не последовало.

Кстати, то была уже вторая награда, которой меня удостоили. Первая пришла из Москвы, точнее, из ВДНХ — за техническое творчество молодых.

* * *

Во время контактов с местными я успел кое с кем сблизиться, прежде всего из тех, кто хоть как-то изъяснялся на русском. Среди них был и учитель русского языка Рейнхольд Дауме, вполне прилично знавший свой предмет. Уже находясь в аспирантуре, мне довелось с ним еще раз встретиться — конечно же, в Москве. Для учителей русского из ГДР устраивались регулярные курсы повышения квалификации при МГУ. Мой немецкий знакомый оказался в одной из таких групп, и проживали они в общежитии на Шаболовке. Что

удивительно, все «русисты», исключая Рейнхольда, владели русским на уровне канцлерин Ангелы Меркель.

* * *

Так пролетел год армейской жизни, служба закончилась, и нас отправили на родину. Самолет летел до Волгограда, но я уговорил сопровождающих и высадился в Москве. Здесь перебрался на нужный аэродром, долетел до Тбилиси и в тот же день был дома. Таким образом, Москва стала отправной и финишной точкой в моей армейской биографии.

Не отвлекаясь на послеармейский «отходняк», я явился в институт на восстановление. Там мне обрадовались: и в словах, и в поведении моих коллег проскальзывала некоторая доля вины, что не получилось в свое время отмазать меня от военной службы. Но общая направленность приветственных речей сводилась к тому, что я возмужал и окреп, а сейчас следует упорно продвигаться к научным вершинам. Для начала дирекция чуть ли не в приказном тоне обязала меня уже осенью («дембель» случился весной) сдать аспирантские экзамены. Об этом, как оказалось, уже была достигнута договоренность с АН ГССР, составной частью которой был и наш институт. Пришлось вспомнить студенческие годы и засесть за учебники.

Ближе всего к моей демографической тематике подходил институт экономики и права Академии наук Грузии, куда я и направился для сдачи документов. Даже в то время поездки в Тбилиси особого удовольствия не доставляли, хотя довелось почти один учебный год провести в этом городе, правда, в режимных интернатовских условиях — в знаменитой математической школе имени Комарова. Наши чувствовали себя здесь не в своей тарелке. На официальном уровне к нам относились подчеркнуто корректно, а в быту собеседники тщательно подыскивали слова, чтобы ненароком не обидеть или не поставить в неловкое положение. Так вели себя в цивилизованных обществах с неграми и евреями. То же сейчас происходит на Западе в плане расовой толерантности.

Меня сразу принял директор института академик Паата Гугушвили. Это был благодушный старик больших размеров. От научной деятельности он уже отошел, ограничив свои функции директорствованием и участием в различных представительских мероприятиях. Он пользовался большим авторитетом не только в научных, но и политических кругах, входил в элиту грузинского общества. Его веселый нрав и незлобивость создавали вокруг него позитивный фон, и друзей у него было многим больше, чем недоброжелателей.

В момент нашей первой встречи он находился в весьма благостном состоянии. Он только что побывал в Швеции, где во время экскурсии на металлургический комбинат «увел» какие-то особые плоскогубцы. Рассказ об этом с последующей демонстрацией трофея стал неотъемлемой частью ученых советов, собраний, встреч на разных уровнях. Меня он принял весьма благожелательно, хотя скоро признался, что пока не знает, что со мной делать. Дело в том, что во всем институте не было ни одного демографа и «пристегнуть» меня к кому-либо было затруднительно. Поэтому Паата Виссарионович принял соломоново решение: он лично становится моим научным руководителем, а я спокойно сдаю кандидатские минимумы. При этом он обязал меня приезжать на ученые советы и отчитываться о работе. Свои речи я произносил на русском языке, а затем директор комментировал мое выступление уже по-грузински (считалось, что этим языком я не владею). Но моих скудных знаний хватало, чтобы понять: шеф предлагал кое-кому брать с меня пример. Затем он приглашал меня на приватную беседу, и мы говорили на разные темы, как правило ненаучные. В то время в среде грузинской интеллигенции было обычным делом объявлять о своих каких-то, пусть и отдаленных, осетинских корнях. Вот и наш академик не раз подчеркивал, что бабушка его супруги была осетинкой. Видимо, для большей убедительности он меня с ней познакомил. Но чисто визуально определить кровное соответствие лично для меня было затруднительно, приходилось верить на слово.

Кандидатские экзамены я сдал нормально. Особенно запомнился тот, где меня проверяли на знание английского языка. Помимо выполнения разных заданий и ответов на вопросы, существовал главный тест. Перед экзаменами нам выдали книгу на английском, ее следовало целиком прочесть, а потом по указке экзаменатора читать и переводить с любого места. Мне попалась книга о Монгольской Народной Республике, с которой я изрядно намучился. И тут я пошел на хитрость — вложил в книгу в определенном месте карандаш и так надолго зафиксировал. Позже, при произвольном раскрытии, книга разворачивалась на нужных мне страницах. Фокус сработал. Экзамен принимали две женщины. Когда дело стало подходить к концу, та, что помоложе, поинтересовалась у коллеги постарше, как меня оценить. На что ей по-грузински наставительно было сказано, что претендентам из Цхинвала приходится ставить или отлично, или неуд, поскольку они знают язык либо достаточно хорошо, либо не знают вообще.

В течение двух месяцев я прилежно приезжал в Тбилиси и являлся в институт. С каждым разом такие визиты все более убеждали

меня в своей бесполезности. Единственным светлым воспоминанием от этих поездок было потребление пары стаканов местного лимонада — «вод Лагидзе», овеянных легендами и оставивших многолетнее послевкусие. К этому можно добавить и пару настоящих мясных сосисок (цхинвальцев очень веселило, что сосисочная звучала здесь как «сасасисо», а буфетчик как «месасисе». Прямо какой-то японский триллер). Правда, обратная дорога с тряской в рейсовом автобусе значительно притупляла это гастрономическое удовольствие.

В институте мне некому было помочь в моей работе, и вовсе не по причине вредности или нежелания. Здесь все относились ко мне подчеркнуто уважительно. Но в профессиональном плане это не имело значения. Демографическая наука здесь не дошла даже до зачаточного состояния. Да и мой наставник стал понимать, что время восторгов по поводу моего «сказочного» явления стало проходить и следовало хоть что-то предпринять. У академика уже были две аспирантки, но те хотя бы находились при делах: заваривали чай, сооружали бутерброды, переписывали тексты, носили книги из библиотеки. Они даже ездили вместе с шефом в командировки. Использовать меня в том же ключе было затруднительно. Дело застопорилось…

Но тут мой научный руководитель призвал меня к себе. На столе лежали знаковые шведские плоскогубцы, что свидетельствовало о серьезности разговора. Паата Виссарионович на сей раз сразу приступил к делу. Он прямо сказал, что делать мне здесь больше нечего, а торчать все время только для защиты диссертации — это потеря самого ценного в жизни времени. Здесь, по крайней мере, именитый ученый поступил честно, даже в ущерб своему научному авторитету и в чем-то снижая профессиональную состоятельность самого института. Но тут прежде всего учитывались сугубо мои интересы, о чем по сей день сохранилась признательность.

Предложенное мне решение оказалось весьма неожиданным, что в первый момент вызвало растерянность. Академик сказал, что вовсе не собирается отказываться от меня в качестве аспиранта, но будет лучше для всех, если я найду себе научного руководителя в Москве. Причем институт обязуется своевременно выплачивать мне стипендию (как потом оказалось, она была на 5–10 рублей выше, чем у моих московских коллег, что меня сильно грело). Говоря проще, мне предлагалось юридически пребывать в Тбилиси, а физически — в Москве.

Продолжение следует.

К 100-летию со дня рождения

Нафи ДЖУСОЙТЫ

СТИХИ, НЕ СКАЗАННЫЕ МАТЕРИ

ПЕРЕВОД С ОСЕТИНСКОГО М. СИНЕЛЬНИКОВА, Н. ОРЛОВОЙ

В мой смертный час
Кто мать ко мне позовет?

Из народной песни

1

Солнце рухнуло наземь,
рассыпались звезды-осколки,
В небо немо гляжу,
но беде не поможешь моей.
В эту землю ушло солнце,
путь оборвавшее долгий, —
Мне уж мать не позвать,
и вовек не откликнуться ей.

День мой светлый ушел,
и в кромешной ночи сиротою
Стал седой человек…
Под ногами скользит гололедь…
Люди, как добрести,
как вернуться в жилище пустое,
Как мне вас обходить,
чтоб своею бедой не задеть?

Странно: слезы не мерзнут,
хоть стужа сковала округу,
Женский плач — словно клин
рассекающих высь журавлей.
Отзывается вьюга,
как друг, сострадающий другу,
Да уж мать не позвать,
мне вовек не откликнуться ей…

2

Я плакать не хочу и не могу и причитать
нисколько не умею,
И это горе, словно яд змеиный, терплю в коротких
содроганьях жил.
А за слова, что я произношу, шепчу беззвучно,
мучаясь над нею,
Кто б осудил меня неосторожно — не тот, кто мать
внезапно схоронил.

Бреду сквозь горе так, как снегопадом бредут,
неслышно накрываясь снегом.
Метель следы заносит торопливо. И далеко
до перевала мне.
И странно знать, что люди после смерти
в воспоминанье переходят… Следом
Стремится память, как малыш, бредущий по следу
матери в белесоватой тьме.

3

Есть проклятье у нас:
«Пусть закроется дверь за тобою!»
Вьюга в горестный час
Скрыла след ледяною крупою.

Вот распахнута дверь,
И очаг чуть дымится,
Верю я и теперь:
Ты должна возвратиться…

День прошел второпях,
Ты не вышла навстречу,
Сохнут кадки в сенях,
Приближается вечер.

И порог не мели,
И не верит он снова,
Что в такой ты дали,
Где не слышится зова.

Дом — как высохший рог,
Пуст очаг обветшалый.
Жизнь ушла за порог,
За тобой убежала.

Замер дом-сирота
И молчит бездыханно.
Настежь — дверь… Пустота —
Словно рваная рана.

4

«Великий Боже! Будь для тех опорой,
Кто больше всех отвержен от тебя:
Кто болен и страшится смерти скорой,
И половины жизни не пройдя!

А после к тем спеши прийти на помощь,
Кто осужден неправотой людской:
Дай оправдаться им во всем всего лишь.
И не потом, а в этот день-деньской!

А после тем пошли благословенье,
Кто затерялся на путях, и пусть
Они дойдут до отчего селенья.
И за тебя всем сердцем помолюсь!..»

Так мать молилась часто среди ночи.
Отец — в пути, а в мире — все темней.
И те слова, что памятнее прочих,
Как будто вижу на плите твоей.

5

Нет, не грянули трубы и колокола,
Только вестник с печалью прошел по аулам:
Незаметная горская мать умерла —
И жила незаметно, и тихо уснула!

Но пришли попрощаться по свежим сугробам
И оплакали горе, равно мне близки,

И родной, и чужой. Молчаливо за гробом
Шли и дети, и женщины, и старики.

Сколько ласковых слов и участья на свете!
Доброту ее вспомнили все в эти дни.
Так печально глядели аульские дети,
Словно мать хоронил здесь не я, а они.

6

На кладбище никто не молвил слова,
Пустого красноречия не жаль —
Немые причитанья шли сурово,
Стояла над могилою печаль.

Ведь издавна известно: слово лживо,
Правдивы восклицанья не всегда.
Но эта боль безмолвного надрыва…
Ее немые слезы — не вода.

7

Купала ли детей — орешки в мыльной пене,
Иль рукоять серпа зажата в ней была…
Вот — матери рука… Дрожит кольца свеченье.
О, солодовый дух, дух теста и тепла!

Рука чесала шерсть иль в казанок ныряла,
Рука месила хлеб иль гладила дитя.
Кольцо струило свет… Но вот рука упала,
И серебро кольца застыло, не светя.

Как будто круг луны, кольцо надел смущенно
На палец ей жених… О, память светлых дней!
Потупившись, как тур, сошедший с крутосклона,
В тот незабвенный миг стоял он рядом с ней.

Теперь он сгорблен, хил… Глядит седоволосый
На милое лицо, что стало вдруг мертво.
В обвисшие усы все льются, льются слезы,
И темный снегопад — на сердце у него.

8

Печали все и радости, как в детстве,
Я приносил, взрослея, первой — ей.
Летят года, но никуда не деться —
Все мальчик я для матери моей.

Я в час беды спешил к тебе, как в бурю
Птенец в гнездо стремится во весь дух.
Для матерей все мальчиками будут:
Герой, и вождь, и пахарь, и пастух.

И верю даже, что Христос распятый
В последний час звал мать — сквозь боль и зной.
И Бога не было, а был в тот миг проклятый
Обычный мальчик матери земной.

9

Ее блаженством было жизни чудо —
Не человека только — дивным дивом
Козленок почитался, и коль худо,
То у нее защиту находил он.

Щенка слепого оставляли в чаще —
Она о нем печалилась, бывало:
«Душа живая — он, а не пропащий…»
Под печкою его отогревала.

Не мог птенец проклюнуться, усталый, —
Она ломала дверь темницы белой,
Случайный колос у дороги вянул —
Из пригоршни полить его умела.

А слабых больше всех она любила —
Детей, телят и всходы, из-под спуда
Земли проросшие, — ко всем благоволила —
Ее блаженством было жизни чудо.

10

Я знаю точно: солнце закатилось,
Как саваном, укрыто плотной тьмою,

Но кликну мать, и сразу — так помстилось —
Она в дверях возникнет предо мною.

Как будто вышла соли дать коровам
И возвратится — стоит подождать.
Да вдруг случится заблудиться снова?..
Боюсь окликнуть. Не могу позвать.

11

Как рассказать о простоте и силе?
Порой слова — пустая скорлупа.
Земля и мать нас на руках носили,
Что ж делать, если молодость слепа?

Простыми были речь, лицо, тревоги,
Росла душа открыто, как трава…
И от заботы (от какой из многих?)
Она угасла… Что теперь слова!

Слова, слова, речей пустые звуки…
Мы, сыновья, все глупы, все смешны.
Беречь мы не умеем эти руки,
Что сберегают нас до седины.

Когда под ливнем, под осенней хмурью
Мы, словно колос, гнемся, чуть дыша,
Вдруг вспоминаем: словно бурка в бурю,
Была над нами матери душа.

12

В чаду обид, затмивших свод небесный,
Я возвращаюсь к давней-давней были:
Схватил я руку матери над бездной
И сделал шаг, и страх свой пересилил.

Вот что меня вело всю жизнь, а ныне
Иссякла сила, длится боль разлуки!
Крест деревянный на погосте стынет,
Беспомощно раскинув руки…

Лишь память мне от матери осталась,
Лишь память — с нами…
Вот так от войска остается малость —
Одно лишь знамя.

13

К ТЕНИ МАТЕРИ

Спой же, Нана, мне, спой, —
Войлок дерет мне кожу,
Песня — что пух под щекой,
Горе уснет, быть может.

Тихо слова напой,
В этой ночи горящей
Волк унесет с собой
Плаксу — в глухую чащу.

Спой, чтобы сакли тишь
Стала светлей, чем хоромы,
Спой, чтоб туренок-крепыш,
Спой, чтоб шалун-малыш
Не убежал из дому.

О хромоножке-сверчке
И о притворе-кошке
Спой — чтобы здесь, в уголке,
Радость жила немножко.

Спой же, Нана, мне, спой,
Землю укрыло тьмою,
Может, под голос твой
Горе уснет седое.

Валерий ГАСАНОВ

ЕГО ОБРАЗ В СЕРДЦЕ МОЕМ НАВСЕГДА

ОЧЕРК

Нафи Джусойты и Валерий Гасанов

Нафи — один из вожаков крылатой стаи журавлей кавказской духовной культуры, аланский всадник, воплотивший в себе мудрость веков и отчаянный рывок горцев к достижению высот духовной культуры.

Алим Теппеев, писатель,
доктор филологических наук

Нафи… Когда к человеку обращаются исключительно по имени, неважно, его ли ровесники или те, кто младше по возрасту, это показатель особого почитания и большой любви. Такое отношение к себе снискал всеми нами уважаемый народный писатель Осетии Нафи Джусойты. Всю свою жизнь, несмотря на невзгоды и лишения, посланные ему судьбой, даже под свист пуль он бескорыстно служил своему народу, делился знаниями, работал с молодежью — заботился о начинающих ученых, учителях, писателях и поэтах, поддерживая их и словом и делом. Это был истинный сын Иристона, который любил свой край настоящей сыновней любовью, не на словах, а на деле. Чем бы ни занимался этот выдающийся ученый, просветитель, поэт, переводчик, драматург, писатель, общественный деятель, публицист, литературовед, лектор, он неизменно сеял добро…

Никогда не сотрется из моей памяти день 15 октября 2002 года, когда в Осетии праздновали очередной день рождения Коста Левановича Хетагурова. Как и всегда в этот день, все началось с возложения цветов к могиле великого поэта в пантеоне Осетинской церкви города Владикавказа. В то время я учился в десятом классе школы № 1 имени Ивана Джанаева. Делегацию нашей школы, в составе которой мне посчастливилось быть, возглавляли директор, заслуженный учитель Республики Северная Осетия-Алания Татьяна Гаджинова и преподаватель осетинского языка и литературы Елена Гусова. С приветственными словами к собравшимся, помню, обратился Александр Дзасохов, в те годы президент республики. На важных вехах в жизни и творчестве

Коста Хетагурова остановился Казбек Пагиев, тогдашний мэр Владикавказа, а такие известные поэты, как Музафер Дзасохов, Камал Ходов, Ахсар Кодзати, прочитали стихи собственного сочинения, посвященные Коста Левановичу. Мы, школьники, тоже читали стихи, стихи Коста. Когда уже все закончилось, ко мне подошла Елена Гусова и сказала: «Валера, как было бы хорошо сфотографироваться с Нафи Джусойты. Что скажешь?» Я с радостью согласился. Нафи Григорьевич любезно откликнулся на нашу просьбу, подошел, улыбнулся, со всеми поздоровался, и мы все вместе сфотографировались. Такой была моя первая личная встреча с человеком, который впоследствии меня направлял, помогал в профессиональном становлении и всякий раз радовался моим достижениям.

За год до этой встречи у нас в школе проходила олимпиада по осетинскому языку и литературе, победителем которой я стал. Отвечая на вопросы по литературе, пользовался двухтомным учебным пособием Нафи Джусойты «Ирон литературæйы истори» («История осетинской литературы»).

Помню, как в одиннадцатом классе мы на урок приносили роман Нафи «Фыдæлты туг» («Кровь предков»). Мы зачитывались им, обсуждая и разбирая характеры главных героев — Ака, Бега и Темла. Да и другие персонажи не оставили нас равнодушными, потому что наш учитель осетинского языка Диана Дзагоева помогала нам окунуться в атмосферу происходившего, да так, что к концу урока мы вместе проливали слезы, сопереживая судьбам героев. Этим романом, а еще произведением «Сосо бадзуры…» («Сосо обращается…») Нафи Джусоев увековечил подвиги сынов Осетии.

В 2003 году я поступил на факультет осетинской филологии Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова (СОГУ). Во время учебы мы уже глубже, можно сказать детально, изучали творчество Нафи — его художественные произведения, научные статьи, при этом часто видели его самого в стенах родного факультета, где он преподавал на старших курсах. Когда мы встречались, Нафи с присущей ему скромностью здоровался, и я отвечал, как подобает младшему. Когда Нафи Джусойты приходил на факультет, лица окружающих озарялись улыбками. Он читал лекции студентам старших курсов, и я им, по правде говоря, завидовал, и, когда наконец очередь дошла и до нас, моей радости не было конца. Лекции Нафи Джусойты были настолько интересны, а речь завораживающей, что мы, студенты, частенько

забывали за ним записывать, такое происходило еще и на лекциях академика Магомета Исаева.

На четвертом курсе по дисциплине «Современная осетинская литература» нам выпала честь ближе познакомиться с поэтическими и прозаическими произведениями Нафи Джусойты. А на экзамене по осетинской литературе, отвечая на вопросы по творчеству Нафи, мы с однокурсниками получили высшие баллы.

Наше общение с Нафи стало ближе после того, как он узнал, что его хороший друг, известный поэт, участник Великой Отечественной войны Борис Муртазов приходится мне двоюродным дедушкой (по маминой линии). Об этом родстве ему поведал тогдашний декан факультета осетинской филологии, профессор Шамиль Федорович Джикаев.

В 2005 году в Концертном зале СОГУ в торжественной обстановке праздновали 80-летний юбилей Нафи Джусойты. Поздравить юбиляра от имени студентов факультета выпала честь мне, и в заключение своей поздравительной речи я прочитал стихотворение собственного сочинения, из которого, к сожалению, помню только последние две строчки:

Васойау нын æнус, нæхи Нафи, фæцæр,
Ирон зарæгæй фесæфæнт дæ рынтæ!

(Ты, как Васо, Нафи наш, век живи,
А песня осетинская пусть придает здоровья!)

Как только я закончил свою речь, зал зааплодировал, а Нафи, находившийся на сцене, подошел ко мне и обнял. В тот момент я заметил улыбку на его лице, а в глазах слезы радости. Тем вечером Нафи Джусойты вместе с коллективом под руководством Ольги Джанаевой пел осетинские героические песни, которые зал слушал стоя.

В 2008 году по окончании университета я стал работать в Северо-Осетинской государственной радиокомпании. Встречаясь с Нафи во Владикавказе и в Цхинвале, я замечал, что он всегда мне рад и охотно дает интервью. Записи наших бесед и сейчас бережно хранятся в моем архиве. Но одно интервью с Нафи, взятое в 2012 году, в годовщину со дня трагической гибели нашего дорогого учителя Шамиля Джикаева, до сих пор не дает мне покоя. После вечера памяти, посвященного Шамилю Федоровичу, Нафи Григорьевич находился на факультетской кафедре осетинской литературы. Я заглянул туда. Он попросил меня присесть рядом и стал

расспрашивать о моей жизни, о творческих планах, о том, как идут дела. Рассказав о себе, я обратился к нему с просьбой ответить на мой вопрос. Я спросил: «Вы один из уважаемых старших Осетии, и мне хочется узнать ваше мнение вот о чем: как нам быть, как жить дальше после смерти Шамиля Джикаева? Каким вы видите будущее Осетии?» Нафи Григорьевич некоторое время сидел молча, а после произнес следующее: «Шамиль мечтал о счастье обеих Осетий, об этом он писал. Сегодня нам всем нужно объединить наши труды: выпустить отдельными книгами его поэтические, прозаические, публицистические, драматические произведения, исследовательские статьи. И эту работу необходимо начать сейчас, и проследить надо за тем, чтобы ни одна рукопись Шамиля Джикаева не была утеряна. Другого лекарства нет, мой младший друг. Все нужно делать согласно æгъдау[1]. Но лучшей памятью о нем, своего рода памятником ему является написанное о его жизни и творчестве, книги-посвящения». Мне думается, что эти слова Нафи Джусойты можно воспринимать как завещание.

Через свою сестру Клавдию Григорьевну он передал мне тогда только что изданную им книгу «Васо Абаев. Письма», подписав ее для меня: «Мæ дзæбæх кæстæр, мæ хорз хæлар Барисы кæстæр Валерæ, ныххатыр мын кæн, кæй ницы хæрзты дын бацыдтæн, уый тыххæй. Васо у нæ иумæйаг хистæр, нæ иумæйаг фыдæл, æмæ йын, дæ бон цас у, уый бæрц кад æмæ аргъ кæн. Дæ хорз зæрдиагæй кæй фæнды, уыцы зæронд Нафи. 08.09.2008 // Мой хороший младший друг Валера, внучатый племянник моего доброго друга Бориса, прости, что ничего хорошего для тебя так и не сделал. Васо — наша общая гордость, наше достояние, уважай и цени его. Твой старший друг Нафи, который от всего сердца желает тебе добра». И эти слова тоже звучат как завещание…

Нафи Джусойты очень хотел, чтобы я защитил кандидатскую диссертацию, и обязательно помог бы, возьмись я за нее. Я в этом уверен, потому что он многократно помогал мне в решении самых разных вопросов. Он был удивительным человеком, отзывчивым, невероятно талантливым и в то же время очень скромным. Записанные с ним интервью я трепетно храню в своем архиве.

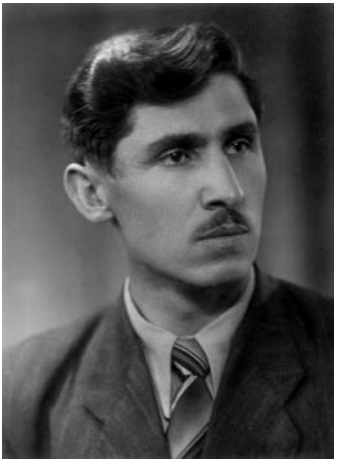
Хорошо помню, как тепло он отзывался о Махарбеке Туганове во время празднования 130-летия художника, а также о Цоцко

[1] Обычай, закон (*осет.*). — *Примеч. ред.*

Амбалове, будучи в его родном Ардоне. В 2012 году я поступил в магистратуру по осетинской литературе в СОГУ. На кафедре лекции по текстологии нам читал Нафи Григорьевич. Несмотря на свой уже почтенный возраст, он с большой охотой проводил занятия. Его лекции я тоже записал на диктофон. Учились мы по учебнику известного текстолога Соломона Рейсера. Нафи Григорьевич на протяжении двух часов, не заглядывая в лекционный материал, давал нам в три раза больше того, что было изложено в учебнике. Сколько же всего интересного мы узнали благодаря ему! Нафи нам рассказывал о своих взаимоотношениях с Васо Абаевым, о том, как убедил академика Лихачева, что плач Ярославны в «Слове о полку Игореве» схож с русскими свадебными причитаниями. Позже Лихачев привел это мнение Нафи Джусойты в своей монографии, которую он посвятил «Слову о полку Игореве». Нафи Григорьевич рассказывал нам также о древнем фольклоре и о его героях. Удивительно, как много он знал. Каждый день своей жизни он посвящал Слову. День и ночь не покладая рук, даже когда свистели пули над головой, Нафи трудился, писал, творил для будущих поколений.

Нафи Джусойты прожил долгую жизнь. Он много работал, много писал, большинство его произведений вошло в сокровищницу осетинской литературы. Он состоялся как личность, как писатель, с честью выполнив возложенную на него миссию. И все же, несмотря на это, я по сей день переживаю его утрату. Мне думается, насколько крепче и увереннее мы бы стояли на ногах, будь живы Нафи — в Южной Осетии, Шамиль — в Северной. Но их с нами нет, и пусть Всевышний даст нам силы достойно пронести память о них.

НАФИ ДЖУСОЙТЫ. ФОТОАЛЬБОМ



Нафи Джусойты

Фотография неизвестной, которая послужила примером при создании образа Темла в романе Н. Джусойты «Кровь предков»

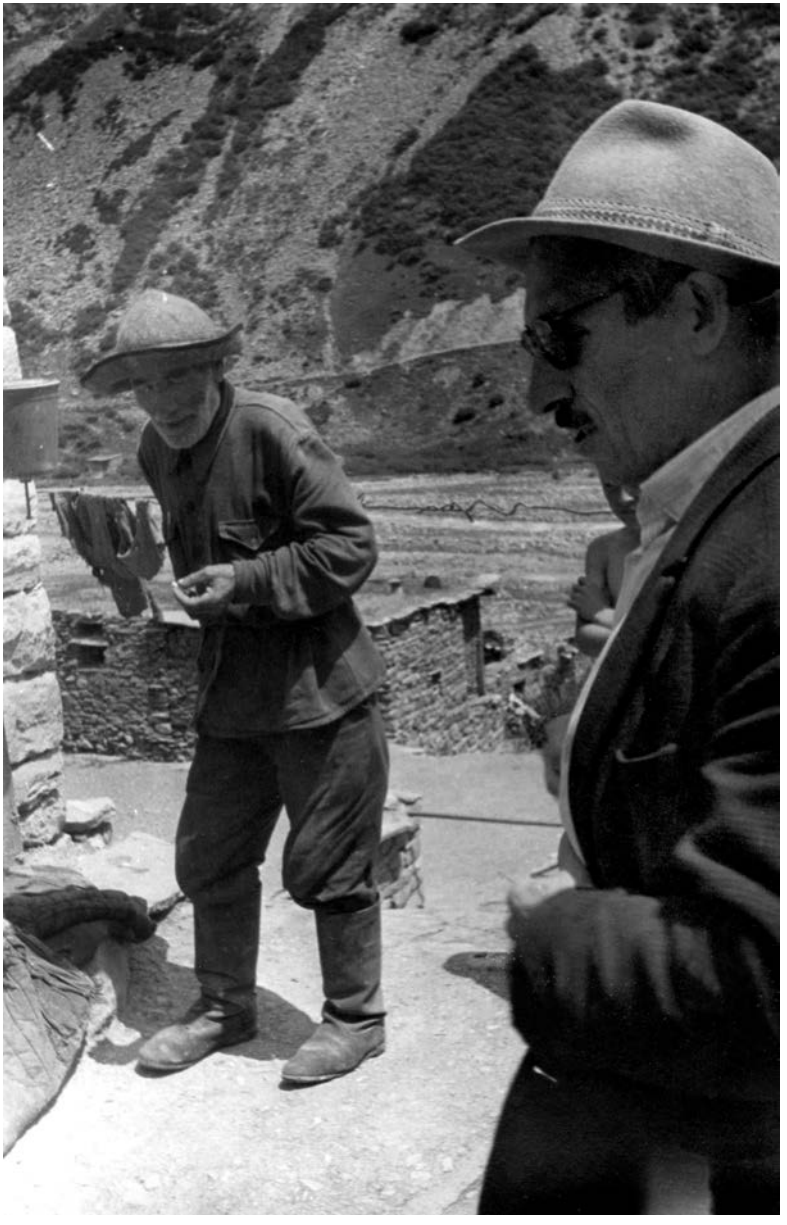
Слева направо: театровед Агудз Бациев, Нафи Джусойты, писатель Грис Плиев

Редакция благодарит Клавдию Джусойты за предоставленные материалы

С коллегами

С Андреем Парастаевым, однокурсником по учебе
в аспирантуре и будущим замминистра
просвещения РСФСР и членом ВАК. 1957 г.

С чеченским прозаиком Абузаром Айдамировым.
Ялта, 1971 г.



С племянником писателя Сека Гадиева (имя неизвестно)

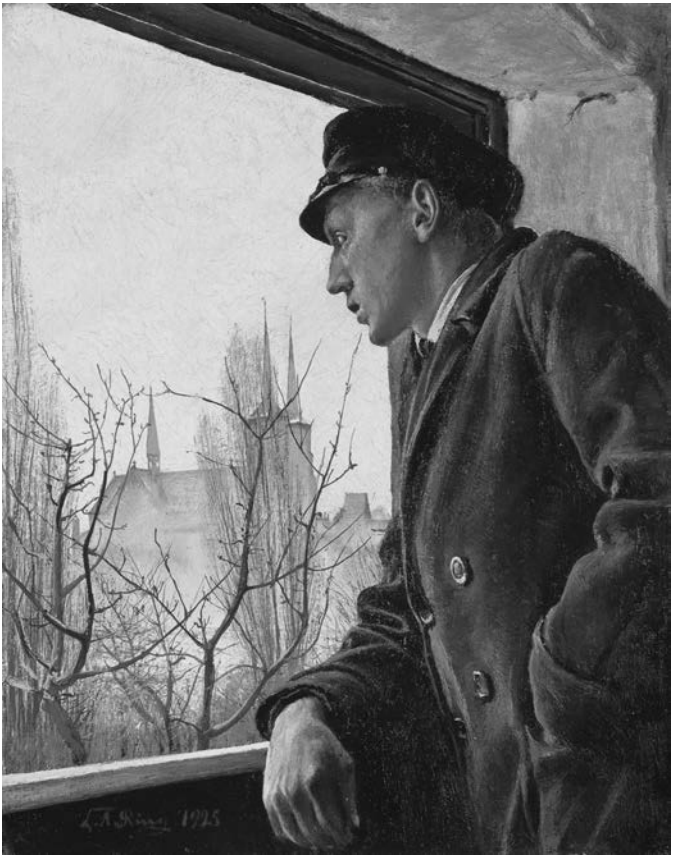
Казань, Татарстан

Интервью берет украинский журналист и поэт Павел Мовчан

В рабочей поездке

ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕРЕВОД А. ЗОЛОЕВА



В оформлении использована картина Л. А. Ринга

Руперт БРУК

БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ

С тобою мы любовь не удержали.
Но видит Бог, мне жаль, что мы пока
Ее такой, как в снах, и не узнали,
Или как в песнях — долгой, как река!

Старик уснет, а женщине дитя
Наполнит дни, опять засеют поле.
Ребенок плакал, но зачем — не вспомнит боле:
Забвенье вновь подарят небеса.

Ночной покой развеют взмах крыла,
Дыхание божественного слова
И стоны сладкозвучной ритурнели.

И радуется чистая душа
Тому, что так величественно, — снова
Смакуя жизнь, как вина Нёшатели.

НАЧАЛО

Когда вернусь, то в мерцании роз
Тебя разыщу я у края земли, —
И плечи увижу душистее роз,
И длинные косы, пушистее ржи.

Богиней тебя назову, и опять
Нас вместе умчат колесницы мечты.
И ты мне простишь, что не смог распознать
Тебя среди трав, ведь изменишься ты!

А я не забыл — и не мог никогда —
Печали и сумерек тех вечеров,
Когда нам одним в целом мире звезда
Светила и что-то шептала без слов.

Мы встанем с тобою над бездной миров,
С любовью я плечи твои обниму,
Красу твою прежнюю молча, без слов,
Но с горечью в сердце своем прокляну:

И губы как вишни, и золото кос,
И синь твоих глаз незабудок светлей.
И сердце сожгу от печалей и слез
В кострах догорающих наших ночей.

Роберт БРАУНИНГ

ДВОЕ В КАМПАНЬЕ

Моя любовь, я рад тому,
Что мы так просто, налегке,
С тобой одни, душа к душе,
Всю эту древнюю страну
Прошли рука в руке.

Но думы прежние ко мне
Нагрянули нежданно, вдруг:
Так издевается паук
Над бедной жертвой в тишине, —
Стихи в заветный круг

Гоню: они — обман,
В них все игра. В укроп
Сбегут они, или в платан,
Или их спрячет древний гроб
В стене, или в туман.

Опустит дымка их в цветок:
Они на ощупь по пыльце
Пойдут, качая лепесток.
Я бы заметил их в траве,
В холмах найти их смог!

Лежат, сверкая предо мной,
Кампаньи древние поля.
В них благодать и тишь, покой
И призрак Рима над рекой
Времен его конца!

Его дворцы в сиянии злата,
Холмы и ранние цветы, —
Неудержимые часы
Бегут: жестокая расплата
Всех поджидает впереди.

С тобой, голубка, на приволье
Мы стали чистыми душой,
Как дети или снег зимой.
Нет, разорвать не в нашей воле
То, что начертано судьбой!

А может быть, любовь, я рано
Хочу, чтоб ты была со мной:
Свободной, гордой и… земной.
Скажи, затянется ли рана?
Не лгу ли я перед судьбой?

Взгляну на этот мир, как ты.
Приму его как дар, как сон.
Забьется сердце в унисон
Мое с твоим. Из рек души
Твоей напьюсь в глуши.

Умру от радости, объятия
Свои раскрой. Пускай щека
Коснется губ твоих, а я
Ловил тепло твое: опять я
Лечу от счастья в облака!

Скажи, зачем всегда далек
Прекрасный миг и должен я
Бежать, как высохший листок,
Гонимый ветром, одинок,
Летящий вдаль кружа?

Где нить, связующая нас?
Не Рок ли снова нас поймал
На старый трюк?.. Сейчас
Опять прочту я то, что знал
Давно в сиянии глаз!

Сидней КИЗ

ВОЮЮЩИЙ ПОЭТ

Я жаждал мира, но обрел
Колючий взгляд.
Я подбирал слова — нашел
В руке стрелу
И навсегда стеной закрыл
Свою страну.

Безумье славлю или боль —
Оставьте смех!
Тайком ли ветер я ловлю
Или при всех —
Мой лик похож на пепел книг и черный прах
На мостовых в огнем спаленных городах.

Чарльз КОУСЛИ

ЛЕВ

Там, за столом, — святой Иероним.
Он что-то пишет — лет, наверно, пять.
Три года я в пещере этой с ним
Живу, а может, и поболее: как знать?

Находят многие, что он весьма строптив,
А вместо языка во рту сто жал.
Но был он все же, знаете, учтив
Со всеми, кто ему здесь докучал.

Я рядом с ним уже не первый год,
Он милосердный, добрый, он — мой Бог!
Когда мне было больно, а народ
Лишь убегал, то он мне и помог!

Занозу вытащил из лапы и лечил
Без устали, присматривал тайком.
Когда исчезла боль, то я решил
Служить ему и когтем и клыком!

…Но день окончен, снова он один
Сидит за книгой, голову склоня:
Сюжет знакомый с детства из картин,
Где вы не сразу видите меня.

Редьярд КИПЛИНГ

ШЕСТЕРКА СЛУГ

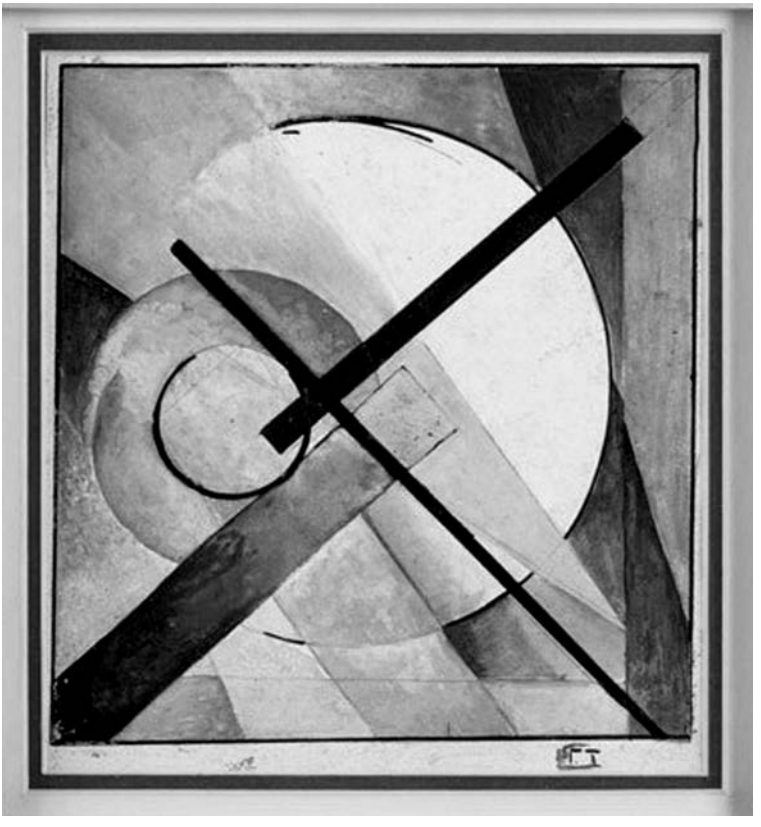
С шестеркой верных слуг, друзья,
Я знаю, что к чему.
Зовут их: Как и Что, Когда,
Кто, Где и Почему!
Я посылал их за моря
На Запад и Восток,
Но отдыхать я им, друзья,
Всегда позволить мог!

Когда восходит солнца круг
К пяти и небеса
Горят, то я с шестеркой слуг
За стол сажусь всегда.
Все люди разные вокруг,
Но есть одна Вдова:
Ей служат миллионы слуг
Без отдыха и сна!

Когда светлеют небеса
И та встает к шести,
То миллионы Где, Когда,
Зачем — уже в пути…

Эльбрус ЦОГОЕВ

ГЕОРГИЙ ТУГАНОВ — ученик В. А. Фаворского



Супрематическая композиция. Художник Г. Туганов. 1920-е гг.

Г. А. Туганов (1902–1941)

Георгий Туганов — художник самобытного таланта, поэт и романтик в гравюре. Он стал художником исключительно благодаря Октябрьской революции.

Это событие стало поворотным пунктом, изменившим всю его судьбу. Революцию он встретил, как и его сверстники, с восторгом и энтузиазмом. В 17 лет Туганов уже заведовал художественно-декоративной мастерской в Рязани. Мастерская исполняла и оформляла революционные праздники и шествия, строила революционные декорации. Дух свободы витал в воздухе и дурманил юношеские головы. В это же время он выполнял линогравюры для газет и периодической печати. На тот момент в Рязани сложился коллектив молодых поэтов и художников: братья Вениамин и Борис Кисины, Наталья Кугушева, Сергей и Николай Спасские, Николай Хориков, Георгий Туганов, Татьяна Шевченко, Петр Мелихов, Николай Боголюбов, Эраст Гарин, Вадим Рындин, Александр Беляков (в будущем знаменитый летчик, член экипажа Валерия Чкалова) и другие. Они с радостью окунулись в мир революции, в мир нового искусства и поэзии.

Еще учась во 2-й Советской школе второй ступени, Георгий начал посещать занятия у известного педагога М. С. Пырина, а потом он продолжил занятия в студии Я. Я. Калиниченко. У Пырина он получил азы художественного образования, а в студии Калиниченко он серьезно занимался рисунком, живописью и композицией.

В июле 1918 года в Рязани открылись Государственные свободные художественные мастерские (РГСХМ), куда и поступил Туганов 1 июля. Вначале он учился у Я. Я. Калиниченко, но позже, с октября 1918 года, ему стал преподавать Михаил Герасимович Кирсанов. Затем он попадает в мастерскую, руководимую Ф. А. Малявиным, одним из самых значительных художников России. Сохранились списки первых учеников РГСХМ. «В протоколах заседания Губнаробраза фигурировали Г. С. Тиходеев, Н. Г. Яковлев, Ф. А. Андреев, Г. А. Туганов, И. В. Орехов и М. А. Твердова» [1]. Георгий, видимо, был также еще и служащим училища. «…Для мастерской Г. М. Полежаева (живописно-технический) в помощники ему назначен Туганов».

В РГСХМ Туганов серьезно занимается рисунком, акварелью, режет линогравюры. В 1920 году он был мобилизован в Красную Армию, после демобилизации откомандирован из 53-го батальона ВНУС в декоративную мастерскую В. В. Мешкова, сына известного передвижника В. Мешкова. Но самые сильные, крепкие знания он получил в Красноармейской студии. «Серьезным фактором художественной жизни Рязани стала возникшая на рубеже 1919–1920 годов студия гарнизонного клуба, возглавляемая Ф. А. Малявиным и М. Г. Кирсановым, в которой сгруппировались бывшие ученики РГСХМ, призванные в Красную Армию, равно как и вольнослушатели из гражданских лиц»[2].

Впоследствии на основе студии Я. Я. Калиниченко, РГСХМ и гарнизонной красноармейской студии организовалось Рязанское художественное училище. Туганов оказался одним из немногих учеников, до конца прошедших полный курс обучения.

По направлению Рязанского Губнаробраза он командируется в Москву на учебу во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), где он одним из первых поступает на графический факультет в мастерскую В. А. Фаворского. В числе поступивших на факультет был его рязанский друг Борис Кисин, а также Андрей Гончаров, впоследствии известный график, профессор, народный художник РСФСР.

Родился Георгий Александрович 7 февраля 1902 года на хуторе Новогеоргиевск, что в двух километрах от города Моздока, ныне Республика Северная Осетия-Алания.

---

[1] Никитин А. О. Судьба утопии: Рязанские государственные свободные художественные мастерские в 1919–1920 гг. // Рязанская старина. 2004–2005. Вып. 2–3. Рязань, 2006. С. 136–215.

[2] Там же.

«На хуторах стали обосновываться осетины из Моздока и новые переселенцы из нагорной Осетии. Всего на двух хуторах поселено было в разное время свыше 20 семейств (Цилаевы, Тугановы, Цаллаговы и др.)»[1].

В 1914 году, когда Георгию было 12 лет, семья переехала в Рязань. Что послужило причиной отъезда, доподлинно неизвестно. Быть может, близость к Москве, возможность дать хорошее образование? В Рязани прошла его юность, там он окончил школу и получил художественное образование. В Рязани он прожил около шести лет.

ВХУТЕМАС, куда поступил Георгий, был учебным заведением нового типа, и только знаменитый германский Баухауз по уровню образования и новых методик мог соперничать с ним.

Система подготовки, методики преподавания, профессура из знаменитых художников и архитекторов — все было новым и интересным. Это была школа универсального дизайнерского профиля.

Вся система учебы на первых двух курсах была построена на принципах ознакомления с понятиями: «объем», «цвет», «пространство» и «графика». Студенты создавали всевозможные пространственные композиции, выявляли закономерности построения элементов композиции.

Сохранилась одна из работ Туганова двадцатых годов — «Супрематическая композиция», которая в данный момент находится в одной из антикварных галерей. Смелое рассечение плоскостей композиции, динамические сдвиги, острота решения, колорит — все в этой маленькой работе восхищает. Здесь молодой Туганов проявил себя как смелый художник-экспериментатор.

На графическом факультете на первых двух курсах читали лекции замечательные ученые и искусствоведы П. Флоренский, А. Эфрос, А. Сидоров, преподавали известные художники В. Фалилеев, П. Павлинов, Л. Бруни, сам Владимир Фаворский на втором курсе читал «Основы композиции», с третьего же курса, когда шла специализация, — «Теорию графики» и «Теорию книги», а также курировал работу в мастерских, в том числе по технике ксилографии.

В мастерской В. А. Фаворского одновременно с Георгием Александровичем учились: А. Гончаров, М. Пиков, Г. Ечеистов, М. Поляков,

[1] Калоев Б. А. Моздокские осетины. М.: Наука, 1995. С. 40.

Л. Мюльгаупт, Я. Телишевский, С. Бигос, А. Кравцов, Н. Фаворский и др. Это были наиболее яркие представители школы Фаворского 30-х годов.

Художник Н. Н. Соколов (Кукрыниксы) вспоминает: «Наш двор ВХУТЕМАСа… был своего рода клубом под открытым небом, сколько разных художников видел он, сколько всяких бурных споров слышал! Спокойный мудрый ректор В. А. Фаворский и темпераментный, "спортивный" студент Саша Дейнека… солидный П. П. Кончаловский, артистичный, встрепанный А. А. Осьмеркин и доверчиво-наивный П. В. Кузнецов… напоминающий мастерового с большими руками В. Е. Татлин и аккуратный, подтянутый, спокойный Д. П. Штеренберг… в гуще спорящих — молодые Юра Пименов, Жорж Нисский, тишайший Саша Лабас, остроумнейший, стремительный профессор Н. Н. Купреянов» [1].

Лекции профессора Фаворского проходили интересно и увлекательно: он показывал репродукции картин знаменитых художников, чертил на доске схемы разных построений композиций; объяснял наглядно разные приемы работы с перспективой, симметрией, тяжестью и массой черного и белого цветов; показывал и объяснял примеры использования вертикали и горизонтали, а также значение диагоналей. И самое главное — он учил проблемам цельности и временного движения в книге и в гравюре.

Туганов хорошо усвоил уроки своего учителя, он понял смысл теории и искусства Фаворского, и эту истину, понятую им как действие, он пронес по всей своей короткой творческой жизни. Ученичество у Фаворского помогало ему совершенствоваться и двигаться по своему пути. С 1927 года, будучи еще студентом ВХУТЕМАСа, он начал участвовать в выставках и иллюстрировать книги.

Одним из учебных приемов Фаворского была работа группы студентов над одной книгой. «Мы вместе затевали книги», — любил говорить Фаворский.

Студенты вместе читали текст, самостоятельно определяли моменты для иллюстрирования и в процессе работы «согласовывали стилистически».

Книги эти издавались государственным издательством и поступали в продажу. Таким образом, студенты начинали делать то,

[1] Соколов Н. Н., Фаворский В. А. Воспоминания о художнике. М.: Книга, 1990. С. 127.

что должно было стать предметом их профессиональной деятельности по окончании ВХУТЕМАСа. В начале 20-х годов совместно с учителем и под его руководством Туганов принимает участие в оформлении книг «Мятеж» Д. Фурманова (1932), «Труженики моря» В. Гюго (1933), «Московский театр Революции» (1933). Одной из интереснейших работ для Туганова явилось участие в коллективном труде — иллюстрировании трехтомника «Мастера искусства об искусстве» (1933–1934).

Гравированные фронтисписы — портреты художников были сделаны разными художниками под руководством В. А. Фаворского. Участвовали А. Гончаров, П. Павлинов, Б. Грозевский, С. Бигос, Г. Ечеистов и др.

Туганов выполнил ряд портретов — К. Менье, Дж. Констебля и др., продемонстрировав понимание эпохи и показав себя знатоком психологического портрета, характера того или иного художника.

Учась на графическом факультете в мастерской В. А. Фаворского, Туганов, несомненно, впитывал философию и теорию учителя. Его глубоко научная и продуманная система преподавания поразила и увлекла молодого художника. Теория Фаворского была нелегка для понимания, задания по композиции и рисунку шли с учетом требований теории, не каждому студенту это давалось. Наглядным примером студенческой работы Туганова является гравюра «Натюрморт», выполненная в бело-черно-золотистом цвете. Очень динамичная композиция, составленная из геометрических предметов в пространстве интерьера. Пропущенный передний план, в центре «некое действие» из структурированных объектов, пересекающиеся диагонали и вертикали через предметы дают динамику и конструкцию, которая работает на образное начало, вся композиция решена цельно и охватывается взглядом слева направо единовременно. Штрихи динамичны, параллельны, не пересекающиеся, в композиции есть борьба и равновесие черного и белого цветов, с дополнением золотистого. Световые потоки динамичны и контрастны. Выполненная в торцевой гравюре, она наглядно показывает стиль и методику преподавания Фаворского.

Одной из первых серьезных работ Туганова были иллюстрации к «Повестям Белкина» А. С. Пушкина, выполненные в технике ксилографии еще в 1928 году. Туганову тогда было двадцать шесть лет, и он был еще студентом ВХУТЕМАСа, но справился блестяще.

Иллюстрация к книге «Рисовый бунт».
Художник Г. Туганов. 1931 г.

К каждой из повестей Белкина он сделал одну гравюру. Все они различаются композиционно и структурно, по насыщенности драматизма, присущего прозе Пушкина. В них есть легкость исполнения, воздушность, серебристость колорита, ритм параллельных штрихов. Игра силуэтов, черных и светлых пятен, ритм и движение персонажей; контраст черных и светлых масс, белый цвет, который лежит густо и плотно, — все это рождает какую-то трепетность листов гравюр. В них есть и романтика, и задушевная лирика. Листы гравюр интересны своей сложностью, развернутостью и глубиной пространственных решений. Ясностью светлого поэтического мироощущения пронизаны композиции Георгия Туганова. Уже в этих ранних работах чувствуется внимательное отношение к тексту, ощущение назначения книги.

Еще будучи студентом ВХУТЕМАСа, Туганов начинает иллюстрировать детские книжки, в которых ярко проявляется его индивидуальность, талант книжного графика. С 1927 года он уже активно сотрудничает с издательствами. В библиотеках России сохранилось несколько его детских книжек, над которыми он часто работает совместно с другими художниками. Это книги Натана Венгерова «Октябрьские песенки» (совместно с А. Петровой и Л. Поповой), Ады Чумаченко «Дом на Солнце», Льва Рубинштейна «Рисовый бунт», книга для дошкольного возраста «Автомобиль» (совместно с О. Дрожиным, А. Кравцовым), а также «Прогулка» Сергея Нельдихена, «В лес» Льва Квитко, «У черного моря», «Книжка-малышка» и др.

Вот что пишет известный литературовед В. В. Кноринг, сравнивая иллюстрации к стихотворению Л. Квитко «В лес» Конашевича и Туганова: «…Напрашивается сравнение с рисунками к этому же стихотворению другого автора — малоизвестного, но талантливого художника Г. А. Туганова (1902–1941). Ему лучше всего удался сам лес: вековые деревья и малые травинки, птицы и букашки. Бабушка Мирл здесь — маленькая, согбенная старушка, а внучек — крошечный, почти игрушечный мальчик. В итоге у Туганова получилась задумчивая, немного таинственная сказка, а у Конашевича — бытовая, хотя и веселая зарисовка»[1].

[1] Кноринг В. В. Интеграция еврейской культуры в российскую: взаимопроникновение и взаимообогащение двух культур на примере детской литературы // Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций. Материалы к конф. X Плехановские чтения. 30 мая — 1 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 104.

В 30-е годы Туганов много и активно работал как иллюстратор, делал станковые композиции в основном в технике ксилографии. Им были выполнены гравюры-иллюстрации к «Истории гражданской войны», «Ленин в рабочем кружке», «У шалаша», «Митинг», «Восстание», «Аврора», «На фронте» и др.

В этот же период им были созданы гравюры к книге «Кубок Орла», заставки и концовки к Байрону (20 штук), иллюстрации к книге «У черного моря», фронтиспис, буквицы, концовки, иллюстрации к книге «По краям и окраинам», заставки, концовки, иллюстрации к «Труженикам моря» В. Гюго, иллюстрации к Гоголю и др. Станковые листы: «События детства», «Отдых в поле», «У окна», «Метро», «Баррикада»; портреты Халтурина, лейтенанта Шмидта, Боголюбова; пейзажи, натюрморты; полосные иллюстрации, форзацы, заставки, концовки, обложки книг.

Работы Георгия Александровича Туганова хранятся в гравюрном кабинете Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (более 106 гравюр), в архиве МОСХа, в г. Ирбите, а также в частных коллекциях.

Туганов активно включился в творческую жизнь, он участник ряда крупных выставок: «Искусство гравюры России в Берлине», «15 лет РККА», «Выставка московской гравюры» и многих других.

Часто бывал в гравюрном кабинете Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. «Приходили запомнившиеся навсегда вместе А. А. Кравцов и Г. А. Туганов, серьезные, умные, с которыми всегда интересно было поговорить. Так оба они и не вернулись с фронта»[1].

В конце 30-х годов резко сокращается общее количество книг, оформленных в технике ксилографии, и падает уровень печатной продукции и художественный уровень их оформления. Начавшаяся с середины 30-х годов борьба с так называемым формализмом самым пагубным образом отразилась на состоянии ксилографии.

Репрессии тридцатых годов, ломавших жизнь вхутемасовцев, особенно выпускников графического факультета, руководимого Фаворским, больно по ним ударили. И поэтому выученики «левой» школы сделали свой выбор в пользу камерного станковизма. Уход в детскую иллюстрацию, театр, монументально-декора-

[1] Холодовская М. З. Воспоминания о художнике. В. А. Фаворский. М.: Книга, 1990. С. 134.

тивное искусство, живопись был своего рода протестом против нарождающегося соцреализма.

Туганов один из тех художников, которые вошли в историю искусства как «забытые художники 30-х годов», по выражению известного искусствоведа А. Морозова. «Эти “забытые” (в расцвете сил) мастера представляют собой чрезвычайно содержательную романтическую альтернативу утопиям социализма. Главное, что несет их пластическая образность, — адекватное ощущение жизненной драмы, личной и всенародной трагедии в стране “победившего социализма”» [1].

Всего около десяти лет с небольшим длилась творческая жизнь Георгия Туганова. В 1941 году он добровольцем ушел в ополчение и в том же году пропал без вести под Ржевом. Вместе с ним геройски погибли на фронтах войны его друзья и товарищи по мастерской В. А. Фаворского: Глеб Орлов, Яков Аптер, Никита Фаворский, Арон Кравцов.

Память о Георгии Александровиче Туганове и его друзьях увековечена на мемориальной доске в выставочном зале Московского Союза художников на Кузнецком мосту, где их имена высечены золотыми буквами.

[1] Морозов А. Сверим часы. Советское время в истории русского искусства // Собрание. 2006. № 2. С. 50.

Татьяна ОСТАЕВА

Аналитическая и экспериментальная пластика Станислава Тавасиева

Скульптор Станислав Тавасиев у памятника Дзаугу Бугулову

Осетинский скульптор, заслуженный художник Российской Федерации Станислав Тавасиев относится к поколению мастеров, формировавшихся в 80–90-е годы прошлого столетия. Этот период отмечен творческим подъемом, разнообразием художественно-стилистических направлений, поисками новых пластических форм с четкой ориентацией на современность и самобытное, личное восприятие мира. В русле таких тенденций развивалось и творчество мастера, который сразу заявил о себе как художник с ярко выраженной индивидуальностью, со своей авторской позицией в искусстве.

Прошло более десяти лет, как не стало Станислава Тавасиева. В 2024 году ему исполнилось бы 65. Он мечтал построить дом, вырастить сад, воплотить в жизнь многочисленные творческие замыслы. Но, к сожалению, успел осуществить лишь немногое из задуманного. В расцвете творческих лет жизнь заслуженного художника Российской Федерации, талантливого скульптора Станислава Тавасиева оборвалась. Но то, что он успел создать, сегодня стало бесценным достоянием национального искусства, классикой осетинской современной скульптуры, определенным вкладом в сокровищницу мировой культуры.

Дигория — родина талантливых скульпторов. Ваятели Тавасиевы — тоже выходцы из Дигории. В Осетии хорошо известно имя народного художника СССР Сосланбека Тавасиева. Можно сказать, что династия скульпторов Тавасиевых продолжилась братьями Станиславом и Русланом. Их отец, ветеран Великой Отечественной войны Тавас Михайлович Тавасиев, тоже был талантливым, самобытным скульптором, который в свое время по приглашению Сосланбека Тавасиева стал его помощником, когда тот создавал конную скульптуру Салавата Юлаева. Долгие годы Тавас Михайлович работал мастером во Владикавказском

художественном училище им. А. Джанаева. Война помешала ему получить профильное образование, но мечту стать скульптором он передал своим сыновьям. Еще школьниками они уехали учиться в Москву, сначала в детской художественной школе, а затем на отделении скульптуры Государственного художественного института им. В. Сурикова.

Станислав был младше Руслана, но считал своим долгом опекать брата. Эта черта — помогать ближнему — была свойственна ему всю жизнь, а доброта, заботливость проявлялись им не только по отношению к родителям, но и к друзьям, коллегам, ко всем, кто нуждался в помощи. Ответственность, самостоятельность, твердость характера сформировались у Станислава еще в ранней юности, когда он занимался самовоспитанием, много читал, добивался поставленных целей.

Учеба давалась Станиславу легко, но он скучал по дому и очень любил дождь, напоминавший об Осетии. Стремление быть причастным к происходящему на малой родине нашло отражение в произведениях ваятеля, который в своем творчестве стремился передать не только присущее ему особое мироощущение, но и национальный характер. И все это при помощи своеобразной стилистики художественного письма. Незаурядность, самобытность творческого почерка Тавасиева были замечены еще в его студенческие годы. Уже тогда некоторые работы Станислава приобрел Республиканский художественный музей им. М. Туганова, и тогда впервые о нем заговорили как о ярко одаренной личности, в творчестве которой ощущались зрелая рука мастера, свободный полет художественной мысли, множество оригинальных идей.

Одну из них Тавасиев хотел воплотить в дипломной работе — монументе «Пьета», посвященном погибшим в Великой Отечественной войне землякам. Основой скульптуры стал собирательный образ матери-осетинки, оплакивающей погибшего на войне сына. Однако серьезность и глубина замысла, смелость и оригинальность художественного решения студенческой работы почему-то вызвали сомнение у руководителя дипломного проекта, который предложил выбрать другую тему. И за короткий срок на одном дыхании Тавасиев создает другую станковую композицию — «Юность», которая стала одной из лучших дипломных работ выпуска и была установлена в фойе института. Спустя годы Станислав все же осуществил свой неутвержденный дипломный проект в горах Осетии. Рядом с церковью в Горной Санибе он установил памятник «Осетинская пьета», который стал

величественным монументом, посвященным погибшим героям Великой Отечественной войны, уроженцам Осетии.

Окончив в 1983 году с отличием институт, С. Тавасиев решает вернуться на малую родину. И это несмотря на то, что его как одного из лучших выпускников института пригласили работать в знаменитую студию имени М. Б. Грекова. Здесь, в Осетии, он сразу заявил о себе как о скульпторе широкого творческого диапазона, неординарно мыслящем тонком и проницательном художнике, мастерски владеющем искусством лепки. Станислав Тавасиев уже в своих ранних работах — рельефах гостиницы «Горянка», мемориальных досках, станковых композициях «Рыболов», «Семейный портрет», «Портрет» и других произведениях — проявил самостоятельность и оригинальность в решении пластических задач, особое эстетическое и художественное стремление к эксперименту, поиску в художественной трактовке образа.

Станислав успешно работал как в станковой, мелкой пластике, так и в монументальной скульптуре. Его творения приобретали ведущие музеи и галереи страны, частные отечественные и зарубежные коллекционеры. В 1987 году он стал членом Союза художников России, и вскоре ему присвоили звание «Заслуженный художник РСО-Алания». Сочетая традиции академического, современного и национального искусства в своих композициях «Горянка», «Сон», «Память», «Листопад», «Плащаница» и других, Тавасиев нашел неповторимую пластику письма, которая отличалась яркой метафоричностью, поэтичностью, символико-философской обобщенностью образа. В своих станковых работах скульптор обращается к разным видам и жанрам (круглая скульптура, рельеф, портрет, натюрморт, сюжетная композиция), материалам (металл, шамот, камень, дерево и др.), техникам исполнения (лепка, чеканка, резьба, выпиловка, выколотка и др.). Работы Станислава Тавасиева отличают тщательность проработки, творческая выдумка, оригинальность трактовки художественного образа, умение широко использовать такие выразительные средства, как иносказательность, символика, ассоциативность и другие. Скульптор всегда стремится создать образ собирательного, обобщающего характера. Например, работая над портретами известных деятелей искусства — народного артиста СССР Н. Саламова и писателя А. Царукаева, автор создает несколько идеализированные образы, стремясь не столько к достоверной иконографии, сколько к выявлению духовной значимости творческой личности.

Парадоксальность — черта многих произведений скульптора, который может сопоставлять несопоставимое: из плоскости

выстраивать объем, обыденное возводить в философскую категорию… Так, на сочетании силуэта и разных плоскостей построена композиция из медной пластины в виде свитка, изображающая фигуру девушки, развернутой в профиль, что создает ощущение объема, почти гротескно выявляет пластику скульптуры. Такое же оригинальное решение и в произведении «Горянка» (алюминий), где за счет объемно-рельефных форм вся композиция воспринимается круглой скульптурой. Женский образ, часто встречающийся в творчестве Тавасиева, является не просто олицетворением красоты, поэзии и молодости, а некой возвышенной мечты, непостижимого идеала, трепетной музы… В «Портрете» (шамот) прекрасный лик девушки воспринимается как отражение высшей гармонии и совершенство духа. Художник не выявляет черт лица, они лишь намечены, и это еще больше придает образу загадочности, напоминает о вечно неразгаданной тайне, имя которой Женщина. Совсем другой женский характер в камерной скульптуре «Пышка», где обнаженная натура — весомая форма и материально плотный объем, но при этом фигура не лишена женственности и трогательного очарования.

Творчеству Тавасиева свойственна совокупность скульптурного и живописного мышления. В некоторых небольших композициях автора очевидна своеобразная перекличка с приемами современной станковой живописи, где объемно-пространственные «картины» предлагают зрителю развернутый пластический сюжет, ограниченный «рамой». Например, в одном случае («Сила жизни») — вещественно-реальной, выполненной в дереве и бронзе, в другом («Портрет») — иллюзорной, когда не видно лица, а изображается лишь накинутый на голову платок. Цвет иногда непосредственно участвует в пластической характеристике модели. В одних случаях он становится органическим элементом формы («Натюрморт»), в других — служит декоративной раскраской, «наложенной» на скульптурный объем («Наполеон»).

В станковой скульптуре Тавасиева привлекают образная метафоричность, ассоциативная атрибутика, сюжетная многоаспектность («Мечта», «Листопад», «Семейный портрет»). Артистически владея конструктивными приемами построения, скульптор использует выразительность классической, традиционной пластики, разнообразит приемы обработки материалов, создающих богатство фактур. Монументально-величественными воспринимаются вазы из шамота, где драпировка из ткани — пластически выразительная деталь, играющая определенную

смысловую роль. Часто пластические эксперименты художника отражают новейшие концепции сюрреализма и фотореализма, переосмысленные в категориях скульптуры. Действительно нечто запредельное кажется в иллюзорно-натуралистическом изображении ладони (медь), к пальцу которой на ниточке подвешены колокольчики. Содержание, апеллирующее к размышлению о фатальности судьбы, рока, предопределенности человеческой жизни, придает произведению оттенок мистицизма. Но даже в серьезном художник усматривает долю иронии и юмора, что ощущается и в этой работе. Тема жизни, ее многогранности проявляется и в мотиве яблока, красочной метафоры, часто встречающейся в работах Тавасиева. Олицетворяя плодородие, животворящую силу природы, яблоко служит и выразительным декоративным элементом. Впечатляет «Композиция» (бронза), где будто сквозь кору земли «пробивается» весомый, объемный плод, напоминающий своей формой то ли яблоко, то ли женскую грудь. В произведении «Память» тема ушедшей и вновь зарождающейся жизни построена на контрастном сопоставлении тяжелого, темного массива камня и упавшего на него светлого, радостного пятна — яблока (красное дерево), словно устремленного ввысь, к солнцу.

Станислав Тавасиев активно участвовал в разных престижных выставках, симпозиумах, конкурсах, выигрывая многие из них. В 2009 году он получил звание «Заслуженный художник Российской Федерации». Масштаб дарования мастера, его творческий потенциал особенно проявились в области монументальной пластики, в этом направлении он активно и плодотворно работал в последнее время, главным образом с 2005 года. В составе группы художников Тавасиев принимал участие в создании памятника «Древо скорби», посвященного трагическим событиям в Беслане. Значительную лепту он внес и в создание во Владикавказе Мемориала Славы в честь победы советского народа над гитлеровской Германией и в память об уроженцах Северной Осетии, погибших в годы Великой Отечественной войны. С 2008 по 2012 год Тавасиевым были созданы произведения, посвященные выдающимся людям Осетии. Среди них памятники поэту А. Царукаеву, мэру г. Владикавказа В. Караеву, гармонистке И. Мистуловой, Герою Советского Союза Х. Мильдзихову; мемориальные доски Героям Советского Союза М. Джанаеву, А. Бондарю, Б. Моргоеву, ученому с мировым именем Х. Черджиеву и другие. Каждая из этих работ отличается оригинальностью композиции, пластической выразительностью, глубиной трактовки образа.

Почти каждое монументальное произведение Станислава Тавасиева становилось художественным явлением в осетинском искусстве. Сочетая традицию с тенденциями современного искусства, он создает образы общечеловеческой значимости и в то же время глубоко национальные по своему характеру и мироощущению. Первой такой знаковой работой для скульптора стала «Осетинская пьета» памяти земляков-воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Образ матери, оплакивающей погибшего на войне сына, тождествен образу самой Богоматери. Теперь, спустя годы, кажется, что именно с ее благословения начался путь Станислава Тавасиева как монументалиста. В скульптурном сооружении «Пьета» автор использует новое художественное решение. К такому пластическому решению он шел многие годы, еще со студенческих лет, когда для дипломной работы выбрал тему всенародной скорби, воплощенной в образе матери. Обращаясь к классической теме «Пьета», он трансформирует образ Богоматери в обобщающий образ матери-осетинки, которая воспринимается в его произведении как символ Родины, оплакивающей своих сыновей.

Таков он, творческий метод Тавасиева, где выбрана «золотая середина» между верностью натуре, образам и классическому античному идеалу. Так возникло решение, интересное по своей архитектонике, композиции, материальной наполненности объема при его лапидарной обобщенности, отвечающей веками сложившимся чертам народного характера. Сюжет монумента прост и величественен в своем драматизме. В руках матери лишь бурка (весть о гибели воина), которую она скорбно прижимает к груди. Чистая, струящаяся пластика линий, тонкая фактура лепки придают возвышенно-элегический характер образу матери. Здесь нет патетики, нет пафоса, напротив, имеет место предельная эмоциональная сдержанность, даже аскетичность. Своей углубленной отрешенностью мать невольно отождествляется с иконописным образом святой. Неслучайно рядом с этим памятником находится древняя церковь Святой Троицы. Вместе они составляют своеобразный духовный центр, до которого можно добраться по специально проложенным дорожкам. Скульптура словно парит в пространстве, и кажется, что в ней соединились земля и небо, чувства земной женщины-матери и божественный дух.

Станислав Тавасиев ушел из жизни в расцвете творческих сил, когда в полной мере начал раскрываться его талант и как монументалиста. Можно сказать, что за последние десять лет жизни им были созданы произведения, ставшие классикой современной

осетинкой пластики. Среди них и памятники выдающимся деятелям культуры, являющиеся неотъемлемой историко-культурной ценностью не только Владикавказа, но и всей Республики Северная Осетия-Алания. Сегодня, проходя по улицам нашей столицы, можно увидеть целую серию замечательных памятников — Евгению Вахтангову, Михаилу Булгакову, Сека Гадиеву, Махарбеку Туганову… Один из монументов посвящен Дзаугу Бугулову, основателю осетинского поселения Дзауджикау, близ которого в 1784 году была основана крепость Владикавказ. Памятник установлен на одной из центральных площадей города, с которой, собственно, и начинается его история. Площадь Штыба, известная главным образом тем, что там расположено здание городской мэрии, теперь совершенно преобразилась, став за короткий срок еще и местом отдыха владикавказцев и гостей столицы.

И действительно, в настоящее время площадь воспринимается как островок из прошлого, маленький заповедник старины, напоминающий о делах давно минувших дней. Здесь выстроен целый архитектурный комплекс с мощной, каменной кладки стеной с бойцовскими башенками и коваными воротами Владикавказской крепости. А неотъемлемой частью, главным акцентом этого ансамбля является памятник Дзаугу Бугулову. Автор изображает горца-осетина в черкеске, который стоит на своеобразном постаменте — природном цельном камне. Художественный образ горца впечатляет величием и благородством. Он стоит в полный рост, спокойный, в несколько величавой позе, опираясь рукой на посох — атрибут путника в дальней дороге. Понятно, что скульптор хотел показать прежде всего мирного поселенца, идущего по земле не с оружием, а с посохом в руке. И в этом заключается глубокий смысл. Посох еще со времен Моисея символизирует дорогу к жизни, к некой обетованной земле, где можно обрести счастье и благо для всего человечества. Здесь все созвучно главной идее — изобразить открывателя, первопроходца, который в то же время является не столько конкретной личностью, сколько олицетворением носителя национального духа, собирательным образом, воплощающим народное самосознание. Памятник решен в традициях современной монументальной пластики. В нем торжественность и скромность, эпичность и некая элегия… Монументальный, величественный и в то же время соразмерный, компактный памятник удачно сочетает в себе строгий академизм и условность, традиционно-национальное и общечеловеческое… Тавасиев сумел не только создать достоверный тип горца, в котором ощущается

некая патриархальность, близость с землей, с природой, но и передать дух времени, колорит той эпохи, глубоко прочувствовать и выразить национальный характер художественного образа. Около памятника всегда много посетителей, детей и взрослых, которые приходят сюда полюбоваться скульптурой, посидеть, отдохнуть рядом с ней. Такое всеобщее признание, отношение людей к памятнику как к некоему близкому, узнаваемому человеку говорит о том, что монументальное произведение Станислава Тавасиева является поистине осетинской скульптурой, в которой выразилась душа народа.

Памятник основоположнику профессионального осетинского изобразительного искусства, народному художнику Осетии Махарбеку Туганову стал еще одним значимым объектом. Созданный в соавторстве со скульптором Олегом Цхурбаевым, бронзовый монумент установлен на ступеньках, ведущих к центральному входу Выставочного зала Союза художников РСО-Алания. И невольно создается ощущение, что сам Туганов, Мастер и Учитель, встречает каждого пришедшего на выставку. Кажется, что он по-прежнему находится в гуще художественной жизни родной Осетии и ни одно значимое событие не обходится без его «личного присутствия». Художественный образ во многом соответствует внешнему облику наделенного гармоничным внутренним миром Махарбека Туганова. При жизни художник запомнился современникам демократичностью взглядов, доброжелательностью, щедростью и открытостью. Великий труженик, он жил и работал для людей, беззаветно служил своей родине и народу. Таким Туганов предстает и в скульптурном изображении. Весь его облик, запечатленный в металле, передает свойственные ему душевную тонкость, скромность и благородство. Он стоит во весь рост в естественной, непринужденной позе, его одухотворенное лицо обращено к людям, взгляд устремлен вдаль, будто мастер пытается проникнуть мысленным взором в будущее. Левая рука с трепетом прижимает к сердцу кисти живописца, и этот жест воспринимается как тонкая метафора, символизирующая верность творческому долгу, любовь к искусству и преданность ему. На лицевой стороне пьедестала рельефное изображение живописной палитры — своеобразного знака-символа, обозначающего принадлежность Махарбека Туганова к высокому миру искусства. Характеристику образа Туганова дополняет еще одна очень выразительная деталь: на самом пьедестале у ног скульптуры сидит маленькая голубка. Ее присутствие придает всей скульптуре некую трогательность. Голубка, символизирую-

щая чистоту, целомудрие, высокую мечту и вдохновение, олицетворяет в то же время и бессмертную душу большого художника и замечательного человека, который всегда будет жить в памяти народа.

Данью светлой памяти о выдающемся русском писателе Михаиле Булгакове стал памятник, созданный Тавасиевым в 2012 году. Он установлен на перекрестке проспекта Мира и улицы Маяковского, где когда-то жил писатель. Известный владикавказский городской театр (ныне Академический русский театр им. Е. Вахтангова), для которого Булгаков писал пьесы в начале своей творческой деятельности, находится совсем рядом, и, конечно, начинающий в ту пору писатель ходил по этим улицам, сидел на скамейках, читал, думал, мечтал. Теперь он, увековеченный в бронзе, как будто остановился на миг, задумавшись о чем-то неведомом, непостижимом. Бронзовый Булгаков во весь рост высится прямо на мостовой, и складывается впечатление, что он и теперь, как когда-то, по-прежнему рядом с нами. «Рукописи не горят!» — так говорил Воланд, один из главных персонажей романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». В этих словах заключен глубокий смысл. Настоящее искусство принадлежит вечности, как, собственно, и бессмертное литературное наследие самого писателя, чьи произведения широко известны. А его знаменитый, некогда запрещенный роман «Мастер и Маргарита» снискал мировую славу, давно стал одним из наиболее любимых и читаемых произведений XX века. Именно его невольно вспоминаешь, глядя на памятник, в котором нашла отражение тематика романа. Загадочный кот Бегемот примостился у ног писателя, олицетворяя все то таинственное и мистическое, что есть в романе и что вообще присуще творчеству Булгакова, наделенного безудержной фантазией, философичностью, стремлением постигать истину во всем сущем, в любом, даже самом простом, обыденном явлении жизни.

Замечательная, самобытная личность, сильный духом и верой правдивый русский писатель изображен величественным, ибо велик его талант, и в то же время перед нами обычный земной человек со своими «за» и «против». Он щеголевато одет, взгляд его, в котором читаются живость, сдержанная пылкость, отрешенность от всего мелочно-житейского, устремлен вдаль. Портрет Булгакова узнаваем, его образ достоверен, реалистичен и вместе с тем имеет условный, обобщающий характер. Автор создает прежде всего образ писателя-романтика, одержимого творчеством, движимого высокими помыслами и вдохновенным полетом души.

Во всем облике Булгакова ощущается экспрессия, внутренняя мощь, духовная сила, глубина и цельность характера. Особый смысл придает скульптуре одна выразительная деталь, которая пластически и эмоционально обогащает скульптурное произведение. Это будто подхваченные ветром рукописные листы, которые веером взметнулись за спиной писателя. Невольно они ассоциируются с распростертыми крыльями, устремленными в высь неба. Прибегая к подобной красочной метафоре, Тавасиев таким образом утверждает мысль о божественном предназначении писателя, его высокой миссии и вдохновенном служении, о величии и бессмертии его произведений. Сегодня памятник Михаилу Булгакову воспринимается как еще одна дань всенародной признательности творческого подвига писателя, как напоминание о том вечном, добром и прекрасном, что дарят нам истинные произведения литературы и искусства, которые оставляют яркий и неугасимый свет в наших сердцах.

Владикавказ — родной город и для всемирно известного режиссера Евгения Вахтангова. Каждый раз, приступая к созданию памятника конкретной личности, Тавасиев тщательно изучал не только биографию, творческое наследие, но и личностные, человеческие качества портретируемого. Сохраняя подлинность, правду образа, скульптор в то же время выходил за рамки просто конкретики, стремясь к широкому художественному обобщению, символической значимости, увековечению высоких человеческих помыслов. Такой подход он выбрал и при работе над памятником великому режиссеру. Евгений Вахтангов в трактовке автора — это не просто элегантный молодой человек, артистичный, изысканный, утонченный. Это прежде всего легендарная личность, чей новаторский подход к творчеству стал явлением в театральном искусстве. Вдохновенное лицо, взгляд, в котором ощущаются сила духа и неиссякаемая энергия незаурядного режиссера, — вот каким предстает перед зрителями Евгений Вахтангов Станислава Тавасиева. А такие атрибуты памятника, как стул, театральная маска, композиционно дополняют смысловую и художественную характеристику образа.

По-своему интересен и памятник Сека Гадиеву, известному осетинскому поэту, прозаику, основоположнику художественной национальной прозы, видному общественному деятелю XIX века. Тавасиев создает достоверный портрет конкретной исторической личности и в то же время собирательный образ гуманиста, национального просветителя, защитника прав трудового народа. Предельная лаконичность пластического решения соответствует

художественному содержанию образа. Выходец из народа, Сека Гадиев сам являлся его неотъемлемой частью, его «трибуной». Демократичность образа жизни писателя, его убеждений автор подчеркивает в строгой простоте облика, лишенного какого-либо пафоса, в статичности позы, сдержанности жестов, скромной одежде. Все внимание сосредоточено на вдохновенном лице, пронзительном взгляде… Фронтальная проекция фигуры писателя, установленной на небольшом постаменте, максимально приближает Сека Гадиева к зрителю, как бы приглашая к общению с тем, чьи произведения, идеи и мысли актуальны и сегодня…

Тяжело заболев и мужественно борясь с недугом, Станислав Тавасиев еще успел создать замечательный бюст Хаджи-Умара Мамсурова и, уже почти ослепший, свое последнее произведение — конную скульптуру «Юность», напоминающую его раннюю дипломную работу. Так, по-своему символично темой молодости начался и завершился творческий путь уникальной человеческой личности, большого художника, талантливое и неувядаемое творчество которого является поистине национальной классикой, высоким искусством, бесценным достоянием современной осетинской скульптуры…

В обыденной жизни Станислава Тавасиева все звали просто Славиком. Он был прост в общении. Друзья и коллеги любили и ценили его за щедрость души, ум, чувство юмора. Будучи глубоко верующим, Станислав был убежден в высоком предназначении человека и его ответственности за происходящее вокруг. Сам он старался не отступать от своих жизненных принципов. Мировоззрение мастера, разумеется, нашло отражение и в его творчестве. Свободолюбивый, гордый и независимый нрав, светлая душа Станислава Тавасиева, кажется, и сейчас продолжают жить в работах скульптора, ставших теперь своеобразным памятником ему самому.

СТАНИСЛАВ ТАВАСИЕВ

ДАРЬЯЛ

СКУЛЬПТУРА
1’ 2025

Станислав ТАВАСИЕВ

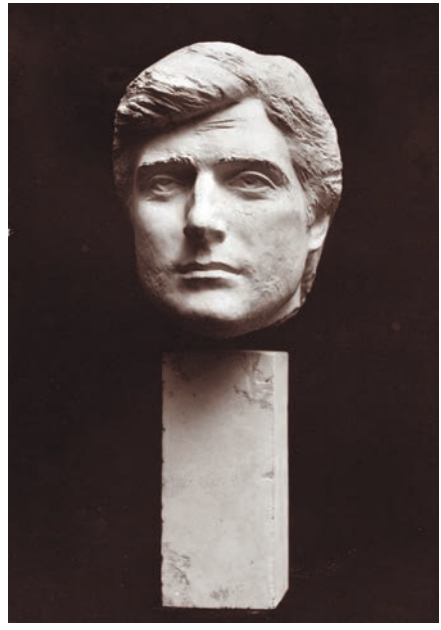
Осетинская пьета. Памятник павшим воинам в с. Горная Саниба

Хаджи-Умар Мамсуров

Хаджимурза Мильдзихов

Дзауг Бугулов (фрагмент)

Мужской портрет



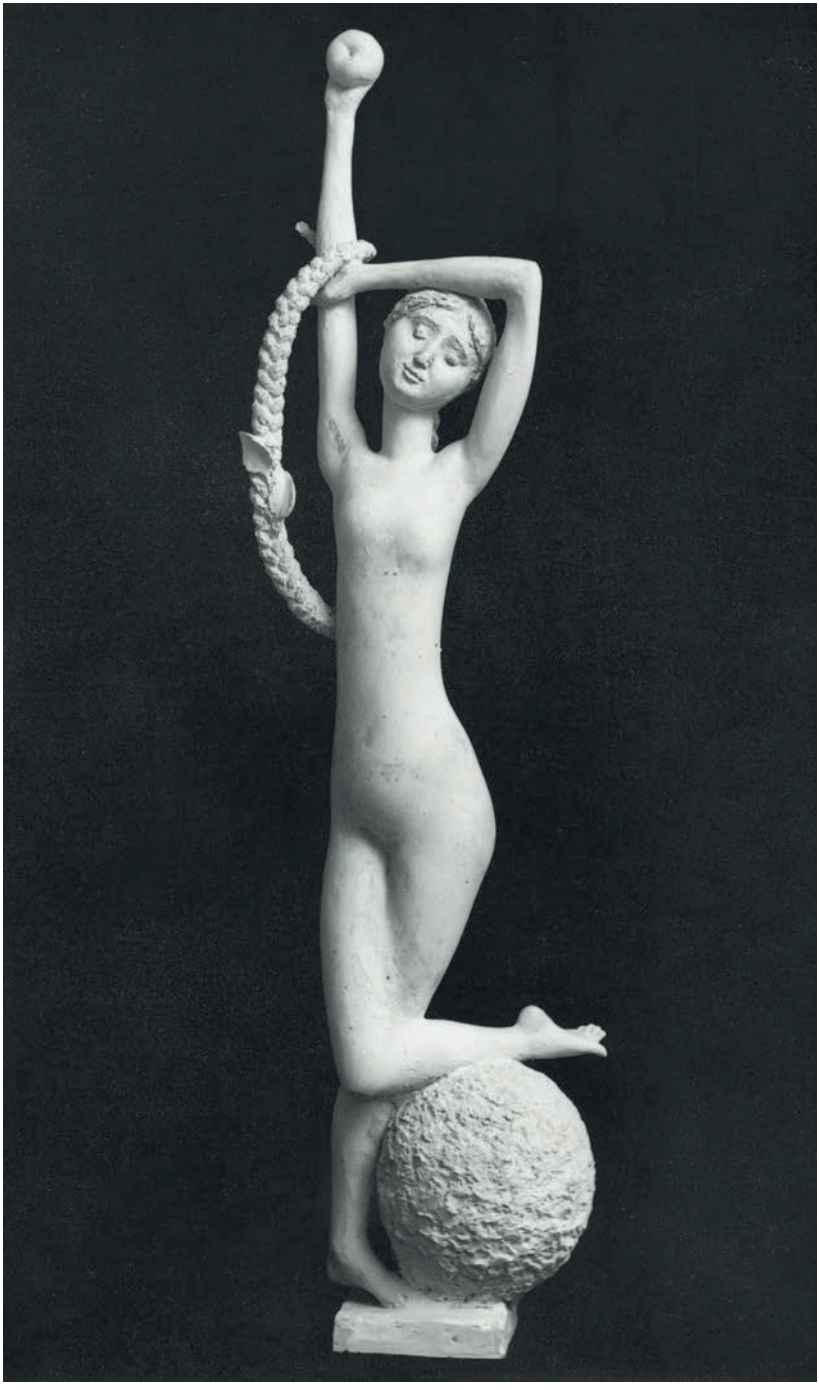
Махарбек Туганов

Михаил Булгаков

Горянка

Пастух

В саду



Торс

Без названия

Адам и Ева

Хамелеон

Портрет

Полет

Утро

Весна

Осень

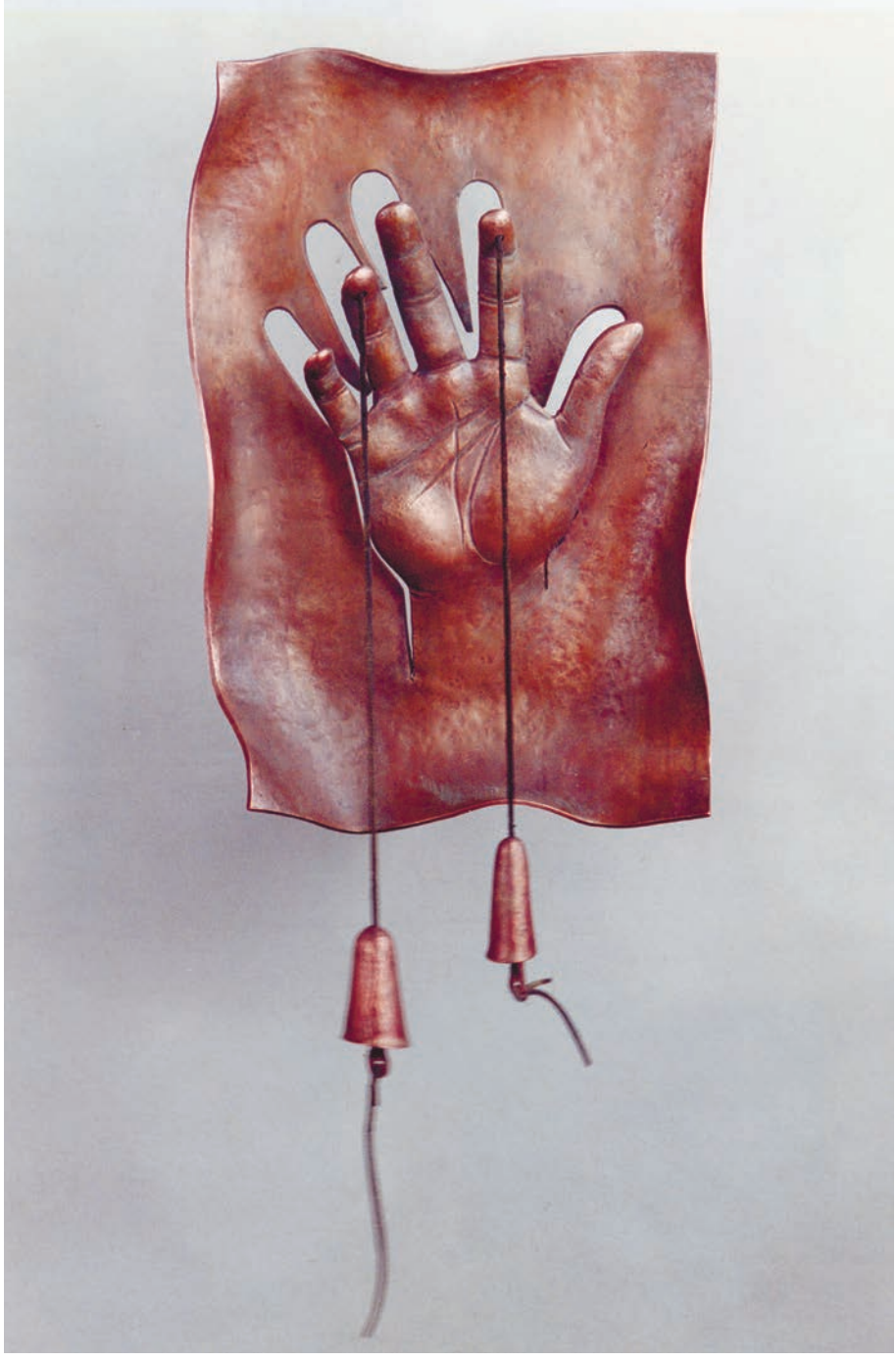
Листопад

Портрет

Горец

Память

Судьба



27 февраля

27-е уж! Февраль ушел. Уходит —
Неважно — високосный или нет…
Проблема дров теперь на задний план отходит,
А кроме холода как будто нет и бед.
Как будто об руку со стужей и пургою
Часть жизни нашей, смертной, не ушла
И не оплачено ценою дорогою
Весны пришествие, и света, и тепла.
Ну, выходи же, слышишь, солнце, на дорогу,
Одно на всех! А мы к тебе шагнем.
И, согреваясь, как встарь, восславим Бога.
Нам хорошо всегда побыть вот так, втроем,
Чтоб захотелось вдруг затей, веселья, вздора.
И повод есть: рождение Нафи.
Оно пришлось сейчас как кстати, так и впору.
Пойди причину благодатнее найди.

Зара Абаева

Тамерлан ГАДЖИЕВ

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

РАССКАЗ

В мечети стоял запах мужского пота. Над входом в молельную табличка: «Братья, не трогайте чужих башмаков». Как всегда, на Джума-намаз собралась толпа: разнорабочие, курьеры, таксисты, бородатые кавказцы с блестящими часами. Были и чернокожие, которые встречались Елжану только в мечети и нигде больше. Кем они работают? Надо спросить.

Проповедь была посвящена фатализму в исламе.

— Возьмем слово «судьба», — говорил имам. — На языке, на котором написана книга, оно звучит как «манайа». «Манайа» в арабском имеет два значения: судьба и гибель. Для мусульман эти два понятия идут рука об руку, на все воля Аллаха — милостивого и милосердного.

— Получается, мы не распоряжаемся своей судьбой? — спросил сидевший напротив Елжана человек без определенного возраста.

Седой, мускулистый, маленького роста, он был одет в широкие серые брюки и худи с ничего не значащей надписью. Его пронзительные глаза изучали имама, отчего тот нервно расстегивал и вновь застегивал верхнюю пуговицу своей рубашки без воротника. Имам не привык отвечать на вопросы прихожан. Но спустя полторы минуты он все же сказал:

— Если ты не грешил, если соблюдал все предписанные шариатом законы, то ты можешь рассчитывать на милость Всевышнего и при жизни. Добившись чего-то, помни об этой милости и благодари Аллаха. Мусульманин никогда не должен просить, он может только благодарить.

Елжану было за что благодарить. Он был счастлив, у него имелась работа, ему есть где жить. В отличие от двоюродного брата, ему не грозила депортация. Он зарабатывал достаточно, чтобы откладывать и отправлять семье. Он мечтал вернуться на родину и открыть собственный ресторан.

А еще он был влюблен.

Складской комплекс «Медный всадник» получил название от располагавшегося во дворе фонтанчика с копией знаменитого памятника. Местного Петра вылепили из бетона и покрыли желтой краской. Вокруг фонтана валялись зиплоки насвая. Время от времени в них рылись дворники.

Елжан прошел в помещение, которое одновременно служило КПП, чайханой и гардеробной. В местном ларьке можно было купить лепешки, самсу и чай. Здесь работала Алия. Елжан каждый раз перечитывал ее имя на бейджике.

Благодаря чужим подкатам Елжан узнал, что Алия тоже узбечка и тоже из Таджикистана. Что в Россию она переехала совсем недавно и живет в общежитии при складском комплексе. Еще он узнал, что Алия сочиняет стихи. Это придавало его влюбленности возвышенность.

Елжана забавляло, как остроумно Алия умела отшивать. В отличие от работавшей с ней Фатимы, она старалась никому не хамить. Одной ее фразы было достаточно, чтобы подкатывающий к ней почувствовал себя обезоруженным и глупым, как охранник торгового центра. Лишь однажды на памяти Елжана она позволила себе дерзость. Водитель тары, беря из ее рук чай, пошутил:

— Дорогуша, зачем ты погладила мою ладонь?

— Не беспокойся, я все равно собиралась помыть руки.

Елжан захотел еще чаю. Очередь двигалась медленно. Чтобы убить время, Елжан включил онлайн-симулятор автогонок. Это была его пятидесятая гонка. В случае победы он получит промокод на скидку 10 % в сети фастфуда — спонсора игры. Он как раз вырвался на первое место и заходил на предпоследний поворот, когда…

— Привет, — сказала Алия. — Снова ты.

— Снова я, — Елжан машинально нажал на кнопку блокировки экрана.

— Можешь не говорить. Ты всегда берешь одно и то же. «Жасмин», верно? Сколько тут работаю — ни разу не пробовала. Вкусно, наверное.

— Наверное, — промямлил Елжан.

— Она поговорить хочет, придурок, — шепнул ему на ухо стоявший позади курьер.

— Слушай, кхм, — начал Елжан, — я тут знаю одну чайную, там наливают очень хороший «Жасмин».

— Типа как чайхана?

— Нет-нет-нет. Чайная. Это такое китайское заведение. Туда все ходят.

— Китайский ресторан?

— О, Аллах, нет же. Просто такое место, где пьют китайский чай.

Елжан уже возненавидел себя за внезапно проявленную смелость. Полгода молчал — и вдруг решил заговорить. Мог бы еще помолчать. Кто за язык дергал…

— А знаешь, я бы сходила. Звучит любопытно.

— Супер. Отлично.

Елжан попятился в свой любимый уголок.

— Погоди, — остановила его Алия. — Мы же не договорились когда.

Снегопад. Город задыхался от пробок. В рабочем чате писали, что снегоуборочная машина задавила курьера. Просили быть аккуратней.

Несмотря на непогоду, Елжан находился в приподнятом настроении. Немногочисленные заказы располагались недалеко друг от друга. Большинство горожан разъехались, в городе остались только туристы и эмигранты.

Елжан любил Петербург за его инаковость. Среди его заказчиков были студенты, ютящиеся вдесятером в просторных квартирах с высокими потолками. Художники, поэты, музыканты. Их квартиры пахли кошачьим кормом. Жили они в полумраке, предпочитая старинным изящным люстрам фонарные столбы, свет которых проникал в комнаты из широких окон.

Елжан попадал в коммуналки, подъезды которых были окутаны паутиной кабелей и проводов. Нажав не на тот звонок, можно было встрять в неприятность. Об этом предупредили в первый рабочий день. Рассказывали, как один курьер вошел не в ту дверь и исчез на три дня. Спустя неделю его посиневший голый труп нашел в Мойке антиквар-ныряльщик. Эту историю передавали из уст в уста, а в конце добавляли: «Шовинисты! Потому и убили!»

Центр каждого российского города прекрасен по-своему. Все спальники одинаково несчастны. У «Красного и Белого» толпились алкаши. Самому хриплому поручили клянчить у прохожих деньги и сигареты. На противоположной улице находился ресторан «Айва» с бесплатной парковкой, набитой такси. У ресторана была собственная шаурмечная, к которой каждый вечер выстраивалась очередь. Стоявший перед Елжаном кругловатый киргиз в красной шапке с помпончиком и кожаном пуховике брезгливо оборачивался в сторону алкашей и громко, чтобы все слышали, причитал:

— Вот у нас бы давно всех в обезьянники рассадили. И магазин бы оштрафовали. Устроили тут бродячий дом. А ментам пофиг вообще!

— Менты заняты. По складам ходят, людей пугают. Вот у меня знакомый на стройке работает. Каждую неделю проверка, месяц этаж поднять не могут.

Тут подошел хриплый алкаш.

— Мужики, на пузырь дадите, а?

— Нету.

— А курево будет?

— Не курим.

— С хера ли понаехали тогда? — расстроился алкоголик. — Приперлись, блин, без бабла и папирос.

Двоюродный брат Елжана жил в Екатеринбурге в точно таком же панельном доме. Почти каждый день они созванивались по видео.

— Представляешь, Ёбург такой маленький, что у меня появилась постоянная клиентка. Заказывает краски, кисточки, баллончики. Чтобы стену рисовать. Я думал, у нее ремонт. А она так депрессию лечит. Художница, говорит. Представляешь?

— Еще как, — ответил Елжан. — Тут таких как собак нерезаных.

— Ладно, давай показывай, во что ты там вырядился.

Елжан принялся позировать на камеру. Брат обозвал его щеглом и щеголем.

— Главное — не забудь цветы! Только не гвоздики. Знаю, они самые дешевые. Но это потому что люди умирают чаще, чем влюбляются. Розы, бери розы!

Елжан взял красные, обернутые в красную ленту. Он видел такой же букет в тиктоке одной известной узбекской певицы. Хотя продавщица уговаривала купить розовые.

— Я здесь неподалеку работаю. В «Медном всаднике».

— В «Медном всаднике»… — пробормотал полицейский. Затем достал блокнот и принялся что-то лихорадочно записывать.

— Начальник, а в чем проблема?

— Подожгли твоего всадника, вот в чем проблема.

— То есть как это подожгли…

И только тогда Елжан обратил внимание на багряное небо на той стороне, где располагался склад. Не дождавшись, когда полицейский вернет ему документы, Елжан помчался к «Медному всаднику». Обогнув жилой дом, он увидел над складским комплексом карабкающееся вверх пламя пожара.

Он побежал быстрей. Мигалки машин скорой помощи, пожарников и полиции освещали лица бежавших навстречу. Что-то взрывалось. Кричали, молились, просили о помощи. Выли сирены, орали громкоговорители. В мечети проповедник пугал прихожан адом, но никогда его не описывал. Быть может, он сам не понимал, о чем говорил. А Елжан понял. Он больше не нуждался в проповедях. Он оказался в аду. И в голове крутился лишь один вопрос: «За что?»

Елжан перепрыгнул ограждение. Стоявший неподалеку спасатель поначалу опешил, а затем резко помчался за Елжаном. Но вдруг поскользнулся и, как было отмечено в рапорте, разбил копчик.

Елжан забежал на третий этаж, где располагалось женское общежитие. Навстречу неслись обитатели — кто с детьми, кто с сумками. Какая-то голая старуха спасалась от огня, прикрывая срам тазиком.

Здание начало рушиться. Это происходило одновременно с тем, как к нему стали подкрадываться щупальца пожарных лестниц.

Он узнал ее по валявшемуся неподалеку бейджику. Рука Алии выглядывала из-под обломков. Елжан упал на колени и подполз к ней. Только тогда он заметил, что по-прежнему сжимает в руках купленный для нее букет. Он попытался сдвинуть обломки — безуспешно. Сколько ни старался, а тяжеленный и горячий кусок бетона никак не хотел сдвинуться с места. Он огляделся в поисках

какой-нибудь опоры, схватился за валявшийся неподалеку кусок арматуры, но обжег руки. Крик от боли перешел в вой. Елжан вновь упал на колени. Положил букет на обломки, словно на могилу. Взял руку Алии и зарыдал. У него потемнело в глазах. Он слышал крики о помощи и вой сирен. Сирены напоминали ему крики чаек на берегу Финского залива. Казалось, он лежит на гальке под палящим солнцем. Со стороны залива поддувал приятный холодный морской ветерок.

Вдруг его кто-то схватил и выбросил. Хороший бросок, прилично лететь. Он упал на что-то мягкое, вроде батут. Уши горели. Хлестал дождь. Или снег. Ему было тяжело разобрать. Он облизывал губы, его мучила жажда. Кто-то набросил ему на рот кислородную маску, и он стал приходить в себя. Почуял, как стали замерзать волосы в ноздрях. Почуял зыбкость сугроба, на который его уложили. Елжан открыл глаза.

— Живой?

— Манайа, — прошептал Елжан. — Манайа…

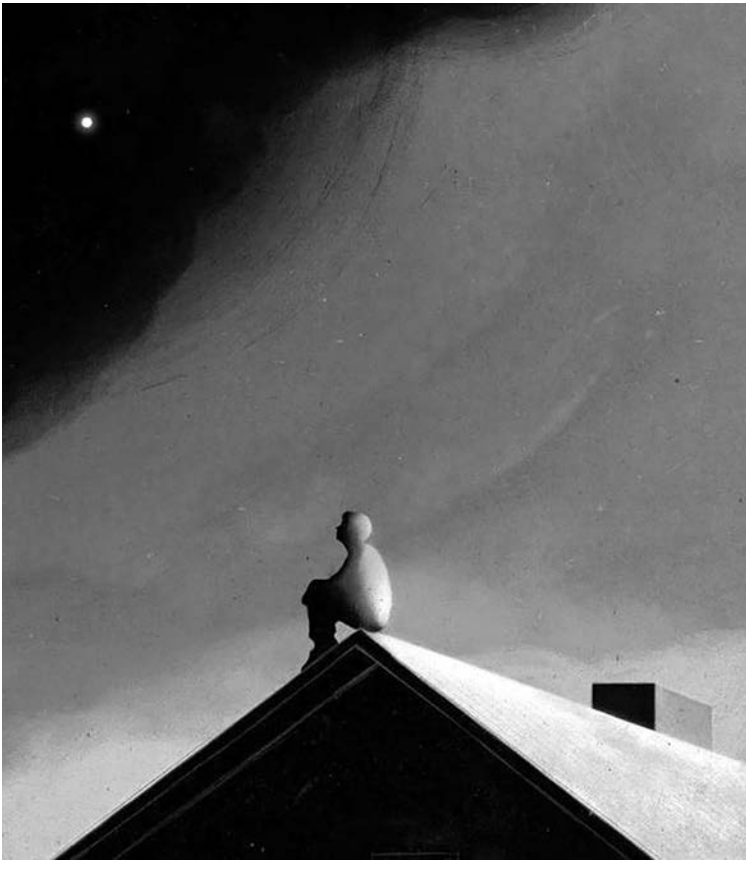
— К тебе сейчас подойдут, им все расскажешь. И как зовут, и про самочувствие.

Убедившись, что Елжан в порядке, спасатель помчался обратно в здание. Обессилевший Елжан продолжал лежать. Он поднял глаза и увидел над собой медного всадника. Суровое лицо царя освещало пламя пожара.

Александр КРАМЕР

В ПРИСУТСТВИИ ЧЕРНОГО ЦВЕТА

СТИХИ



В оформлении использована картина О. Гента

Февраль.
Ни строчки за февраль.
Зима бесснежная, сухая
Мела мучительную пыль,
Глаза и губы обжигая,
И поутру заиндевев,
Приукрашала чернь дерев.

Ни строчки.
Мертвые крыла
По черной пыли волочились,
Копыт бессильные следы
Всесильной пылью заносились.
Февраль.
Чужое воронье
Над голым кладбищем кружило
И вдохновением служило
Насквозь промерзшее былье.

* * *

Вчера еще снег скрипел — пел,
Был светел, высок, пушист…
А сегодня осип, почернел, осел,
Прошлогодний открылся лист.

Но поскольку в природе ничто без следа
Не исчезает вовек,

Стала душа высока и светла,
Как только что выпавший снег.

Небо было похоже
На замерзшую речку.
Это было так странно:
Замерзшая речка — в июле…

И подумал я:
Может,
Это боль накопилась в пространстве
Тех, чьи души зима
Уже посетила,
И природа
На себя приняла милосердно
Толи́ку их боли душевной.

* * *

1

Позвольте о вас написать.
Я буду стараться.
Ей-богу.
С чего только, право, начать?
Дорога.
Конечно, дорога.
Унылое время весны,
Еще наступающей только.
Кусты и деревья черны;
Зимы исчезающей
Тонкий,
Болезненный аромат
Клонит настроенье к минору…
И в эту минорную пору
Вторгаетесь вы,
И весна
Кладет зеркала вам под ноги.
И вот все на свете дороги
Улыбкою вашей полны.

Все смутно,
Все зыбко кругом…
Душа замерла, ожидает…
И ваша улыбка мерцает
Прохладным весенним огнем.

2

Я вас искал
На давнем пустыре
Среди старья
И пыльного бурьяна,
В той окаянной части бытия,
Где каждый миг
Затянут, точно рана,
Непрочной корочкой самообмана.

Я знал, что вас здесь не было
И нет,
Но больше было негде вас искать,
И я хотел найти хотя бы след
Того, что вы
Могли здесь побывать.

3

Я снова вас нашел!
И пусть вы далеко,
Вам можно письма слать,
И ждать на них ответа,
И между строк
Пытаться прочитать
О том, скорей всего,
Чего в помине нету.

Я снова вас нашел.
Таинственный огонь
Уже вдали горит,
Дразня воображенье,
И жгущее, как магма, искушенье
Уже ночами душу бередит.

* * *

1

Начинается снегопад —
Гуси-лебеди полетели.
Затерялся огонь мой в метели —
Ты меня не воротишь назад.
. . . . . .

И пространствовав тысячу лет,
И вернувшись к исходу,
Я застал все тот же рассвет
И все ту же погоду.

2

Какой безумный снегопад!
Какая прелесть.
Как будто лебеди летят,
В весне уверясь.

И сбросив зимнюю тоску,
Мчусь наудачу
Сквозь лебединую пургу —
И чуть не плачу.

* * *

И заведу себе я огород,
И буду собирать жуков на грядках,
И с сорною травой
Бороться кропотливо…
Жизнь будет гладкой
И почти счастливой;
А осенью
Плоды моих трудов
Украсят стол —
И будет пир горой,
И времени минувшего изгой,
Я постараюсь свыкнуться с судьбой,
Текущей мирно в межах огорода —

Из года в год…
До самого исхода?

* * *

Примерьте осень:
Осень всем к лицу…
И не печальтесь,
Что любовь, как птица,
Затеяла осенний перелет
В края, где ей
Не суждено гнездиться
И выводить птенцов…

В конце концов,
Кто может помешать нам насладиться
Печалью тихой,
Как огонь вдали,
Ведущей караван
Кочующей любви!..

* * *

В присутствии черного цвета —
Цветные рождаются мысли,
В присутствии черного цвета —
Цветные вершатся дела,
В присутствии черного цвета —
Мы родились и выжили
В мире, где слово «рукопись»
Синоним слова «зола».

Александр РЫБИН

ФАНТОМНАЯ БОЛЬ

РАССКАЗ

Служащая вооруженных сил Рожавы. Фото Б. Дэниель-Лоран

Мне надо было перебраться от одних курдов к другим. От иракских к сирийским. Через великую реку человеческих цивилизаций — Тигр. Поэтому вторую неделю я жил у знакомой француженки в городе Сулеймания на севере Ирака. Француженка преподавала в местном лицее. Лицей снимал для нее целый этаж в трехэтажном особняке.

Сули (так кратко называют Сулейманию местные) считается культурной столицей всего Ирака, иракский Петербург. Основная масса населения — курды, говорящие на диалекте сорани. Очередной вечер. Француженка-преподавательница потащила меня на тусовку, где «будет готовиться рыба в лучших традициях шумеров и Багдада». Сложно отказать, когда твои финансовые возможности позволяют обычно съесть «что-нибудь самое дешевое». Мы приехали на виллу где-то в узких улицах недалеко от центра города. На Ближнем Востоке самый большой разгул обычно творится за закрытыми дверями, когда вокруг надежные люди или кто-то типа надежных людей, которые отчетливо понимают, что позволительно впоследствии рассказывать другим людям, а что — нет.

Такси высадило меня и француженку перед глухой каменной стеной, в которую были вмурованы крепкие металлические ворота. Моя приятельница постучала в ворота ногой. Сначала через металл по-курдски спросили: «Кто пришел?» После ответа на диалекте сорани загромыхали запоры.

На вилле выпивали полтора десятка чернявых парней и две девушки, обе из Европы — как позже выяснилось, венгерка и курдянка из Германии. Перед входом на виллу раскладывал костер в

высокой круглой клумбе мужчина в нетипичном для местных наряде — рубашке и брюках очень ярких оттенков, местные предпочитали черные и коричневые цвета. «Привет, я — Александр, русский», — представился я. «Фарадж. Из Багдада. Араб. Тут — беженец», — уверенно по-английски представился «нетипичный». Затем я обошел всех остальных, сидевших на диванах в гостиной виллы. Немецкая курдянка была уже порядком пьяна и хлопала по плечу или по ноге то одного, то другого из парней. Им явно нравилось.

Фарадж готовил мазгуф — старинное иракское блюдо из выловленной в Тигре рыбы, конкретно из карпа. Это было в тот момент интереснее для меня, чем межполовые игрища, развивавшиеся в гостиной. Мы разговорились. Фарадж рассказал свою историю: дизайнер по образованию, вокруг богатый и бодрый город Багдад, где жизнь кипела, хотя и укрытая ночной тьмой и стенами дружественных вилл («с телками проблем не было, посигналил из крутой тачки, и она сразу же прыгнула в салон»), состоятельная семья, потом американское вторжение, война, радикалы взрывались на заминированных автомобилях на улицах, где даже не было американских солдат. Тут он прервал рассказ и прикрикнул на развалившихся по диванам ребят по-арабски; некоторые засуетились, вышли во двор и принялись ломать деревянные ящики на дрова. «Мои родители настояли, чтобы я перебрался в Сулейманию, потому что здесь гораздо спокойнее, а я единственный ребенок, — продолжил свой рассказ Фарадж. — Остался единственным: младший брат и сестра погибли. Попали под американскую бомбардировку, когда ездили к родственникам в провинцию. В Сули очень безопасно. Но найти работу по профилю сложно. Много образованных ребят с интересным опытом, полученным за границей». Основным заработком для него стала работа поваром в ресторане. «Мы будем готовить мазгуф из этого, — Фарадж ткнул пальцем в бок рыбы. — Слышал про такое блюдо? О-о-о (поднял сжатую в щепоть правую руку перед моим лицом), этому способу приготовления карпа тысячи лет. Шумеры, которые основали первые государства в Месопотамии, ели мазгуф. Речную рыбу они почитали выше, чем морскую. Считали, что она умнее и хитрее, потому что должна плавать по узким рекам, а не по бескрайнему морю». Он взрезал карпа и развернул его, как сложенный вдвое лист. Обмакнул пальцы в вазочку с залитой оливковым маслом смесью специй и соли и смазал рыбу. Затем проткнул ее тело поперек двумя металлическими

длинными штырями и поставил возле огня — внутренней стороной к огню. Выхватил из контейнера следующего брыкающегося карпа. Ударил рыбу головой об стену, она обмякла. Положил на доску для разделки.

Спустя час Фарадж выдернул штыри с рыбой. Пять больших рыб при четырех тарелках гарнира и трех соусницах живописно разместились на трех серебряных подносах. Карпа по тысячелетнему рецепту мы запивали пивом Farida, которое производилось в осажденном религиозными радикалами Багдаде.

Под утро я с француженкой уехал с тусовки на такси. Немецкая курдянка к тому времени пропала. Курды утверждали, что она ушла спать, однако некоторые из их компании тоже пропали — пользовали пьяную невменяемую девку? Венгерка продолжала держаться и вела беседы на тему современной арабской литературы. Она нахваливала недавно вышедшую книгу иракского автора «Франкенштейн в Багдаде». Мне запомнилось, с каким восторгом в голосе венгерка произносила название книги — словно имя своего нового бойфренда.

Вернувшись в дом француженки, я не раздеваясь завалился на кровать. «Спокойной ночи», — сказала она. Я попытался ответить, но вышло мычание. Она закрыла дверь в комнату, которую отвела под мою спальню.

А дальше мне приснилась ты. Я не видел тебя во сне уже несколько лет. Три или четыре, не меньше. Вспоминал про тебя, конечно. Но в сны ты ко мне не являлась, тут я над тобой одержал победу — сорвавшая меня с катушек зазноба, хоть где-то я смог тебя победить. Алла-алла, как говорят арабы, когда слишком удивлены: Ирак, да ты понятия о нем не имела, я уверен! И влезаешь в мой сон в истоптанных кроссовках, произведенных в русском городе Кимры, и со своей улыбочкой краем рта. Мы ехали в кузове грузовичка, китайского, такие имеются у каждой сельской семьи в Сирии. Про Сирию говорю точно, ее-то знаю лучше, чем Ирак, посещал чаще, чем Ирак. То есть ты влезла в мой сон с конкретными образами, связанными именно с Сирией, а не с Ираком. Мы едем, твои длинные волосы по ветру, улыбаемся друг другу, держимся за мятые железные борта, холмы и древние глиняные постройки проносятся мимо. Мы просто едем, мы счастливы от движения в неизвестное, иногда водитель, носатый сморщенный араб, голова его обмотана бедуинским красно-белым платком, высовывается в окно и спрашивает: «Все хорошо?» Мы киваем и говорим, что у нас все в порядке: «Мафи мушкеле».

Снова твои волосы по ветру, улыбки, миндалевидные глаза, месопотамские пейзажи. Одну ногу ты отставила назад, другую немного согнула в колене, чтобы легче держать равновесие. Я проснулся от ощущения, что мы приехали куда хотели. В голове продолжала звучать песня, которая доносилась из кабины грузовичка. Надо мной белый потолок. Я в ботинках на кровати, за приоткрытым окном разворачивалась привычная торговля одной из периферийных улиц Сули: голоса, запахи, заикающиеся крики ишаков.

Через несколько дней в шаланде переправился от иракских курдов к сирийским. В Сирии четыре года творилась самая лютая с начала XXI века войнища. Местные курды, чтобы выжить, создали свои ополченские формирования. Наличие оружия помогло им с одними группировками договориться о нейтралитете, а другие, наиболее радикальные, состоявшие в основном из иностранцев, отгонять периодически от своих районов. Курды также провозгласили, что будут создавать автономию на социалистических принципах, народовластие советского типа. Из-за их социалистического эксперимента в условиях боевых действий я к ним и поехал.

На сирийском берегу Тигра мне выдали написанную от руки бумажку со штампом — она должна служить основным удостоверением моей личности в районах под курдской властью. Девушки в военной форме, но без знаков различия, вежливые и благодушные, на ломаном английском объяснили, в какую машину мне сесть, чтобы доехать до города Камышлы, где меня встретит представитель Союза свободных журналистов и поможет сориентироваться в здешних запутанных условиях. Это был микроавтобус. В салоне сидели сирийцы, с которыми я переправлялся в шаланде с иракского берега. «Камышлы?» — весело подмигнул мне, единственному иностранцу, водитель. «Камышлы». Водитель жестами показал, чтобы я пересел вперед рядом с ним, а парня, сидевшего впереди, отправил в салон. Одна из девушек в военной форме дала ему лист, список пассажиров, заверенный штампом, и мы поехали.

Мы пересекали ту самую холмистую Месопотамию, которая мне снилась в Сули. Серая земля в зеленых проплешинах свежей травы и ярко-голубое, словно хорошенько отмытое, небо — ранняя весна, первые числа марта. Клювы неработающих нефтяных качалок торчали между холмами и на их вершинах. «Война. Нефть покупать из Сирии нельзя. Нефть стоп», — на примитивном английском объяснил мне водитель.

Прорываясь через тарахтение двигателя, послышался гул самолета. Я высунул голову в открытое окно, пытаясь разглядеть самолет. Не рассмотрел. Гул удалялся. Водитель показал в ту сторону, куда летел самолет: за холмами раскрывался бежевый бутон разрыва. Спустя несколько секунд дошел звук влепившейся в цель бомбы или ракеты. «Америка бум-бум террористы», — радостно объяснил водитель. Вот такая война: в нее втянулись полсотни стран, сложное вооруженное месиво на небольшом клочке земли под названием Сирия, десятки группировок сцепились в кровавом супе. Настоящая мировая война — если оценивать по количеству участников и разнообразию столкнувшихся идей. Мировая война локального масштаба. Расклады меняются если не еженедельно, то ежемесячно — никаких сомнений. Мне надо успеть пожить в курдском социалистическом эксперименте, пока русских здесь не объявили врагами. Я кивнул водителю в знак согласия. Мы ехали дальше по древней месопотамской земле.

Между двух холмов, сжимая дорогу до узкой горловины в одну полосу, бетонные блоки. Над блоками красный флаг, перед ними — два пацана в поношенной военной форме и с автоматами. Блокпост. Микроавтобус остановился. Водитель, спустив непринужденно руку через окно, перекидывался фразами с пацанами. Те, обрадовавшись, заглянули, чтобы увидеть меня: «Хэллоу, май фрэнд». Кивнул им приветственно. «Окей. Хорошие мальчики», — сказал водитель, показав мне большой палец в кулаке. Тронулись. Я помахал пацанам на прощание. Они — в ответ.

Я жадно вглядывался в окружающую реальность. Ничего не упустить. Хотя ничего особенного пока не попадалось. Сюда еще не заезжали журналисты из России. Да в России вообще особо ничего не понимали, что тут происходит. Продолжалась война на Донбассе, начавшаяся около года назад, — в общем, не до Сирии.

Снова блокпост. Никаких проверок. Попали в городок. «Румейлан. Очень-очень хорошо и красиво», — водитель. Ничего особенного — квадратный бетонный городишко, каких я перевидал десятки, если не сотни в разных уголках Ближнего Востока. К фонарным столбам приторочены желтые треугольные флаги с красными звездами, на стенах домов портреты курдского вождя, сидящего пятнадцать лет в турецкой тюрьме, — Абдуллы Оджалана. Старые автомобили японского производства — много пикапов,

мотоциклы, много вооруженных подростков, много вооруженных девушек. Городок закончился. Блокпост и опять равнина в холмах и клювах нефтевышек.

Мы миновали пару городков, несколько сел, с десяток блокпостов, перед тем как водитель важно объявил мне: «Камышлы». Снова по обеим сторонам от дороги кубические с длинными балконами бетонные многоэтажки, мусор в переулках, треугольные флаги, патрули, старые автомобили. Выехали на круглую площадь и остановились. «Финиш?» — я водителю. Он показал, чтобы я оставался на месте: двигал ладонями, будто придавливал меня к сиденью, и качал головой, прикрыв глаза — вид умиротворенного, никуда не спешащего посетителя кофейни, убеждающего и меня никуда не спешить. Я пожал плечами и отвернулся к тротуару. На тротуаре стоял чернявый мальчик: растянутый свитер крупной вязки, темно-синие замызганные брюки — похожи на часть школьной униформы. И светло-голубые истоптанные кроссовки с белыми полосками по бокам. Вспомнил, что видел тебя во сне точно в таких же кроссовках! И в настоящем у тебя имелись точно такие же. Вспомнил, как ты стояла в них на берегу мутной и широкой сибирской Оби поздней осенью, серый песок под ногами, смотрела мимо меня и устало говорила, как бы мысли вслух: «Не знаю, что делать с собой. Постоянные мысли о тебе мешают мне чувствовать мир вокруг. Не получается контролировать себя». А я в ответ ухмыльнулся — гордый собой самец…

«Гоу, йалла», — выдернул меня из воспоминаний водитель, и машина тронулась.

Плутали в узких улицах. Плакатов и флагов на стенах гораздо меньше, чем на той широкой, по которой ехали прежде, совсем нет вооруженных патрулей, зато гораздо больше просто гражданских: мужчины болтали, женщины чем-то занимались на балконах и перед домами, дети играли — перед лобовым автомобиля пролетел футбольный мяч. Остановились возле одного из типичных домов. Он плотно, стена к стене, втиснут в ряд таких же домов. Водитель указал на невзрачную табличку: надпись на арабском, курдском (диалект курманджи, латиницей, самый распространенный среди сирийских курдов) и арамейском (это вообще буквы из категории финикийских алфавитов). Я из надписи на курманджи понял, что здесь расположен Союз свободных журналистов (Ракхандина азад, — словосочетание, которое записала в моем блокноте девушка на погранпереходе). Высаживаюсь, захватив рюк-

зак. Водитель тоже вышел из машины. Задрав голову к верхним этажам, закричал: «Масуд!» Второй раз. Третий. Я присоединился, сложив руки рупором: «Масу-у-уд!» Высунулась через балкон соседка. Водитель переговорил с ней. В итоге поблагодарил («Шукран джазилян», — по-арабски, говорили они на арабском) и мне показал на машину: «Масуд дом едем».

Дом Масуда за пределами города, в частном секторе. Этажей меньше, небо шире, простора больше, гуляли на пустырях и вдоль улиц козы, ветер гонял мусор. Слева в паре сотен метров видны наблюдательные вышки под остроконечными крышами. «Турция, Турция», — кричал отчего-то радостно водитель, указывая на вышки. Он вовремя притормозил, чтобы не раздавить вяло бредущую через дорогу собаку. Высунулся из окна и яростно выругался на нее: «Муаррас!» Та — ноль внимания.

Свернули с дороги, машина затряслась по ухабам и остановилась перед одним из домов, чей двор опоясывал глухой каменный забор. Водитель длинно посигналил. Нагнул голову в окно: «Масуд!» Открылась зеленая дверь, на улицу торопливо вышел паренек, чуть младше меня по виду, с очень озабоченным лицом. Я покинул машину. «О-о-о, приветствую в Камышлы. Как добрались?» — паренек подошел ко мне, пожал руку, обнял и коснулся дважды висками моих висков. «Масуд». — «Александр. Из России. Журналист и политический активист, коммунист». — «О-о-о, хорошо, коммунист — очень хорошо». Он поздоровался с водителем и пригласил нас в дом. Мы прошагали через сад — в клумбах цветы с завязями бутонов — в гостиную комнату. На полу вдоль стен расстелены матрасы на коврах, в центре комнаты — чайник, поднос со стаканами, сахаром и печеньем. Двое болтающих по-английски европейцев. Позади одного — каска и бронежилет с наклейками PRESS, громоздкая фотокамера. Я поздоровался с европейцами: «Салам». Они встали и протянули руки для пожатий. «Винсан», — представился один. «Роберто», — назвался тот, позади которого уложены средства индивидуальной защиты и камера.

Отступление. *Роберто — испанец, независимый фотограф и оператор, рассказал он позже в тот день, вечером за ужином и бесконечным чаем. Специализировался на фронтовых съемках. Использую прошедшее время, потому что, пока я пишу этот текст, конец апреля 2021-го (через шесть лет после моего знакомства с испанцем), поступили новости, что 27 апреля*

Роберто погиб в засаде радикальной повстанческой группировки в африканском Буркина-Фасо. Фрайле — фамилия Роберто. Его подстрелили с другим испанским журналистом. Они ехали в сопровождении правительственных солдат, чтобы сделать сюжет о том, как те зачистили территорию национального парка Пама от радикалов-повстанцев. Плохо зачистили. Кроме двух испанских журналистов, при нападении погибли один гражданин Ирландии и один местный, троих местных радикалы ранили.

«Вы пока общайтесь. Я помогу приготовить для вас еду и вернусь», — любезничал Масуд. Я и водитель расселись на матрасах. Он сразу достал сигарету и закурил. Я разговорился с европейцами. Европейцы планировали попасть из Рожавы в сопредельный регион Шенгал, в Ираке, где езиды при поддержке курдских ополчений отбивались от радикальных исламистов. «Этой темой очень интересуются в Европе», — штатный корреспондент французского издания «Ле Мюните» Винсан. «Советский эксперимент Рожавы неинтересен?» — спросил я. «Интересен, но в нем не столько драматизма, как в истории езидов: радикалы провозгласили, что всех езидских мужчин нужно истребить, женщин забрать в сексуальное рабство, а детей воспитать боевиками-смертниками», — пояснил Винсан.

Вернулся Масуд — внес серебряный круглый поднос с едой: горкой рис на большом блюде, на другом блюде крупные куски вареной ягнятины, третье блюдо с крупно порезанными свежими овощами. Следом за ним вошла женщина — «моя мама», представил Масуд — тоже с серебряным подносом: крупно нарезанные овощи, соль, хлеб, вилки и ложки.

Я на курманджи отблагодарил женщину: «Спас». Ясно было, что английским она не владеет в совершенстве, не произнесла ни слова, пока распределяла еду на полу, только улыбалась. Любопытный Винсан: «Что ты ей сказал?» Объяснил. Тогда и француз поблагодарил женщину на ее родном языке. «Спас», — повторил Роберто. Масуд остался с нами, а его мама вышла. Зато прибежали двое детей в возрасте 7–8 лет. «Мои племянники: Хадиджа и Хусейн. Хадиджа — имя женщины, которая первой приняла ислам», — пояснил Масуд, руководитель Союза свободных журналистов автономии Рожава, где формировалась советская власть и чье ополчение сражалось против радикальных исламистов.

«Мы обсудили с Винсаном идею поездки», — заговорил торопливо Роберто. «Хорошо, хорошо, — поднял руки вверх Масуд. — Мы, конечно же, обсудим вашу поездку, и я постараюсь для вас сделать все в лучшем виде. Прежде поешьте, будем пить чай. Хотите курить кальян? Будем курить кальян и обсудим. Прежде вы должны поесть. Такова наша традиция. Дела никуда не денутся», — старательно улыбаясь, объяснял Масуд нервничающему испанцу.

Вокруг все время крутились его племянники — открыв рты, завороженно наблюдали, как едят трое людей непонятных им национальностей, пришельцев, представителей других миров. Я перекидывался с ними простыми фразами на курманджи: «Как тебя зовут? Сколько лет?» Они охотно отвечали и добавляли что-то мне непонятное, много слов, некие истории. Масуд переводил. Водитель поел немного. Скурил очередную сигарету. Крякнул, поднялся, опираясь руками в колени, и стал прощаться с Масудом. Тот встал и пожал ему руку, обменялись прикосновениями висков. Водитель сказал нам, иностранцам: «Bye-bye», — помахал рукой. Мы вежливо помахали в ответ. Выходя, водитель поцеловал Хадиджу в макушку. Масуд последовал за ним. Племянники умолкли и сели вдоль стены, поглядывали на нас, отводили глаза, если пересекались взглядами с кем-то из пришельцев. Роберто опять заговорил с Винсаном о планируемой поездке в Шенгал.

Масуд вернулся в сопровождении юноши с рюкзаком. Рюкзак висел на одном плече. «Сулейман. Наш молодой фотограф, нашего Союза свободных журналистов. Только что с линии фронта — из Тель-Тамар», — представил его нам Масуд. Юноша возбужден. Скинул рюкзак. Достал из него фотоаппарат, включил. На ломаном английском и с помощью Масуда объяснил, что наснимал почти три десятка трупов — убитые курдскими ополченцами радикалы-иностранцы. Француз, я, испанец и Масуд расселись вокруг Сулеймана, и он показывал нам обгоревшие тела на мониторе камеры. Тела с разодранными ранами в исполосованной военной форме сложены аккуратно в ряд. «Они русские, из твоей страны. Похожи?» — спросил Масуд. Монголоидные черты у тех, у кого можно различить лица, черные волосы — скорее, татары или ногайцы, а может, узбеки, если они действительно из бывшего СССР. У их ног — автоматы и пулеметы, оружие, которое не спасло жизни убитых. «Мне надо на самую линию соприкосновения. Хочу поснимать атаку, бой», — обратился к Масуду Роберто, зависть слышна в его голосе.

Потом мы пили чай, курили кальян, продолжались разговоры. Приходили еще родственники Масуда, соседи и друзья из города — после окончания рабочего дня. Только мужчины, никаких женщин.

Общение затянулось до поздней ночи. Я объяснил Масуду, что меня, конечно, интересуют руководители местных политических и гражданских организаций, но мне хотелось бы понять структуры рожавского устройства на разных уровнях, так что я хочу увидеть обычную жизнь местных деревень и городов. «И я постараюсь это сделать собственными силами». Масуд ответил: «Нет, мы не можем допустить, чтобы ты подвергал себя опасности. Мы тебе во всем поможем». Местные рассказали историю молодого журналиста из Швеции, который попал в прошлом месяце на неделю в плен к сирийской госбезопасности — в Камышлы дислоцировались части правительственных сил Сирии. Но русскоговорящий местный парень Агид, очередной родственник Масуда, пояснил, что швед сам виноват — он стал фотографировать сирийских солдат, спровоцировал их на то, чтобы они его задержали.

Наконец я просто завалился на один из матрасов и накрылся одеялом. Заканчивался очень длинный день. Я засыпал, а разговоры продолжались.

На следующее утро за мной приехал микроавтобус. Масуд договорился, что я буду жить в гостевом доме при исполнительном совете в городке Амуда — административном центре Рожавы. «В медиацентре при совете есть молодые англоговорящие ребята. Они помогут тебе узнать о Рожаве, что тебе требуется», — напутствовал меня Масуд перед отъездом.

Амуда в десять раз меньше Камышлы — около 30 тысяч жителей. И в отличие от Камышлы — моноэтническая, население состояло почти исключительно из курдов. Поэтому город под полным контролем курдских ополченцев. В Камышлы население смешанное: арабы, курды, ассирийцы, армяне и турки. Смешанный вооруженный контроль. Например, одно ассирийское ополчение действовало совместно с сирийской армией, а другое — с курдами. Номинально сирийская армия и курдские ополченцы — союзники, однако случались и стычки, короткие перестрелки с ранеными. Опять же случай со шведом, который приехал посмотреть на Рожаву. Понятно, почему администрацию Рожавы разместили в Амуда. Утром, пока ждали прибытия микроавтобуса для меня,

Масуд просвещал по поводу местных административно-этнических нюансов.

Амуда расположена впритык к турецкой границе. Мы ехали к ней вдоль колючей проволоки и вышек с турецкими пограничниками. Маленький аккуратный и более чистый, чем Камышлы, город. Подкатили к коробке здания с внушительным баннером на два этажа. Надпись на курманджи, арабском и арамейском — исполнительный совет Рожавы. Водитель отвел меня к главе медиацентра. Тот, кроме «хэллоу» и «хау ар ю?», ничего на английском не знал. За руку отвел меня в соседнее здание, где размещался медиацентр. В здании не закончились отделочные работы — мешки со строительными смесями, ведра, мастерки, шпатели, грязные тряпки, поддоны. Поднялись на второй этаж. Зашли в помещение с голыми бетонными стенами: стол с ноутбуками в центре, неудобные пластмассовые стулья, видавший виды шкаф-секретер (зачем?), несколько ребят помладше меня, которые сразу повставали со своих мест, когда я и их начальник вошли… И я увидел тебя. Рост, взгляд, улыбка, фигура, до кома в горле знакомый носик с небольшой горбинкой. Ты протянула ладонь, чтобы я пожал ее, самой последней. «Берфин», — представилась ты в своем курдском обличии. Такие же миниатюрные теплые руки. Ты прекрасно говорила на английском. Как я ни скрывался от тебя, от наших рухнувших отношений, ты нашла меня. Где меньше всего ожидал. Сирия, сложная война, курдский язык, советский эксперимент — Господи, как тебе удалось?!

Разумеется, все последующие дни я занимался тщательным исследованием, пожалуй даже расследованием, месопотамской революции, которую творили курды со своими союзниками. Узнавал, как функционирует система народовластия, экономика в условиях блокады, как пострадавшие и родственники сами, без привлечения властей, определяют меру наказания для провинившихся, как набирают новых бойцов в ополчение… Про ополчение ты мне много рассказала. Оказывается, ты мечтала попасть в его состав — женские отряды, у курдов появились такие подразделения. Религиозные радикалы их очень опасались — радикалы верили в то, что если их убьют женщины, то они не попадут в свой рай. «Одна моя подруга-ополченка погибла. Я мечтала занять ее место. Мне отказали. Командир отряда сказала, что я очень умная, знаю английский, я должна помогать на другом фронте. Поэтому я

оказалась в медиацентре», — рассказывала Берфин. Она (ты) родилась в Амуда двадцать один год назад (вот так номер, ведь мои с тобой отношения начались, именно когда тебе и мне было по двадцать один год, ты повернула время вспять и встретила меня снова двадцатиоднолетней!). Училась в университете в Алеппо на факультете иностранных языков. Началась война, вернулась домой. Курды взялись за организацию Рожавы — они называли этот процесс «революция», «месопотамская революция», «первая современная революция Междуречья». Действительно много признаков революционности. Я подробно описывал увиденное-услышанное-узнанное за день, готовил по вечерам в медиацентре длинный текст, который опубликую в сетевом издании, вернувшись в Россию. Ребята сидели на соседних местах за столом, и я что-то уточнял у них. Мы питались шаурмой, у нас не имелось времени на приготовление другой еды или долгие посиделки по ресторанам. Ты обычно уходила после пяти вечера домой. Дома тебя ждала мама и младшие братья и сестры, папы у вас не было — бросил семью несколько лет назад и уехал в Турцию. Домой на ночь уходили руководитель медиацентра Фархад, курдянки Надия и Асия. Араб Таляль, езид Сами ночевали со мной в гостевой комнате медиацентра на третьем этаже. Семья Сами проживала в пятидесяти километрах к западу, недалеко от фронтового Тель-Тамара. Таляль — из Камышлы, уезжал к семье на выходные.

Так как ты и Сами лучше остальных в медиацентре говорили на английском, вас часто прикрепляли к иностранным делегациям и журналистам, прибывавшим в Амуда. Меня уже через пару дней стали считать своим в медиацентре, поэтому мне сопровождающие больше не полагались. Фархад лишь настаивал, чтобы за пределы Амуда я выбирался обязательно с кем-то из его ребят.

Ты очень хотела попасть на фронт, чтобы увидеть своими глазами передовую. Но делегации и журналисты опасались туда отправляться, так как радикалы в Сирии обезглавили к тому моменту несколько иностранцев, включая журналистов, — европейцев и американцев. Видео казней широко разошлось по мировым медиа. Дорога до Тель-Тамар полностью не контролировалась. По пути, вероятность существовала, радикалы из засады атаковали бы конвой с иностранцами — первоклассная мишень для них. Ты уговаривала: «Давай убедим Фархада, чтобы нас отвезли на фронт.

Ты — иностранец, он должен согласиться. Скажи, что хочешь увидеть наших ополченцев в действии, с иностранными добровольцами поговорить». И я убедил Фархада. Когда сказал тебе, ты меня даже обняла. Кратко, не успел почувствовать — те ли это объятья, которые были между тобой и мной когда-то давно, в другом мире, в совершенно других обстоятельствах.

В Тель-Тамар требовалось выехать рано утром. Фархад ходил хмурый возле микроавтобуса. Он засомневался в последний момент. «Два дня назад в Тель-Тамар погибла девушка-доброволец из Германии, африканка, воевала в составе женского курдского ополчения. Фархад очень опасается за твою безопасность. Мы должны беречь иностранцев», — объяснил Сами. Ты смотрела на меня растерянно. «Неужели не получится съездить?» — читалось в твоих глазах. Я попросил Сами: «Скажи, пожалуйста, Фархаду, что теперь-то мы обязательно должны съездить, чтобы я написал, ради чего погибла девушка из Германии, поговорить с теми, кто был вместе с ней, рассказать о том, в каких условиях приходится сражаться вашему ополчению с радикалами, чтобы в России обратили внимание на вашу борьбу». Вообще-то в Рожаве я старался избегать разных пафосных речей и манер, что обычно необходимо в общении на Ближнем Востоке. Фархад внимательно слушал, Сами явно что-то добавлял и от себя, свои доводы. Через полчаса мы все-таки выехали. Асфальтированная дорога через зеленую равнину — за прошедшие солнечные теплые дни природа развернулась по полной. Встречного и попутного транспорта становилось все меньше и меньше. На блокпостах нас пропускали, когда Фархад показывал полученную им перед самым отъездом в исполнительном совете Рожавы бумагу.

Мы въехали на блокпост, который представлял собой лабиринт из земляных насыпей. «Поворот на мою деревню. Два месяца назад на перекрестке взорвался террорист-смертник на заминированной машине. Пять человек погибли. Один мальчик — он сидел с отцом на посту после школы. Поэтому наши сельские ополченцы сделали сложный пост, чтобы укрыться, если снова заедет смертник», — объяснил Сами. Мы остановились. Вышли. Сами познакомил Фархада, меня, Берфин и нашего водителя с односельчанами, вооруженные ружьями и «калашами» крестьяне — явно не воины. Мы из вежливости уделили им несколько минут и продолжили поездку. «Дальше двадцать пять километров дороги никем не контролируются». Действительно, трафик

совсем пропал — ни автомобилей, ни мотоциклов, ни пастухов со стадами в отдалении. «Вообще-то полагалось бы, чтобы нас сопровождал пикап с ополченцами», — перевел слова Фархада Сами. Я вспомнил, как Роберто горячо обсуждал с Масудом, сколько ополченцев смогут сопровождать его выезд в Шенгал, так как на дороге возможны засады неприятеля. Испанец настаивал, что должно быть не менее пяти бойцов. Он интересовался у Масуда, сколько нужно заплатить, чтобы сопровождение состояло из десяти бойцов.

Я рассматривал ровное зеленое поле вокруг. Устраивать днем засаду в непосредственной близости от шоссе глупо: ее заметно издалека. Хотя можно и засесть вон на том холме, сколько до него — километра три? Достаточная дистанция, чтобы снести наш микроавтобус с дороги попаданием противотанковой управляемой ракеты. Затем примчаться на пикапе — кого-то из выживших добить, кого-то взять в плен, чтобы в последующем казнить перед видеокамерой. Если выживем все пятеро, кого будут добивать радикалы? Точно — водителя. От него никакого политического или материального навару. Фархад? Если скажет, что руководитель медиацентра Рожавы, то возьмут для обмена или выкупа. Если докажет, что руководитель, иначе долго возиться не станут. Сами? Если узнают, что он езид, сразу же пристрелят. Кем ему представиться, чтобы не добили? Иностранцем может назваться — у него великолепный английский, пакистанец из Лондона или турок из Берлина. Тогда оставят в живых, чтобы позже казнить. Точно меня имеет смысл сохранить живым — у меня ярко выраженная славянская внешность, ясно с первого взгляда, что я не с Ближнего Востока. Берфин — конечно, тебя оставят в живых. Тебя можно объявить ополченкой или «распутной девкой Рожавы». Перед публичной казнью. Не исключено, что перед тем, как отрубить головы, тебя и меня поставят рядом. Меня представят как опасного «русского шпиона», тебя — моей любовницей, женой, подельницей. То есть меня с тобой «обвенчают» террористы-радикалы перед самой смертью. Ты же мечтала, чтобы мы обвенчались…

На горизонте видны черные дымы. «Тель-Тамар», — объявил, к счастью живой, водитель. Дымы становились жирнее, отчетливее низкие кубические домики. Перед въездом в город указатель, простреляннный: сколько километров до Алеппо, Хомса и Дамаска. Указатель есть, но добраться до этих городов невозможно — они отделены от Тель-Тамар не километрами, а слоями фронтов и

враждующих фракций. Только для птиц и зверей продолжали существовать расстояния с указателей.

Мы подъехали к блокпосту — его охраняли несколько вооруженных девушек в военной форме. «Сестры, они мои сестры!» — счастливым голосом ты сообщила мне. Не понял, что конкретно имеешь в виду. Микроавтобус остановился, ты вышла и обнялась по очереди с ополченками. Щебетание молодых женских голосов. «Можно фотографировать и брать интервью у девушек, если тебе нужно», — сообщил Сами. Ополченки стеснялись моей простенькой фотокамеры, отворачивались. Ты убеждала их попозировать. Нет, отказались. Предложили поснимать других ополченок, которых мы увидим в городе.

Через полчаса, узнав детали обстановки, поехали глубже в город, ближе к передовой. С нами отправилась одна ополченка в качестве сопровождающей. Жителей совсем нет. Улицы пусты. По каменному забору шагала, осторожно перебирая ногами, тощая кошка — истошно заорала, повернувшись к нам. Время от времени слышны звуки стрельбы. Ополченка подсказывала водителю, где сворачивать. Выехали к бетонным блокам, наглухо перегораживающим проспект. Ополченцы, пикап-тачанка — крупнокалиберный пулемет направлен в сторону дальше по проспекту. «Дальше нельзя, самый край наших позиций». Микроавтобус свернул налево и ехал по улочке вдоль, как я понял, линии фронта. Перестрелка ведется, судя по уровню звука, в нескольких кварталах отсюда. Вкатились во двор больницы — в ней разместилась основная передовая база курдских ополченцев. На стоявшем под деревом гинекологическом кресле сложены заряды к ручному гранатомету. Высыпали из здания несколько бойцов. Познакомились, разговорились. Боец по имени Ахмат повел меня, Сами и Берфин к земляной насыпи позади больницы. За насыпью — поле длиною метров двести, за полем деревня, из которой взлохмаченным косым столбом вкручивался в облачное небо черный дым. «Деревня называется Тель-Шамиран. Ее занимают террористы. С час назад по террористам отбомбилась американская авиация. Дым — с разгромленных позиций врага».

Мы ходили по передовым позициям, общались с бойцами — Фархад и водитель остались с командирами пить чай. Осматривали близлежащие кварталы. Прошли мимо позиций, которые занимало ассирийское ополчение — над зданием их штаба флаг. «Ассирийский», — пояснил Сами: на белом фоне голубая четырехконечная звезда, от которой крестообразно отходят четыре сине-красных

полосы. На стенах штаба граффити на арамейском языке, древнейшем языке христиан.

Бойцы курдской самообороны рассказывали, что среди убитых радикалов много «китайцев». Они наглядно показывали — растягивали пальцами глаза до узких щелок. Однако русскоговорящий доктор Хасан, сирийский курд, который работал в госпитале «Красного полумесяца», разъяснил, что это узбеки, или киргизы, или казахи, а может, туркмены. Доктор Хасан учился в Молдавии, в независимой республике Молдова, он лучше разбирался в национальностях. «Это из Средней Азии, я извиняюсь за выражение, весь мусор сюда понаехал, — гневался доктор. — Вы думаете, среди террористов много сирийцев? Очень и очень мало. Незначительная часть. В основном иностранцы воюют за террористов».

Несколько добровольцев из Европы, воюющих на стороне курдов, которых мы встретили на тыловых позициях, рассказали, что неоднократно слышали, как радикалы переговариваются в радиоэфире на английском. «Но те из убитых, кого я видел, — сказал один из иностранцев-добровольцев, — это арабы. Не сирийские. Слишком темные, кучерявые для сирийцев. Может быть, Ирак или Саудовская Аравия. Южные арабы». Иностранцы просили не фотографировать их, не спрашивать их национальность и имена. «У нас дома тоже отморозков хватает, понимаешь?» — объяснил один из добровольцев с ярко выраженным французским акцентом. Не скрывал своей национальности, имени и лица 50-летний техасец Джон. Он — бывший американский морпех. Сказал, что среди исламистов очень много профессионалов, людей, понимающих, как грамотно вести боевые действия.

Мы весь день провели в Тель-Тамар. Ближе к вечеру курды отгоняли свою бронетехнику на тыловые позиции с передовой. Ты забралась на танк Т-55, облитый предзакатным золотистым светом. Заглянула в открытый люк. Внутри никого. Тебе очень хотелось залезть внутрь, ты оглядывалась, кого бы спросить. У меня случилось дежавю. Твоя поза, ищущий взгляд, зеленая трава и ветхие домики вокруг — видел это, точно видел. Одну ногу ты отставила назад, другую немного согнула в колене, чтобы легче держать равновесие. Пытался вспомнить — где же? Похоже, тогда на Алтае, ехали с тобой в кузове грузовика: разболтанный «Газ-66» удалялся от труднодоступной немноголюдной деревушки в сторону перевала, мы обсуждали, как будем выпрыгивать, если машина сковырнется в обрыв — мы обожали друг друга. Дежавю

скоро закончилось. Я снова в Сирии, фронтовой городок, вооруженные мужчины и женщины, протяжный гул пролетающего над нами в облаках военного самолета. Появился Фархад. Он сообщил, что нам пора уезжать, чтобы засветло вернуться в Амуда. Напомнил, что двадцать пять километров дороги от Тель-Тамар в сторону Амуда неподконтрольны ополчению. Мы тепло и долго прощались со своими новыми знакомыми. Они шутили, чтобы обязательно приезжали к ним в гости снова. Благодарили нас за визит.

Покинув Сирию, проехав через Ирак в Турцию, я застрял на несколько дней в Стамбуле, Измире или Кютахье — не помню точно. Несколько спокойных дней в квартире знакомых. Пересматривал фотографии, сделанные в Рожаве. Попадалась та, где ты на башне Т-55. Мучительно размышлял, действительно ли я видел тебя точь-в-точь такой же на Алтае. Сколько лет тебе было на Алтае? Тоже двадцать один? Сколько лет назад случился тот Алтай? Ты меня по-прежнему не отпускаешь. Являешься в сны, а потом и в явь, разговариваешь на диковинных языках и рассказываешь о мечтах, в которых никогда бы тебя не заподозрил. Ты успела мне по дороге от Тель-Тамар до Амуда рассказать, что значит твое новое имя, Берфин, в переводе с курдского — название одного из первоцветов. Ты показала на мониторе телефона снимок этих цветов, который сделала сама. Похожи на подснежники, но с розовым оттенком. Бело-розовые лепестки. Странное ты себе новое имя выбрала, ведь розовый раньше тебе совсем-совсем не нравился.

Мин Минг Ли

КИТАЙСКИЙ УЗЕЛ

СТИХИ
ПЕРЕВОД С КИТАЙСКОГО
Е. ПЛЕТНЕВОЙ (ДАНЧЕНКО)

Жилище в горах Фучунь. Художник Х. Гунван

ЖИЗНЬ И ПОЭЗИЯ

Ветер срывает с деревьев последние листья.
Льда холоднее становится дождь январский.
Время преследует звезды с охотничьим свистом.
В зеркале вместо себя вижу странную маску.
Довелось мне, как многим, из дома родного уехать.
Поселиться в стране, где чужие не видят чужую.
Веселятся на празднике шумно, а мне не до смеха.
Мне бы дочку обнять, нагадать ей любовь большую.
Жизнь коротка, отчего ж расставаний так много?
Неизбежны одни, а другие — всего лишь ошибка.
Ах, как трудно понять планы Господа Бога!
До прощанья с семьей расстоянье меня не страшило.
Люди пишут стихи на свой лад и
на своем языке, на котором сновидят порою.
Вы же, строчки мои, отправляйтесь в родные пенаты,
расскажите моей семье: все в порядке со мною.

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

Я люблю. Хоть и бледен сегодня мой лик,
потому что люблю, я расстаться с тобою не смею.
В моем небе ты яркой звездою возник,
пред лучами твоими, теряясь от страсти, немею.
Я люблю, потому-то осанка моя так пряма.
Потому-то мой смех никогда не утратит веселья.
Я тебя возношу, точно Бога. В твои терема
я хотела бы душу вселить, а не слабое бренное тело.
Потому что люблю, мои слезы медовы на вкус,
а обиды мои пахнут мятой, шалфеем, душицей.
Ты им — солнечный луч и роса, а мороз
их не тронет, доколе я буду любить и молиться.
Я люблю и надеюсь до смерти прожить лишь с тобой,
веря в то, что мой дух не уснет в тупике переулка.
Ты мне дал два крыла. Вон, шуршат за спиной,
расправляются белые черною полночью гулкой.

ПАПА

Папа, как дела?
Ты помнишь еще ту площадь,
окруженную высокими тополями,
возле здания местной партии?
Однажды я забралась на дерево,
чтобы рассмотреть море людей —
красное море с желтыми пятнами.
Красное — поднятые вверх книги Мао,
желтое — руки, сжимающие те книги.
Помню крики: «Революция — не преступление,
а необходимость!», «Власть имущие — вон!»
Орущая волна усиливается и накатывает…
Папа, как дела?
…Ты стоишь с заломленными руками на площади.
Перед тобою — камень.
Кто-то вырывается из толпы:
перекошенное бешенством лицо,
толстое пузо,
рукав со следами крови,
палка в его руке вот-вот размахнется.
Я слышу зловещий рокот с небес,
похожий на взрыв вулкана.
О, Янцзы и Желтая река,
как вы позволили своих детей убивать камнями?
Как дела твои, папа?
Взобравшись повыше,
я увидела наконец твое решительное лицо.
Твое сильное тело
и могучие плечи.
Как ты позволил себя утопить в море злобы?
Папа, камень под твоими ногами
жжет не только твои ступни,
но и мое сердце.
Свет солнечных лучей
озаряет лишь половину суток,
но твой, папа, свет
никогда не погаснет.
Как дела, папа?
Я узнала, куда тебя заключили.
Мама попросила отнести тебе суп.

«Пошла прочь, буржуйская шавка!» —
рявкнул мне часовой, охранявший дверь.
Я поставила горшок с супом на землю,
завизжав, набросилась на него
и вырвала у него из рук наручники.
Девчонка едва десяти лет,
взбесившаяся овца,
борющаяся за себя в опасном окружении.
Я и не думала плакать,
потому что не хотела показывать слабость врагу.
Мама сказала тогда, что я сильнее мальчишек.
Как дела твои, папа?
Ты так рано ушел…
В тот день лишь тусклые огоньки
поблескивали вместо солнца.
Ты лежишь в хрустальном дворце,
покрытый несчастьем своей жизни.
Десять лет — сколько дней в них?
Знаешь ли ты, как твои жена и дети скучают по тебе?
Мама говорит, что ты где-то рядом,
потому что твой дух с нами всегда.
Все говорят: ты был лучший человек на свете
и сейчас живешь в раю.
Папа, как твои дела?
Если только ты меня слышишь,
пожалуйста, свари нам горшок супа,
чтобы утолить тоску по тебе.

ИЩУ ПОЭЗИЮ ВО СНЕ

Я руками тянусь во сне,
чтобы нащупать ее в пространстве.
Мне снится лишь слабое ее очертание.
Пробел в памяти…
Всматриваюсь в еле заметное:
островок чистой земли.
Справа — величавый храм.
Слева — очередь
бормочущих молитвы людей.
Кто мне ответит: не ее ли это следы?
Во время полета во сне
я вижу восходящее солнце —
и вместе с ним заглядываю в каждое окно.

Ищу ее в золотом раскаленном воздухе,
с пересохшим от жажды ртом,
поэтому я не люблю лето.
Мне больше нравится белизна снега.
Но снег говорит мне:
поэзия — в самом начале весны.
Когда же снег тает, весна говорит:
ищи поэзию в ранней осени.
Ищу поэзию во сне,
чтобы парить высоко в небе,
а не вокруг подушки
и не только до горизонта.
Ищу поэзию, чтобы выйти из тела
и улететь в беспредельность.
И вдруг понимаю:
не нужно ее искать —
лишь чувствовать постоянно,
идти по ее следам.

ПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ В ХРАМЕ

Дерево у храма
поет свою песнь.
Красная свеча
горит восхищенно.
В огнями сверкающем здании
вино так легко пьянит.
Тосты.
Смех.
Невозможно устать в эту полночь!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Живущая на чужбине,
устраиваю небольшой праздник
под названием «день рождения»
и говорю вам:
«Танцуйте, друзья!
Возьмитесь за руки,
покажите, как вы умеете наслаждаться жизнью!
Здесь не роскошный дворец,
наряды — не от кутюр,

нет дорогих столов,
ломящихся от еды,
как в пятизвездочном отеле.
Но здесь находитесь вы —
и это ваш мир!
Ваши смеющиеся лица
похожи на многоцветный флаг,
реющий в свободном пространстве.
Ваша искренность
звучит самой прекрасной на свете музыкой!
Растроганная, хочу вас поблагодарить,
но слова не идут на ум.
Дорогие мои,
давайте любить друг друга.
Лишь об одном прошу: не спрашивайте, почему я здесь.
Искренняя дружба,
ваша надежность —
залог того, что китайские пионы
в тюльпанных полях зацветут!»

КИТАЙСКИЙ УЗЕЛ

Сердце летит сквозь облака.
Погруженная в мысли, забываю о времени года.
Тишина за иллюминатором.
Расставание наполнено клочками разорванной бумаги.
По щекам бегут слезы о годах,
незаметно прошедших мимо.
Широко и мощно течет, растворяя прошлое, река Янцзы.
Родное небо рассеивает воспоминания.
Медленно уплывающий город
удваивается из-за слез.
Постепенно тает разноцветная радуга.
Жужжащие пропеллеры превращаются в мельничные крылья.
Звон в ушах стихает под перестук кломпов[1].
Заложенный нос не чувствует запаха тюльпанов.
Заплаканным глазам сыр кажется жидким.
…Только длинный китайский узел[2]
погружается в душу все глубже.

[1] Кломпы — голландские деревянные башмаки.

[2] Китайский узел — китайский сувенир, сплетенный из красных ниток.

Олег ВАЩАЕВ

ПОД АНГЕЛЬСКУЮ ДИКТОВКУ

СТИХИ

В оформлении использована картина С. Федоренко

ДИАЛЕКТИКА ДЖАЗА

От темы до коды —
раскачанный ритм,
аранжировка в квадрате.
Язык, акцент, фольклор, колорит.
Готовность быть на подхвате.

Душа его — блюз,
а стержень — звук
на кончиках пальцев, цепкий.
Лундстрем Олег, Эллингтон Дюк.
Импровизация, лепка.

Джаз устарел? А вальс устарел?
Ну так осовременьте!
Хмелел и свистел, ревел и хрипел!
Джаз идеален в моменте.

* * *

Чехов знал один секрет:
человек сентиментален —
в основном. И даже Сталин,
если помните, поэт…
Ну такой себе поэт,
неудачник-недоучка.
«Пей щербет и ешь щербет».
То тянучка, то текучка.

Денег нет — и счастья нет,
человек сентиментален.
Но и мир не идеален:
то соскок, то пируэт.
«Пей вода и ешь вода».
Лишь бы горе — не беда.

ЙО-ХО-ХО

Выпусти пар, капитан Америка,
и отвали в туман.
Скрылись вдали очертания берега,
где тосковал Бен Ганн.
Остров сокровищ парит на облаке,
кладоискатель спит.
А по соседству, в тенистом округе,
бродит притихший Флинт.
Мститель испанских морей по прозвищу
«Черная Борода».
Боком вышли ему сокровища,
осточертела вода.
Страшный суд его не касается.
Веселый Роджер со дна
своей братве ядовито скалится,
слюна шипит, как волна!

* * *

Много-много красных крыш:
Прага сверху, как Париж!
Виноградники на склоне.
И туристы на газоне.

* * *

Есть мягкие, колючие, безликие.
Есть лучшие из лучших и великие.
Но личность — это точно не амбиции.
А что тогда? Культурные традиции.

ВИТРАЖ

Миладе Копелиович

Цвет через свет. Пережечь стекло —
становится смальтой кровавый сгусток.
Монументально-кровавый пот.
Страсть закаляет чувство.
Автоповтор, самоотвод.
Готически-трэшно, барочно-емко.
Костляв сустав и рельеф не тот.
И начинается ломка.

СИСТЕМА НИППЕЛЬ

Как ни откладывай *завтра* — оно придет.
Переведут на автонастрой, штрих-код.
Который едва понятен, но вездесущ.
Который мало приятен, но всемогущ.
Явная подоплека и тайный знак.
Тяжко в плотном потоке тому, кто наг.
Любо в гуще событий тому, кто фат.
Но человек — не рыба, хотя не факт.

ХУДОЖНИК

Светлане Вербовской

Ремесло — это мастерство.
Творчество — это пророчество.
Художник имеет право
на одиночество.
Кто сказал «изоляция»?
Я такого не говорил.
У художника — мотивация.
Размах крыл.
Он приземлен временно.
Искусственно заземлен.
Все, что ему доверено, —
это он.

Это ловкость ремесленника
и провидческий дар.
Гарантия выживания,
надежда на гонорар.
Страсть и упорство практика,
легкость и опыт творца.
И все же оковы пленника
золотого тельца.
Золото — это золото.
Прочный авторитет.
А что есть плоды художества?
Можно купить обед?
Сколько за них выручишь?
Надолго хватает средств?
Творчество — это пророчество.
Милостыня в ответ.

* * *

Небо — это чудо. Море — это тайна.
Между ними суша выросла случайно.
Облачные выси, пенные раскаты.
Посреди пустыни — синие стигматы.
Пурпурные пятна, бурые до дрожи.
Ангельские лики дьявольски похожи.
Левия Матвея и Левиафана.
И от Сотворения все идет по плану.
Быстрые течения, заросли-капканы.
А потом — Галея. И конец романа.
Крымского розлива жалкая креплёнка.
«Солнцедар» для смеха и «Агдам» для понта.
Свора високосных — шустрая порода.
Те, кто в девяностых вышел из народа.
Завелась и сникла жалкая элита.
Кормовая база у потребкредита.
Верили ушами, притянули кризис.
Урки с торгашами замутили бизнес.
Буду слушать небо. Буду слушать сушу.
Отвяжусь от тела, положусь на душу.
Если не химера, стало быть, основа.
Маленькая вера, Верка Соколова.

* * *

Кроме халвы и хлеба,
Вагнера и Шопена,
Лондона, Хемингуэя,
чая, кишмиша и кешью
я взял бы на необитаемый остров
антологию русской поэзии
за три века,
вкрадчивый голос Бориса,
Веры исповедальный
замысловатый говор,
«Мост Ватерлоо. Эффект тумана»,
пейзажи Молдовы,
эстонскую неторопливость,
польский акцент,

Художник С. Федоренко

протестантскую этику,
католическое смирение,
православные песнопения,
индийские благовония.

СЕТЬ

Раньше мы «совещались» с Богом,
теперь отвечает «бот».
В белом круге на красном фоне
паутину паук плетет.
Кого на игру подсадила,
кого приучила красть.
Зависимость — злая сила.
Жесткий контроль и власть.

* * *

Хотел «закрепиться» в Сочи, у парка «Ривьера».
Но с прикупом — невезуха, и карта бита.
Живу на окраине Питера, у Шуваловского карьера.
И душа моя, как этот карьер, изрыта.
Камня на камне не оставила капля за каплей.
Насмешникам-злопыхателям от смеха тошно.
Бумеранг возвращается даже к переступившим грабли.
И отказаться от этого практически невозможно.

* * *

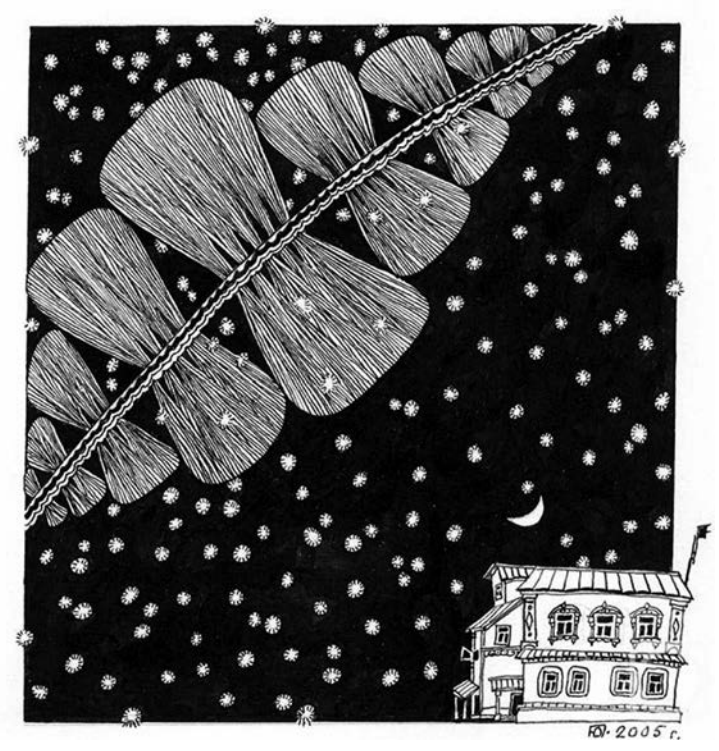
Белощекая казарка
на реке Глухарке
поселилась в Петербурге
в детском экопарке.
По весенним свежим тропам
в Арктику транзитом.
Небо осенью в Европу
птицам не закрыто.

СТИХОТВОРЕНИЕ — ЭТО…

Не просто так.
Не по трафарету.
Это особая форма выражения
особо ценного содержания
с предвкушаемой начинкой
удивительного значения.
Это сгусток энергии,
в котором сначала едва заметны,
а потом ясно видны очертания.
И, если вглядеться,
проступают образы.
Стихотворение — это история,
может быть, несбыточная,
но история!
Это событие,
может быть, не случившееся,
но событие!
Стихотворение рождается
из собственного опыта
сострадания:
начинается не с бухты-барахты,
а с мысли.
И обязательно получится,
если будет успешно услышано
и удачно записано —
под ангельскую диктовку.

Нина ДЗУЦЕВА

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА ЗВЕЗД В РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ



В оформлении использована работа Ю. Побережного «Небо в воду смотрится, на себя любуется»

Я населил таинственным мечтаньем
Надзвездные миры;
В них вдунул жизнь, облек очарованьем,
Принес свои дары.

Константин Фофанов

Сияние звезд в небесной сфере, их таинственность и загадочность во все времена привлекали внимание не только пророков, предсказывавших по ним судьбы людей, но и многих поэтов, живших в разных странах в разные эпохи.

Обратимся к поэзии российских поэтов. Любуясь ночным небом, усеянным яркими звездами, они задумывались о своих судьбах, участи; в их душах пробуждались мечты о счастье, любви. Многими поэтами звезды уподоблялись глазам любимых женщин и т. д. Но известны случаи, когда те же звезды навевали грусть и даже печаль.

Мы попытались выявить на примере стихотворений разных авторов XIX–XXI веков, какие из названных выше чувств испытывал тот или иной из них и как отразились в их творчестве душевные переживания, разбуженные звездами. Так, например, мифический герой Александра Пушкина (1799–1837) в стихотворении «Редеет облаков летучая гряда», погрузившись в мир воспоминаний, вызванных любованием звездами, навеявшими на него грусть, одушевляя звезду, называет ее печальной. Потом, переведя взгляд на окружающий мир природы, где луч этой звезды «осеребрил увядшие равнины, и дремлющий залив, и черных скал вершины», вдруг, изменив отношение к звезде, признается ей в любви, объяснив причину:

Люблю твой слабый свет в небесной вышине.
Он думы разбудил, уснувшие во мне.

Как и Александр Пушкин, Евгений Баратынский (1800–1844) облюбовал одну звезду на всем небосклоне, о чем говорит его

стихотворение «Звезда» (1824). Лирический герой призывает собеседника обратить взор на небо, где горят сонмы звезд, чтобы тот тоже увидел звезду, выбранную им:

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!

Затем герой объясняет собеседнику, чем полюбилась ему именно эта звезда, уверенно утверждая, что не тем, что появляется на ночном небе первой или светит ослепительнее других, а из-за того, что умиротворяла взгляды ушедших из жизни влюбленных, которые встретились, наверное, с ней в небесной вышине. Продолжая и дальше характеризовать любимую звезду, лирический герой поясняет, что, хотя она «на небе чуть видна», светит неярко, ей близки переживания людей, сердца которых согреты ее нежностью. Поэтому невозможно оторвать свой взор от нее, провожая «ее и на небо, и с небес». В конце стихотворения лирический герой, поинтересовавшись у собеседника, облюбовал ли он для себя звезду «в безмолвном ночном небе», предупреждает его об ошибке при выборе звезды, ведь их так много на небе, не каждой можно доверить свои сердечные тайны. Герой советует выбрать ту звезду, что смотрит доброжелательно, поймет его переживания, будет к нему ласкова.

А герой Федора Тютчева (1803–1873), поэта, в чьем творчестве интерес к звездам проявился наиболее ярко в стихотворении «Еще томлюсь тоской желаний», грезя о любимой женщине и мечтая о встрече с ней, уподобляет ее образ звезде:

Твой милый образ незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда…

Эмоциональная окраска в стихотворении достигается многоточием и тире, которые раскрывают чаяния человека, мечтающего о близости с любимой. В стихотворении «Летний вечер» олицетворенные поэтом звезды «небесный свод приподняли своими влажными главами». И теперь, ночью, лирический герой, уставший от дневной жары, чувствует себя лучше: «грудь дышит легче и вольней, освобожденная от зною». В стихотворении «Как сладко дремлет сад темно-зеленый» одухотворенная Федором Тютчевым природа помогает понять блаженное

состояние его лирического героя, чья душа вместе с садом темно-зеленым объята негой ночи голубой, открывшей перед ним красоту звездного неба. Герой очарован свечением золотого месяца и тем, как «таинственно, как в первый день созданья, в бездонном небе звездный сонм горит».

Душевное волнение героя раскрывается восклицательным знаком и многоточием, которые говорят о том, что переполняющие его душу чувства не дают ему продолжить свои мысли, сосредоточиться даже на миг на чем-то.

Тютчев так страстно влюблен в мир звезд, что жаждет стать звездой и объясняет, какой именно:

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной…

Но поэт, как дальше узнаем из стихотворения, хочет стать не ночной звездой, а одной из тех, которые днем, «сокрытые, как дымом палящих солнечных лучей… как божества, горят светлей в эфире чистом и незримом» (стихотворение «Душа хотела б быть звездой»). Сжившись с миром звезд, с миром красоты природы, он осуждает людей, которые живут на земле «без божества, без вдохновенья», не видя ничего в окружающем их мире: «живут в сем мире, как в потемках».

Естественно, что эти люди не видят красоты ни ночи, ни звезд, ни солнца, ни моря, ни цветов — вообще ничто не привлекает их. Об этих людях поэт заявляет с возмущением:

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!
(«Не то, что мните вы, природа…»)

Любуясь отражением звезд на реке Неве (стихотворение «На Неве»), лирический герой Тютчева, увидев челн с двумя тенями, плавно плывущий по реке, подумал, что это влюбленная пара, чья любовь слилась со звездой:

И опять звезда ныряет
В легкой зыби невских волн,
И опять любовь вверяет
Ей таинственный свой челн.

В стихотворении «Памяти В. А. Жуковского» Федор Тютчев, мысленно обращаясь к Жуковскому, думает о творческом следе, который останется после него, ушедшего в иной мир. И приходит уверенно к выводу, что талант поэта бессмертен:

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаяся с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой…
О, как они и грели, и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи…
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи…

Глубоко переживая смерть Жуковского, Тютчев вспоминает о добрых беседах с ним, во время которых звезды сверху спускали на них «таинственный и сумрачный свой свет», огорчаясь, что это их последняя встреча.

А в стихотворении «Как хорошо ты, о море ночное» звезды, видя очарованного морем поэта, ласково светят ему с неба, словно и их пленила красота моря. И он восторженно заканчивает стихотворение:

В этом волнении, в этом сиянье
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою…

Как прекрасно и глубоко раскрыто душевное состояние поэта, которое создается при помощи таких синтаксических приемов, как инверсия, тире, многоточия, междометие «о».

А Михаил Лермонтов красоту звезд уподобляет красоте глаз любимой девушки с юга, которая не ответила на его чувства. Страдая, в отчаянии лирический герой обращается к ней:

Много звезд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! Черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.

И хотя любовь его безответна, лирический герой хочет объяснить девушке, какой след оставили в его сердце ее черные глаза:

Очи юга, черные очи,
В вас любви прочел я приговор,

Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!
(«Черны очи»)

Лермонтову, уставшему от окружавшей его жизни, где он не нашел понимания, где «некому руку подать», свидание со звездами является единственной радостью. Это можно понять из стихотворения «Звезда», где его лирический герой просит:

Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя всегда…

А дальше герой, страдая, поясняет звезде, для чего ему необходимо ее свечение:

Твой слабый луч, сражаясь с темнотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко…

Одушевляя звезду, поэт рассказывает ей, что глаза любимой, охваченные когда-то пламенем страсти, ныне стали ему недоступны, но он жаждет их увидеть так же, как ее — звезду.

В понимании Лермонтова звезды ему так же близки и понятны, как детское блаженство. Это его состояние раскрыто в стихотворении «Небо и звезды»:

Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка.

И он, мечтая о таком безмятежном счастье, которое для него недоступно, в отчаянии кричит:

О! Для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Междометие «о» и восклицательный знак помогают читателю понять, какие глубокие чувства овладели душой говорящего. Мрачные, тягостные настроения и мучительное чувство одиночества поэта выражены им и в стихотворении «Как в ночь звезды падучей пламень», где его лирический герой с горечью признается, что он окружающему его обществу не надобен, как и огонь падающей звезды:

Как в ночь звезды падучей пламень,
Не нужен в мире я.

А в стихотворении «Выхожу один я на дорогу», сопоставляя свое душевное состояние с очарованием и гармонией одушевленной им природы, где «звезда с звездою говорит», а «в небесах торжественно и чудно», он недоуменно вопрошает:

Что же мне так больно и так грустно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

И тут же, потеряв надежду на встречу со счастьем, лирический герой сам себе в отчаянии отвечает:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Как эмоционально, выразительно, глубоко раскрыто душевное состояние поэта!

В поэзии Алексея Константиновича Толстого, о котором пойдет дальше речь, звездный мир не занимает столь большое место, как у Федора Тютчева или Афанасия Фета, но все же мы намерены раскрыть эстетическое восприятие поэта на примере двух-трех его стихотворений.

Так, в стихотворении «Туман встает на дне стремнин» лирический герой, заглядевшись на небо, усыпанное звездами, и обомлев от счастья, что любимая, которая только что сгорала от смущения перед ним, вдруг молча наклонилась к нему, не веря этой яви, волнуясь, спрашивает:

Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как дышит грудь твоя тревожно?

А в стихотворении «Запад гаснет в дали бледно-розовой» лирический герой, любуясь сонмом звезд, покрывших небо, наслаждаясь пением соловья в березовом лесу и ароматом трав, хочет, чтоб такое же душевное состояние испытывала и любимая, но ее сердце охвачено печалью и грустью. И герой, понимая причину ее печали, не желает видеть на ее лице ложную улыбку, поэтому говорит ей:

Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы!
Твое сердце болит безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая —

Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная.
Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

Экспрессивную роль в данном стихотворении играют повторы «плачь» (глаголы повелительного наклонения, выражающие просьбу героя, который рассчитывает, что плач облегчит душевное состояние героини). Эмоциональность тексту придают также восклицательные знаки, тире, эпитеты «ненаглядная», «милая» и т. д.

А вот Ивану Тургеневу, наслаждающемуся в лесу весенним вечером миром тишины, кажется, что его душевное состояние покоя передалось всей окружающей природе и, конечно, звездам, которые пробудили в нем воспоминания о счастливом детстве и согрели его душу:

Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.
(«Весенний вечер»)

Значительное место занимает мир звезд в поэзии Афанасия Фета, где звезды тоже одушевлены. Так, в стихотворении «Соловей и роза» звезды восхищенно радуются, видя счастливых розу и соловья, которые долгое время были всеми «забыты и отвергнуты счастьем», пока их не пожалел «сияющий ангел», который «уронил на них слезу огневую невольно». А звездный хор с наслаждением слушает изумительную песню соловья, который хотя и поет, но вспомнив, как грустно было его любимой розе расстаться с ним до утра, с сожалением восклицает:

Ах, опять к ночному бденью
Вышел звездный хор…
Эхо ждет завторить пенью…
Ждет лесной простор.

В образах соловья и розы автор воспел высокое чувство подлинной любви. Роза — не цветок, а девушка, чьи глаза как «две звезды… в голубых лучах», которые «горят приветно нынче, как вчера».

В стихотворении «Тихая звездная ночь» тоже все навеяно любовью к миру звезд. Звездная ночь, по мнению лирического героя, располагает к любви. Но в сердце его печаль поселилась, от которой он очень хочет избавиться, так как она не созвучна душевному состоянию любимой, которая пылает от счастья. Глядя на нее, герой ей говорит:

Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Именно эта ночь помогла и лирическому герою вытеснить из сердца своего печаль. Это можно понять из его обращения к любимой:

Друг мой, я звезды люблю —
И от печали не прочь…
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

Мы не знаем, что хотел сказать герой фразой «И от печали не прочь…», так как от волнения речь его прерывается. Но, наверное, он готов забыть о печали и предаться ласкам с любимой. «Тихая, звездная ночь» — стержневое словосочетание, способствующее изменению душевного состояния героя. Оно повторяется в тексте четыре раза, что говорит о его важности, так как в душе героя пробуждает различные оттенки душевных переживаний. А в зимнюю ночь (стихотворение «Если зимнее небо звездами горит»), если небо усеяно ярко светящимися звездами, лирическому герою кажется, что перед ним возник изумительный образ любимой. Он пытается обнаружить хоть отпечатки ее следа, но сердце его переполнено любовью, и охваченный ею герой не в силах ничего предпринять, только признаться ей:

И летел бы, летел за красою твоей —
И пускай в небе звезды горят.
И быстрей, и светлей мириады лучей
На пылинки ночные глядят.

Душевное состояние героя, вызванное созерцанием звездного мира, передается в тексте стихотворения при помощи таких средств художественной выразительности, как повторы «твой, твой», «светла и легка, светла и легка», «и летел бы, летел», слова высокого стиля «обуять», «молю», устаревшее слово «дивный»,

книжное «мириады», а также многоточия, тире и чередование длинных и коротких строк.

А в стихотворении «Я долго стоял неподвижно» лирический герой вспоминает о том времени, когда впервые его внимание привлекли звезды. Тогда герою, оцепеневшему от их красоты, казалось, что с ними у него появился контакт. И, волнуясь, забыв обо всем, он, вспомнив то смятенное состояние, признается:

Я думал… не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор…

Фету, чья душа озарена лучами звезд, кажется, что глаза любимой зажигаются так же, как «юно-нетленные звезды… всесильным, таинственным счастьем» (стихотворение «Как ясность безоблачной ночи»). Власть звезд в восприятии Фета так велика, что, по его мнению, лучом вечных звезд «блаженством овеяно тайным — и люди, и звери, и скалы». Только его, страдающего от безответной любви, не греют лучи звезд, поэтому он говорит любимой молодой царице, что по этой причине им создаются песни, лишенные творческой фантазии.

Стихотворение «Расстались мы, ты странствуешь далече» — тоже обращение к любимой женщине, где герой заверяет ее, что они обязательно встретятся, разберутся в недомолвках и поймут друг друга. А пока, волнуясь и страдая, герой советует ей:

И вечером, когда в аллее темной
Ты пьешь немую ночь,
Знай, тополи и звезды негой томной
Мне вызвались помочь.

Как видим, и в этом стихотворении одушевленные поэтом звезды «вызвались помочь» лирическому герою наладить отношения с любимой и стать таким же счастливым, как они.

В стихотворении «Молчали листья, звезды рдели» мы видим обращение к любимой, которой герой напоминает, как они, очарованные звездным небом, любовались им. Вся природа, озаренная лучами их любви, словно замерла: звезды, краснея, неотрывно смотрели на них, листья перестали трепетать. Установилась связь между природой и лирическими переживаниями влюбленных. И герой, видя это, спрашивает: «Как в этой груди затаится

хоть что-нибудь?» То есть невозможно ничего скрыть от звезд, в частности их любовь. И они, глядя друг другу в глаза, а звезды — на них, пришли к выводу, «что чище звезд» с их вечной жизнью нет ничего.

О магическом влиянии звезд на творческое сознание поэта говорит и стихотворение «С какой я негою желанья», где лирический герой признается восхищенно, как жаждал среди звезд найти свою:

С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи!
Как я любил ее мерцанье,
Ее алмазные лучи!

Эта звезда пленила его потому, что она одна не исчезала на небе никогда, всегда светилась, несмотря на тучи, которые заволакивали небо. Лирический герой думал об этой звезде, и ему казалось, что ей понятны его душевные переживания, его любовь, поэтому она сочувствует ему и бережет его чувства. И это он больше всего ощущает у «корней плакучей ивы», в саду любимой, у ее пруда.

В стихотворении «Над тобою мне тайная сила дана» Аполлона Григорьева лирический герой обращается к любимой трижды, уверяя ее, что обладает над ней загадочной властью, которая подобна силе падучей «звезды роковой». Мысли его вдруг переключаются на судьбу этой звезды. Почему ее жизнь так коротка, ведь «гореть… ярко Господь присудил»? Продолжая размышлять, герой говорит:

И сама ли нечистым огнем сожжена
Или звездному кругу чужда,
Серафимами свержена с неба она —
Рассыпается прахом звезда;
И дано, говорят, той печальной звезде
Искушенье посеять одно,
Да луковые сны, да страданье везде,
Где рассыпаться ей суждено.

Влияние магической силы этой звезды на лирического героя так огромно, что он твердо убежден: благодаря ей удастся добиться взаимности с любимой. Стихотворение обрамлено кольцевой композицией в виде повтора «над тобою мне тайная сила

дана», которая с сочетанием коротких и длинных строк, а также тире и многоточий усиливает эмоциональность текста, раскрывает душевный мир героя, его уверенность в том, что, несмотря на гордый нрав и скрытность возлюбленной, он добьется своего.

И в основе стихотворения «О, говори хоть ты со мной» тоже лежит обращение, но не к человеку, а к гитаре, одушевленной поэтом. Страдая в одиночестве, герой просит гитару, «подругу семиструнную», чтоб она разделила с ним его переживания, ведь «душа полна такой тоской», а ее он не может больше выносить. Усиливают его переживания ясная лунная ночь и одна звезда, которая «горит так ярко и мучительно». Сияние луны и звезды не соответствует его душевным переживаниям, поэтому ему кажется, что звезда своими ослепительными лучами «сердце шевелит, дразня его мучительно». И, недоумевая от отношения к нему звезды, он спрашивает у гитары:

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована…

Эмоциональное воздействие на читателя и на раскрытие всех оттенков переживания героя оказывают в тексте стихотворения синтаксические фигуры: множество многоточий, чередование восклицаний и вопросов, междометие «о». Эмоциональность текста стихотворения усиливается и лексикой поэтической, как, например, прилагательным «желанная».

Звездным миром был заворожен и поэт Иван Никитин. Так, в стихотворении «Ярко звезд мерцанье» его лирический герой, слившись с красотой природы, ликуя вместе с ней, любуясь звездами, дарящими нивам «золото», а озерам «блеск», радостно восклицает:

Звезды над полями,
Глушь да камыши…
Так и льются сами
Звуки из души!

«Звуки из души» — это прекрасные стихи поэта, источником которых стали звезды в летнюю ночь. Источником вдохновения поэта звезды явились и в стихотворении «В синем небе плывут над полями», где очарованный коротким сиянием золотых звезд

герой признается, что они в его душе пробуждали «покой и молчание», вызывая в нем желание обратиться к Богу.

Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

Даже в поэзии поэта-революционера Алексея Плещеева, призвавшего к защите интересов и прав обездоленных (стихотворение «Вперед! Без страха и сомненья»), заметно теплое отношение к звездам (стихотворение «На берегу»). В этом произведении звезды и месяц золотой разделяют радость детей, восторженно встречающих отца, вернувшегося с рыбалки с богатым уловом:

Ласково мерцали
Звезды с вышины,
Детям обещали
Радостные сны.

А героиня поэта Константина Случевского, мечтая о встрече с любимым, хочет, чтобы ее любовь, став звездой, долетела до него и наполнила его сердце такой же любовью, какой пылает ее сердце (стихотворение «Из чужого письма»).

Такую же власть звезд над чувствами человека мы видим и в стихотворении Случевского «Малость стемнело, девица поет», где герою, слушающему чудное пение девушки, кажется, что ее песня долетает до неба, заставляя там плясать звезды.

Алексей Апухтин тоже верил в магическую силу звезд, и в этом убеждаешься, читая, например, его стихотворения «О, будь моей звездой», «Ни отзыва, ни слова, ни привета», «Весенней ночи сумрак влажный», «Пусть не любишь стихов ты» и другие.

В стихотворении «О, будь моей звездой» лирический герой умоляет любимую:

О, будь моей звездой, сияй мне тихим светом,
Как эта чистая далекая звезда!

Одушевленная им звезда пленяет героя не только своей нравственной безупречностью, но и тем, что она с неба шлет с добротой свои лучи, хотя ее не волнует происходящее на земле: «она свободна и горда». Но, когда она слышит далекие, идущие от земли стоны влюбленных, охваченных страстью, ее сердце наполняется сочувствием, и тогда, волнуясь, звезда падает «на землю, о

небе позабыв». Благодаря междометию «о» и восклицаниям можно понять, как сильно переживает герой.

В стихотворении «Ни отзыва, ни слова, ни привета» поэт, не веря, что потерял любимую навсегда, что она его забыла, спрашивает ее:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

Источником вдохновения и восхищения стали звезды и для поэта Константина Фофанова. В этом убеждаешься, читая его стихотворение «Звезды ясные, звезды прекрасные», где мы видим, что звезды на ночном весеннем небе оживили душу лирического героя, обнажили его душевное состояние. В начале стихотворения звезды воспринимаются героем как «ясные, прекрасные», которые «нашептали цветам сказки чудные», а душу самого поэта переполнила «звездными сказками» земля, разбуженная весной и обласканная ею. Но настроение лирического героя меняется, когда для него настали дни тяжелые, а ночи мрачные, непогожие. Тогда он, отчаявшись, кричит, обращаясь к звездам:

Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!

В стихотворении «Шумят леса тенистые» мы видим ту же радость героя от прихода волшебницы-весны. Его радость разделяют сонмы звезд, которые «блещут взорами, мигая в небе хорами, над синими озерами, как слезы божества».

В стихотворении «За городом» лирический герой, уйдя из городского шума и погрузившись в мечты, даже не заметил, что наступила ночь. Когда навстречу первым звездам замигали огни далекого села, ему, грезящему, стало казаться:

И мнится, те огни со звездами ночными
Задумчиво ведут безмолвный разговор;
Они полны тоской, страданьями земными,
Но светлой тайною мерцает звездный взор!

Как видим, и в этом стихотворении звезды одушевлены, ведут «безмолвный разговор» с огнями села, сочувствуя страданиям

землян, хотя «светлой тайною мерцает звездный взор», словно обещая помочь.

В стихотворении же «Дрожащий блеск звезды вечерней» лирический герой, уйдя в себя, признается, что таинственные звезды и окружающая красота природы его уже не радуют, он не воспринимает их так мистически, как прежде. Страдая, он хочет в прошлое вернуться: «сны молодые попытать, любви забытой помолиться».

Звезды манили своей таинственной красотой и поэта Константина Бальмонта. Так, в стихотворении «Смотри, как звезды в вышине» его лирический герой обращается к любимой, призывая ее посмотреть на звезды, которые щедро дарят им свои лучи:

Смотри, как звезды в вышине
Светло горят тебе и мне.
Они не думают о нас,
Но светят нам в полночный час.

И, прославляя эти звезды, герой, желая пробудить в душе любимой такое же пылкое отношение к ним, как и у него, рассказывает ей, как прекрасны они, как, украшая небо, радуют сердца тех, кто их замечает и любуется ими. И тут же, посмотрев на любимую, просит ее стать его звездой на всю жизнь, никогда не разочаровывать его, быть всегда источником творческого вдохновения для него, помочь достичь широкой известности, то есть стать знаменитым:

Моя любовь, моя звезда,
Такой, как звезды, будь всегда.
Горя, не думай обо мне,
Но дай побыть мне в звездном сне.

Такое же восторженное восприятие звезд и окружающей природы мы видим и в стихотворении Бальмонта «Она отдалась без упрека», состоящем из трех катренов. Причем в каждом из четверостиший первые две строчки соединяются с остальными тире, а каждая строфа заканчивается восклицательным знаком. Эмоциональное состояние влюбленной в него женщины, которая, не раздумывая, вступила с ним в связь, поэтом сравнивается с ярким горением звезд:

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

А Иван Бунин признается в стихотворении «Ту звезду, что качалася в темной воде», что звезду, которую он облюбовал в юности, которая до зари светилась на воде пруда, не придется ему больше видеть, так как никогда не вернется он в то село, где рассчитывал найти счастье и радость, но не нашел:

Ту звезду, что качалася в темной воде
Под кривою ракитой в заглохшем саду, —
Огонек, до рассвета мерцавший в пруде, —
Я теперь в небесах никогда не найду.

В стихотворении «Гаснет вечер, даль синеет» лирический герой, обозревая ширь полей степных, наслаждаясь медовым запахом белой цветущей гречихи, видя наступление ночи, завидует тем, кому предстоит после рабочего дня остаться ночевать в степи, потому что для этих людей «мерцают кротко, светятся с приветом в темном небе темной ночью звезды тихим светом».

В отличие от этого стихотворения, где имеет место ряд восклицаний и многоточий, в стихотворении «В окошко из темной каюты» настроение героя упадническое. Корабль он называет «темным полуночным гробом», а все вокруг — потопом. Его не раздражает лишь:

Одно только звездное небо,
Один небосвод недвижим,
Спокойный и благостный, чуждый
Всему, что так мрачно под ним.

Душевное состояние героя вновь меняется в стихотворении «Ночь и даль седая». В зимнюю ночь он, «затаив дыхание», наслаждается в тишине панорамой: «в инее леса, звездами мерцая, светят небеса».

И когда пришла волшебная весна, поэт испытывает радость, поэтому он говорит, что «звезды ночью весенней нежнее, соловьи осторожней поют…». Вот почему он любит «эти темные ночи, эти звезды, и клены, и пруд».

Но внезапно мысли его под впечатлением от звезд переносятся к любимой, которой он признается в своих чувствах:

Ты, как звезды, чиста и прекрасна…
Радость жизни во всем я ловлю —
В звездном небе, в цветах, в ароматах…
Но тебя я нежнее люблю.

Паузы здесь указывают на взволнованность героя и служат выразительности стихотворения.

Причину трогательного отношения поэта к звездам, его влюбленность в них очень точно можно понять из стихотворения «Ночь», где он признается:

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звездный час над сумраком земли.

Но он не сможет забыть никогда ту ночь, когда он встретился на берегу с девушкой, пришедшей к нему. Поэтому герой радостно восклицает:

И не забыть мне этой ночи звездной,
Когда весь мир любил я для одной!

Об огромной любви Бунина к звездам говорят и такие его стихотворения, как «За все тебя, Господь, благодарю!» и «Не устану воспевать вас, звезды!». Во втором стихотворении поэт поясняет, обращаясь к светилам, за что он их любит:

Вечно вы таинственны и юны.
С детских дней я робко постигаю
Темных бездн сияющие руны.

Но тогда, в детстве, он восторгался бессознательно ими, они для него «сказкою нежной мерцали». А позже, в «молодые годы», он «только с ними… делил надежды и печали». И тут в душу поэта вселяется с воспоминаниями грусть, и он печально говорит, обращаясь к звездам:

Дни пройдут — вы будете светиться
Над моей забытою могилой.

В конце стихотворения герой, продолжая разговаривать со звездами, в раздумье обещает им:

И, быть может, я пойму вас, звезды,
И мечта, быть может, воплотится,
Что земным надеждам и печалям
Суждено с небесной тайной слиться!

У Николая Гумилева звезды связаны с обращениями к любимой, преклоняясь перед которой, он говорит, что если звезды,

чувствуя свою власть над землей, откажутся щедро дарить свои лучи земле, то ее надежно, бестрепетно будут освещать глаза любимой — «смелые очи ее».

А в стихотворении поэта «Рассыпающая звезды» мы констатируем уже противоположное отношение к возлюбленной:

Надежный друг мой, беспощадный враг,
Так благословен твой каждый шаг,
Словно по сердцу ступаешь ты,
Рассыпая звезды и цветы.

Еще одному поэту Серебряного века Игорю Северянину, на каком-то пиршестве поднимающему с друзьями бокалы с шампанским и прославляющему счастливую жизнь, кажется, что звезды, радуясь вместе с ними, ярко им сияют. И, видя это, подруга его радостно воскликнула: «Как звезды — ярки!» Затем у героя и героини от волнения «полились слезы, восторга слезы…». И восхищенный герой вопрошает: «Минуты счастья! Я вижу вас ли?» Но понимая, что наступает день, загрустив, сделав паузу, он сказал: «А звезды… гасли».

Рюрик Ивнев (Михаил Александрович Ковалев), поэт высокой нравственности, любящий до глубины души людей, сочувствующий им, тоже не был равнодушен к красоте звезд. Так, уже из заглавия стихотворения «Верни мне…» можно понять, что какое-то сильное чувство, охватившее поэта, не дает ему закончить свое обращение.

Дальше, погрузившись в текст стихотворения, мы узнаем, что герой страстно просит кого-то возвратить «звезд холодное сияние», но не всяких звезд, а тех, что он увидел в памятную для него ночь когда-то. Страстно желая вновь с ними встретиться, герой их «до утра беспомощно зовет». Но поняв, что то, о чем он просит, невозможно, не перестает мечтать:

Пусть совершится чудо бредовое,
Я должен к небу перекинуть мост,
Вновь задыхаться буйною травою
И пить лучи неповторимых звезд.

В стихотворении «Какое счастье, что за эти строки» Рюрик Ивнев рад тому, что, даря людям свои творения, «не получал золота и славы», а был счастлив тем, что слушали его цветы, деревья, травы, что нередко он мог наслаждаться беседой со звездами.

А Всеволод Рождественский, гуляя в лесу, наслаждаясь тишиной и миром звезд, испытывая творческое вдохновение, веря, что станет известным, уверенно пророчит:

Вечной останусь над морем звездой,
Птицей, растением, зверем, водой,
И человеческий голос во мне
Чьей-то по-братски ответит струне!
(«Нет, не напрасно я в звездном лесу…»)

Значительное место звездная страна занимает и в поэзии нашего любимого современника Николая Добронравова, поэта высокой нравственности и чистоты, который безоговорочно любит родину и всех ее обитателей. Добронравов верно отмечает, что стихи талантливых поэтов останутся в сердцах людей как вечная память, как бессмертные звезды. Читая его прекрасные стихи, веришь во что-то светлое, как девочки, танцующие на палубе, верили «в трудное счастье»:

Ведь не зря звезды под ноги падают, падают,
И любуется ими тайга.

А в стихотворении «Звездопад» Добронравов до того очарован падающими лиловыми звездами, что забывает загадать желание, зная понаслышке, что звезды падают на счастье.

И он, поэт доброй души, о чем говорит и его фамилия, обращаясь к мальчишкам и девчонкам, наблюдающим звездопад, спрашивает их, что пожелать им. Николай Добронравов дает мудрый совет:

Как бесконечны звездные дали,
Мы бы на яркость людей проверяли.
Прав лишь горящий, презревший покой,
К людям летящий яркой звездой…

Это патриотическое стихотворение побуждает молодежь не быть бездеятельными, ценить людей по таланту, любить труд, быть преданными родине и народу, стоять на страже их интересов.

Такие же глубоко философские мысли пронизывают и стихотворение Добронравова «Нежность», написанное в соавторстве с Сергеем Гребенниковым. Это гимн святости и верности, любви женщины, которая, храня в своем сердце воспоминания о любимом человеке, тоскует от одиночества: для нее без него

опустела Земля. А ему, парящему в небесах, звезды преподносят в дар «свою нежность». Так, по мнению авторов, звезды отдавали свою нежность и Антуану де Сент-Экзюпери, французскому писателю и летчику, который являлся примером для подражания, в особенности для молодежи. К нему, талантливому прозаику и поэту, авторы питают глубокое уважение, восхищаются его подвигом.

А герой поэта Роберта Рождественского (стихотворение «Эхо любви»), славя вечную любовь, обращаясь к любимой, заверяет ее, что даже если и «покроется небо пылинками звезд», как бы далеко от него она ни была, в его сердце не погаснет любовь к ней, так как они — «звездная память друг друга». Все стихотворение проникнуто верой в бессмертие любви. Это радует сердце лирического героя.

В бессмертие верит и поэт Евгений Евтушенко, который в эпилоге стихотворения «Голубь в Сантьяго» объясняет причины страстного стремления Циолковского проникнуть в космические дали, узнать тайны вселенной. По мнению Евтушенко, тот «рвался к звездам потому, что заселить хотел он целый космос людьми, бессмертьем равными ему». А свой конец Евтушенко представляет так:

И на звезде далекой, гололедной,
Бросая в космос к людям позывной,
Я буду славить жизнь, как голубь мертвый,
Летающий бессмертно над землей.

Звездами были пленены не только русские поэты, но и многие поэты других национальностей, представляющие нашу страну. Подтверждение тому — поэзия северокавказских поэтов Расула Гамзатова, Раисы Ахматовой, Зубера Тхагазитова, Ахсара Чеджемова, Акима Галуева и других. Так, известный всему миру дагестанский поэт Расул Гамзатов в стихотворении «К дальним звездам, в небесную роздымь» выразил свое стремление достичь вершин поэтического мастерства своих великих предшественников, подняться до их апогея славы. Он, мечтая, обращается к ним:

Люди, люди — высокие звезды,
Долететь бы мне только до вас.

Гамзатов воспевает звезды, наделяя их возможностями людей. Например, в стихотворении «Звезды» он сравнивает небесные

тела с заглядывающими в его стих очами «тех, кого уж нет в живых». И поэт старается быть совестью не вернувшихся с войны. Заканчивается стихотворение выраженной автором надеждой:

Горец, верный Дагестану,
Я избрал нелегкий путь.
Может, стану, может, стану
Сам звездой когда-нибудь.

В стихотворении «У Максобского моста» лирический герой вспоминает свои молодые годы, как они с любимой лежали на лужайке, радуясь жизни.

Эту ночь, как признается сам герой, он не сможет забыть никогда. Опьяненный счастьем, он воспринимает все вокруг необычно: небо ночное, щедро освещая их звездами, ощущалось как существо, дарящее им с любимой горстями созвездия. Продолжая вспоминать эту незабываемую ночь, герой признается: «Я на звезды не мог наглядеться, надышаться от счастья не мог»…

Гамзатов ощутил радость, побывав в гостях у Самуила Маршака. Беседы с Самуилом Яковлевичем, «тихой звездой», обогатившей его мудрыми наставлениями, привели в восторг, заставив с благодарностью сказать:

В печали, в радости, в тревоге
Свети мне, добрая звезда.

А из стихотворения Расула Гамзатова «Три звездочки вверху горят», где начало и конец скреплены кольцевой композицией, мы узнаем, как много значит для поэта любовь к жене Патимат. «Три звездочки» — это три слова «я тебя люблю»:

Три звездочки вверху горят —
Я начал о тебе стихи.
Три звездочки стоят подряд —
Я кончил о тебе стихи.
Так я писал все десять лет…

Землячка Расула Гамзатова Фазу Алиева, замечательная поэтесса, считает, что звезды — это небесные стражи (стихотворение «Звезды в небе землю охраняют»).

В другом стихотворении Ф. Алиевой «звезды, блуждая, по снегу идут — по звериным следам». А в поднебесье «за звездою звезда поднялись и над лесом горят».

В стихотворении «Падает кометою бывшая звезда» поэтесса, видя, как звезда «предсмертным светом гору огибает», спрашивает кого-то:

Что это? Задумайся, чья это беда,
Не любовь ли наша в небе погибает?

Лирическая героиня одушевляет звезды, сравнивает их с детьми:

Смехом заливаются, плачут и растут
Звезды, словно дети, в синей колыбели.
Это не любовь ли сохранить сумели
Люди те, что жили и сейчас живут?

Размышляя о своем будущем, Фазу Алиева в стихотворении «Звезда судьбы моей» думает, что ее участь подобна року звезды и падающей кометы, что она «стремительна, чиста и пламенна, как в ночь летящая звезда». И, продолжая сравнивать себя с падающей звездой и кометой, лирическая героиня заявляет:

Чертя горящий след, я падаю во тьму,
Лечу — и нет конца паденью моему.
Кометой я лечу, влача огнистый хвост.

И тут же признается, что быть кометой ей больше по душе, чем быть неподвижной звездой. Поэтому она гордо говорит:

Чем без конца висеть в холодной вышине,
Уж лучше пролететь — сгореть в своем огне!

Но Фазу Гамзатовна не всегда желает видеть звезды. Так, в стихотворении «Погружаясь в полночь» она признается:

Я люблю эту тьму глубокую,
Где и звездочки малой нет.

Тогда, по ее мнению, ничто не будет отвлекать ее внимание, и она в полночной тишине, отдавшись своему дару, найдет в своем сердце «самоцветы своей души», то есть уподобляемые ею звездам строки стихов, которые подарит нам, читателям:

А потом разбросаю щедро
Самоцветы моей души.
Сколько звезд накопилось в сердце!
Я их блеском осыплю тьму!

В стихотворении же «Не люблю я ночь» мы чувствуем уже другое душевное состояние героини: она теперь неприязненно относится к ночи и слабо светящимся звездам, то есть к неполноценным стихам. Но при этом любит «яркую звезду, что помогает, разгоняя светом темноту», рождая в сердцах людей радость жизни, любовь к родине, труду. Такие же стихи «по отдаче света и тепла» уподобляются поэтессой кострам.

А замечательный балкарский поэт Кайсын Кулиев с грустью и сожалением говорит о том, что не смог спасти ушедших в иной мир «ни братьев, ни сестер» и, словно прощаясь с жизнью, обращается к звезде:

И в черный час, когда
Я зов услышу дальний,
Мелькни, моя звезда,
Дари мне свет прощальный!

В стихотворении «Колодцы, реки и моря издревле…» Кулиев, влюбленный в звезды, выразил свое недоумение в отношении людей, которые не любят любоваться красотой звезд, без которых «не могут жить ни птицы, ни деревья». Поэту эти люди напоминают кабанов, которые все время «смотрят вниз и рыщут в болотах, в камышах, в замшелой мгле».

Его лирический герой, понимая, что «бессмертия нет на земле, что вечны лишь звезды, что горят во мгле», в стихотворении «Пусть истина стара» поет гимн звездам и истинно влюбленным, для которых «свет дальних звезд… стоит в глазах зажженных, иль звезды — отблеск их горящих глаз бездонных?».

В конце стихотворения он приходит к философскому выводу:

И если на земле
Влюбленных вдруг не станет,
Созвездий свет во мгле
Светиться перестанет.

Кабардинский поэт Зубер Тхагазитов в стихотворении «Земная звезда» вспомнил, что в юности весенней ночью, услышав, что у него в небесной вышине есть звезда своя, выбежал, очарованный, в сад в поисках ее. И долго он смотрел на звезды, все пытаясь угадать, которая из них его. Но, так и не сумев узнать, печальный, вернулся в дом. Уснув пленительным сном, ему пригрезилось, как «дружно высыпали на простор сверкающими искорками звезды». Ему даже показалось, что «звезды чуть щекочут ему ладонь». И он

вновь и вновь думает, какую же из них назвать своей, если «одна мала, другая велика, а третья светит слишком бледным светом». Поэтому:

Все к новым звездам тянется рука,
Они звенят, как медные монеты.
Звезду поярче разом выбрал я,
Ту, что над крышей нашею сияла.

Но как-то раз, посмотрев, как всегда, в небо, он не увидел там своей звезды. Уйдя в себя, лирический герой усердно пытается понять, почему ему не улыбается фортуна в страстном желании найти свою звезду. И вдруг, подумав, приходит к выводу:

Быть может, их ищу не там, где надо,
А может, мне взглянуть на землю надо?

И тотчас возникла идея обратиться с вопросом к девушке, не она ли его звезда:

Звезда моя — не ты ли, Даханаго,
Ты вся пылаешь, глядя на меня?

Поняв, что Даханаго любит его, он от радости кричит, обещая ей:

Тебя звездою назову отныне,
Свети, свети, глаза мои слепя!
Тот, кто горит, горит не для себя!

И теперь, сожалея, что раньше не понял, что «остывают звезды без яркого огня», что в сонме звезд не найти свою в поднебесье, герой призывает всех искать свою звезду на земле. А дальше он философски советует:

Когда найдете — крепко берегите
Ее непрочный, но прекрасный свет.
И щедро целый мир дарите милым,
Горите сами яркою звездой,
Чтоб не остаться сумрачным, унылым,
Как дерево, спаленное грозой.

В стихотворении «Золотые пчелы» Зубера Тхагазитова звезды являются источником вдохновения. Это благодаря им, «золотым пчелам», в сердце героя ожили прекрасные мгновения его былой любви к той, которой был любим. Любя ее до сих пор, воспроизведя

ее образ в памяти, он думает, что глаза ее были сходны своим блеском со звездами.

Как глубоко раскрываются душевные переживания героя при помощи повторов («золотые пчелы, золотые пчелы») с многоточиями, междометием «ах» и знаками тире!

Чеченская поэтесса Раиса Ахматова, как и Фазу Алиева, порой не любит ни ночь, ни звезды. Так, в стихотворении «Я помню их упорным зреньем детства», где, восхищаясь природой родного края, очарованная раскрывшейся перед ней панорамой, она радостно восклицает:

О, есть ли что прекрасней и роднее
Таких минут предутренней поры,
Когда заря в полнеба пламенеет
И гасит звезд летучие костры?

А в стихотворении «И вновь разлука встала у порога», уезжая в командировку, она спрашивает у путеводной звезды: «Ты ждешь, звезда? Ну что же, я готова. Тебе опять следить мои пути». И обещает звезде гордо: «Я все снесу, я все осилю словом!»

В стихотворении «Не спится долгими ночами» она просит у звезды сна, а та, вникнув в ее переживания, «улыбалась ей с высоты». А в стихотворении «Ночь» лирическая героиня воспринимает «россыпь звезд как сказочную роспись», мечтает «забиться родниковой водой или к далеким звездам устремиться». Она обещает и любимому:

Ты — главный человек в моей судьбе,
Сниму звезду и подарю тебе.

В стихотворении «Лунной тропою» она вспоминает, уйдя в прошлое, как была счастлива, когда любимый был рядом, и как тогда восторженно воспринимала окружающий мир:

Я видела: Земля несется.
Глаза в глаза, рука в руке.
Звезда счастливая, как солнце,
В моем качалась роднике.

Ингушский поэт Вахид Итаев в сборнике стихов «Тишина» философски утверждает о звездах:

Если б не было звездного неба,
Не стоило бы жить.

Поэтому неудивительно, что он мечтает:

Полежать бы долго-долго
На середине Млечного Пути,
Слушая симфонию галактик
И песни одиноких звезд.

Уйдя мысленно в звездный мир, Итаев вдруг вспомнил легенду о звездах:

Предание я слышал:
Душа того,
Кто честно прожил жизнь свою,
Взлетает в небо
И загорается звездой.

Загадочным звездным миром были зачарованы и многие осетинские поэты. Например, Ахсар Чеджемов назвал первый сборник своих стихов «Звездный водопад», выразив тем самым свою любовь к светилам. Так, в стихотворении «Звезда моей радости» поэт уподобляет образ любимой звезде. Страдая от безответной любви, лирический герой обращается к любимой с вопросом: какие слова, какие звуки он должен достать из глубины сердца, чтобы ему сверкнула звезда счастья, то есть чтобы любовь стала взаимной?

Другой осетинский поэт Аким Галуев в стихотворении «Горящая звезда», наблюдая за падающей звездой, предсказывает:

Когда в ночи звезда падучая
Прочертит свой последний штрих,
Из настоящего в грядущее
Я уношусь в мечтах своих.

И, думая о будущем, лирический герой с грустью говорит:

Ни мне и ни моим товарищам
В грядущем жить не суждено.

И, словно протестуя, он убеждает:

Но ведь живет звезда умершая
И после смерти сотни лет,
И сотни лет на землю грешную
Звезды погасшей льется свет.

Опираясь на сказанное, лирический герой желает, чтобы энтузиазм людей, близких ему по возрасту, донесся «как свет

сгоревших звезд, до его прапоколения через глубины вечных верст».

Но потом в обществе людей будущего им полностью овладеет печаль, и он обещает:

…вновь сгорев, звездой падучею
Я к современникам вернусь.

Поэт Феликс Цаликов в стихотворении «Звезда моей жизни набухла от тяжести мыслей», жалуясь на свою безрадостную жизнь, говорит с той, которую постоянно видит во сне. Свершилось диво: неожиданно для лирического героя любимая девушка загорелась в его сердце «звездой рассветной». Однако грезам не суждено осуществиться:

…богиня, звезда с неба спустилась,
С улыбкой прошествовала мимо по тропке своей,
И сердце, как в юности, снова от счастья забилось,
Но юность моя уж давно спит в могиле своей.

И герой, видя, что он безразличен возлюбленной, с грустью желает ей:

Гори, моя звездочка, счастья тебе и удачи.
Лови свои радости сетью, руками, душой.

Конечно, звезды своей таинственностью привлекали внимание и многих других осетинских поэтов: Камала Ходова («Утренняя звезда»), Гиго Цагараева («Земные звезды»), Сергея Хугаева («Утренняя звезда»)…

Пожалуй, ни один образ в русской поэзии не использовался так часто, как образ звезды. Без сомнения, своими корнями этот образ уходит в Библию, к образу Вифлеемской звезды. Подтверждение этому можно найти в стихотворениях Константина Батюшкова («Освобожденный Иерусалим»), Василия Жуковского («Утренняя звезда»), Петра Вяземского («Весеннее утро»), Александра Блока («Я не предал белое знамя») и других.

Как показали проведенные наблюдения, образ звезды в поэзии сопровождается различными эпитетами, которые можно классифицировать по нескольким группам:

эпитеты временные (темпоральные) — «вечерняя», «ночная», «утренняя»;

живописные — «золотая», «синяя», «белая», «прозрачная»;

пространственные — «дальняя», «далекая»;

оценочные — «отрадная», «мирная», «печальная», «чистая», «роковая».

Довольно часто образ звезды олицетворяется («звезда с звездою говорит» — Лермонтов; «звезда любит звезду» — Бальмонт).

Что касается метафорики звезды, то она обычно связана с женщиной. Кроме того, часто звезда символизирует судьбу, славу, свободу, надежду, спасение, любовь, жизненный путь (путеводная звезда), счастье. Вместе с тем иногда звезды символизируют грусть, тоску, смерть.

Часто символ звезды связан с философскими размышлениями поэтов, что наиболее характерно для поэзии Фета, Тютчева, Лермонтова. Звезда у этих поэтов функционирует как некий идеал, к которому стремится лирический герой.

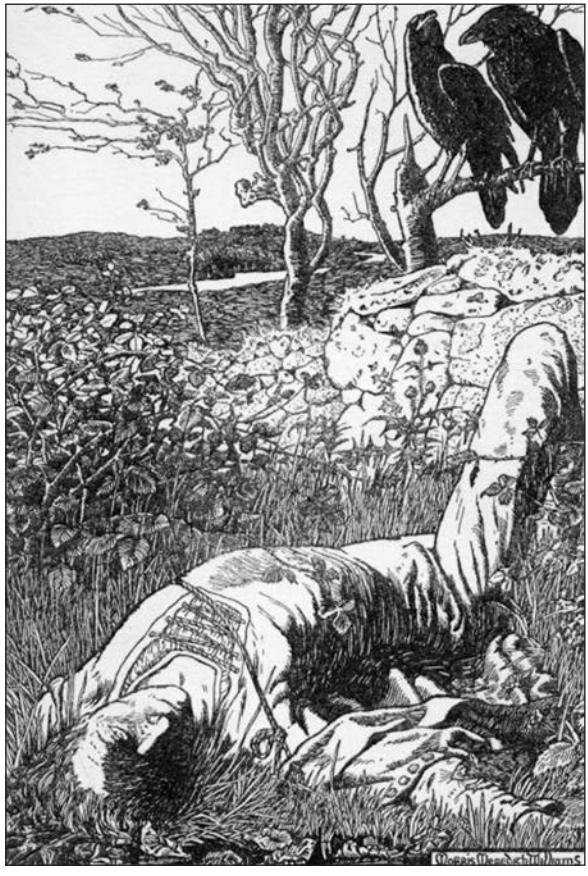
В поэзии Блока звезда символизирует возлюбленную. В стихах Пушкина, Апухтина звезда выступает как символ высокой любви, как фон для создания обстановки влюбленным.

Исследование показало, что образ звезды является «сквозным» в русской поэзии, а его использование традиционно. При этом каждый поэт в создание образа звезды привносит нечто новое, однако чаще всего звезда представляет собой символ, сопровождающий лирического героя в наиболее важные периоды его жизни.

Помня о духовной преемственности культуры, мы попытались осмыслить, как интерес русских поэтов к звездному миру отразился и на поэтах Северного Кавказа.

Дзерасса ХЕТАГУРОВА

«Два ворона»:
рецепция народной шотландской баллады в русской и осетинской литературе (А. С. Пушкин, Г. М. Цаголов)



В оформлении использована работа М. Уильямса. 1911 г.

Жанр баллады пришел в литературу из фольклора. Баллада — «лиро-эпический жанр англо-шотландской народной поэзии XIV–XVI вв. на исторические (позднее также сказочные и бытовые) темы», ее отличительные особенности соотносятся «с трагизмом, таинственностью, отрывистым повествованием, драматическим диалогом» [5, с. 69]. Сюжеты баллад отличаются вариативностью, образ рассказчика неважен, ведь баллада по сути это драматическая песня с хоровым припевом, возникшая в результате общего творчества, индивидуальность певца она не отражает, ориентированность на авторство отсутствует. Именно различность в прочтении основной канвы сюжета той или иной баллады служила гарантом ее полноценной жизни в веках, множество вариантов — шкала популярности в народе: «От исполнителя к исполнителю что-то неминуемо терялось, добавлялось, изменялось. <…> В результате баллада как бы “расслаивалась” на варианты, которые отличались один от другого по содержанию, объему, деталям сюжета» [2, с. 456]. Отсутствие фиксированного текста — важнейшая и привлекательная черта баллады и для литературного творчества, когда авторское прочтение меняло акцентировку, добавляло новые смысловые пласты в уже привычную структуру текста.

Интерес к жанру баллады возник в эпоху предромантизма и романтизма (конец XVIII — начало XIX века), что связано с повышенным вниманием к историческому прошлому, с идеализацией Средневековья и, шире, всей старины и архаики. Одной из заслуг романтизма является ориентированность на народность в искусстве, что связано «с поиском некой литературной “формулы” народного самосознания, романтизм дал плеяду национальных

поэтов, выразивших "дух народа"» [10, с. 894], что неоценимо обогатило индивидуальное творчество и углубило развитие художественного языка. Именно романтизм «открывает историческую объемность художественного слова», когда само развитие истории понимается как «воскрешение вечных, изначальных смыслов» [10, с. 898]. Это осознание неразрывности нарратива литературы, искусства — заслуга философии романтиков, когда прошлое заговорило современным языком. Как утверждает Новалис, «мы соотносимся не только со всеми частями универсума, но с будущим и прошедшим» [11, с. 108].

Одна из самых популярных шотландских баллад "The Twa Corbies" («Два ворона») подтверждает идею романтиков о неумирающем в веках народном духе. Переведенная на множество языков мира, она стала популярной во многих странах как фольклорная песня и как самостоятельный литературный текст.

«Два ворона» относится к группе баллад раннего Средневековья, для них свойственна связь с эпосом, легендами и преданиями времен родового строя, локальность сюжетного действия, «они зачастую построены вокруг одной сцены или отдельного эпизода. <…> имеют общий мрачный колорит; основными темами являются смерть… убийство» [6, с. 54–55]. Все перечисленное относится и к анализируемому произведению:

As I was walking all alane,
I heard twa corbies making a mane;
The tane unto the t'other say,
'Where sall we gang and dine to-day?'

'In behint yon auld fail dyke,
I wot there lies a new slain knight;
And naebody kens that he lies there,
But his hawk, his hound, and lady fair.

'His hound is to the hunting gane,
His hawk to fetch the wild-fowl hame,
His lady's ta'en another mate,
So we may mak our dinner sweet.

'Ye'll sit on his white hause-bane,
And I'll pike out his bonny blue een;
Wi ae lock o his gowden hair
We'll, theek our nest when it grows bare.

'Mony a one for him makes mane,
But nane sall ken where he is gane;
Oer his white banes, when they we bare,
The wind sall blaw for evermair [16, с. 30].

Когда я гулял в одиночестве,
Я услышал, как два ворона разговаривали.
Один говорил другому:
«Куда мы сегодня направимся с тобой пообедать?»

«Там, за старой дерновой оградой,
Я знаю, лежит недавно убитый рыцарь.
И никто не знает, что он лежит там —
Только его ястреб, его гончий пес и его прекрасная дама.

Его гончий пес охотиться убежал,
Его ястреб несет убитую дичь домой,
Его дама взяла себе другого супруга,
Так что мы можем сладко пообедать.

Ты сядешь на его белую грудь,
А я выклюю его красивые синие глаза,
Его золотыми локонами
Мы украсим наше обветшалое гнездо.

Многие бы оплакали его,
Но никто не знает, куда он пропал.
Над его белыми косточками, когда они обнажатся,
Лишь ветер будет выть вечно».

(Подстрочный перевод автора статьи. — *Д. Х.*).

Главные смысловые центры в тексте: предательство, забвение, смерть и ее детализация. Для эпоса и баллад раннего Средневековья кровавые подробности, трагизм и одновременно обыденность смерти являлись неизменным атрибутом времени, в Англии и Шотландии XIII–XIV веков «вооруженные столкновения происходили очень часто, и человеческая жизнь не имела такой ценности, какую она приобрела позднее, когда начал утверждаться принцип антропоцентризма» [6, с. 56].

Сюжет баллады «Два ворона» строится на диалоге двух птиц, разговор которых подслушал рассказчик, чья функция сводится только к пересказу истории, без оценки и отношения к событиям.

Фантастический элемент — говорящие птицы — лишается всего сказочного и волшебного, становясь частью реальности, в которой в аллегорическом и символическом смысле вороны — вестники смерти, ее воплощение. В семантическом плане интересна дихотомичность и многозначность каждого образа в тексте: рассказчик обезличивается, он есть и его как бы и нет; вороны, олицетворяя негатив смерти, в то же время являются единственным рупором памяти об убитом рыцаре и месте его упокоения. В свою очередь, те, кто должны олицетворять верность и любовь (сокол, пес, прекрасная дама), предают рыцаря и становятся если не виновниками, то соучастниками убийства, о котором знают лишь они. То же относится и к кровавым деталям: выклеванные глаза, локоны героя и его кости не служат пугающими элементами, это всего лишь пища для птиц и сырье для гнезда. Привычность и обыденность сливаются с трагизмом и горечью ситуации. Происходит корреляция образов-основ текста (вороны, сокол, пес, дама), но неизменной, монументальной остается лишь концовка: тотальная реальность смерти. И не птицы главный символ ее неизбежности, а ветер, который будет дуть вечно над костями и прахом всеми забытого героя. В этом трагическом «навсегда» смерти и есть ее бесконечная и всепоглощающая закономерность. Не только поэтические образы приобретают дополнительную коннотацию, но и сам текст за кажущейся простотой скрывает бездонную глубину интерпретаций. Эта сложная простота отличает и сам музыкальный мотив фольклорной песни, которую исполняют и по сей день как в Шотландии (“The Gorms”, Hamish Imlach, “The Corries”), так и за ее пределами (“Schelmish” в Германии).

Первооткрывателем баллады “The Twa Corbies” («Два ворона») для русского читателя явился А. С. Пушкин, который перевел ее в 1828 году. Пушкин взял текст из французского варианта (1826 г.) сборника шотландских баллад В. Скотта “Minstrelsy of the Scottish Border” (1803 г.). С именем Пушкина связан рост интереса к англо-шотландским балладам в России в целом, его переводы явились удивительным образчиком слияния идей первоисточников, народных традиций русского фольклора с собственно авторским прочтением и видением оригинала. Специфика баллады «в русском представлении связана с балансированием между своим и чужим, отечественным и иностранным, оригинальным и переводным. Баллада одно из мерил переводческой техники и переводческого мастерства» [13, с. 134],

именно великолепную стилизацию и высокий профессионализм переводчика демонстрирует А. С. Пушкин в стихотворении «Ворон к ворону летит…».

Пушкинских «Двух воронов» исследователи называют вольным переводом, так называемым «переводом-переделкой», что означает ассимиляцию «в оригинальном творчестве основных или второстепенных мотивов оригинала, с подчинением их целиком индивидуальности переводчика… Определяющим моментом здесь будет не степень близости… оригинала, а… выражение иной, чем у образца, художественной цели» [4, с. 317]. В переводах Пушкина главное — это «постоянная установка на родной язык <…>, требования народности, реализма, воссоздания духа и форм подлинника» [4, с. 312, 316]. Поэтому и баллада «Два ворона» в интерпретации Пушкина становится самостоятельным стихотворением, несмотря на несомненную связь с первоисточником (один из вариантов названия стихотворения «Шотландская баллада»). Если обратиться непосредственно к анализу произведения, то Александр Сергеевич, как отмечают многие пушкиноведы, в своем переводе идет «на намеренную “русификацию”: возникают картины, приближающие героев и характер действия именно к русскому народному творчеству» [8, с. 36):

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
«Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?»

Ворон ворону в ответ:
«Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая».

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милога,
Не убитого, живого [12, с. 76].

Сохраняя основную линию сюжета, Пушкин отказывается от голоса рассказчика и намеренно сокращает концовку оригинала, исключает кровавые подробности разрушения и тления, акцентируясь на мотиве предательства. «Русификация» в стихотворении проявляется на лексическом уровне при замене «рыцаря» на «богатыря», «охотничьего пса» на «кобылку вороную», «прекрасную даму» на «хозяйку». Эти изменения необходимы автору для переноса «действия в обстановку, обычную для произведений русского народного творчества» [9, с. 112], и указывают на аллюзии с конкретными образцами русского фольклора: «Ах ты поле мое, поле чистое…», «Горы Воробьевские», где также имеются убитый добрый молодец под ракитой и тайна его смерти. Как отмечает исследователь творчества Пушкина Лобанова, «возможность использования русской протяжной песни при переводе шотландской баллады заложена в близости их сюжетов» [9, с. 115], что является нередким явлением для мирового фольклора с бродячими сюжетами в культуре различных стран и народов.

Следует отметить множество вариаций прочтения основной темы и идеи данного произведения, что демонстрирует гениальность автора. Так, Лобанова выделяет главным в тексте «смерть героя и брак его жены с убийцей» [9, с. 120]; Кошелев указывает на то, что «Пушкин демонстрирует возможность создания вполне "детективного" развития действия минимальными художественными средствами. <…> Перед нами история заказного убийства, выявленная в намеках» [8, с. 38, 41]; а Векшин уделяет внимание тому, что «прекрасная дама» из первоисточника не случайно превратилась именно в «хозяйку» — то есть в верную жену, которая, зная о смерти героя, готова ждать его вечно, «так как не может… признать силу смерти… Она знает о его гибели физической, но ждет встречи с ним там, где нет смерти» [3, с. 54]. Кроме того, Пушкин изменил и общий эмоциональный фон баллады, отказавшись от трагизма безнадежности оригинала, производя рокировку акцента с убийства героя на выбор жизненных приоритетов для сокола, кобылки и хозяйки уже после случившегося. У Пушкина убийство это одно из событий в бесконечном движении жизни, «тайна смерти для него — абсолютная величина и ценность, удивительным образом снимающая земные противоположения» [3, с. 54].

Тем самым стихотворение Пушкина сохраняет общую структуру сюжета оригинала: загадка убийства героя, разговор двух воронов, три центральных персонажа, но при этом имеет ярко вы-

раженный национальный колорит на уровне лексем и отсылок к русскому фольклору. Александр Сергеевич создает собственное, отличное от первоисточника художественное пространство с авторской идеосферой и ценностной ориентировкой не на трагедию смерти, а на надежду и естественные законы всякого существования.

Если стихотворение Пушкина хоть и вольный, но перевод шотландской баллады, то произведение осетинского поэта Г. М. Цаголова представляет собой самостоятельный текст, стилизованный под народную песню с аллюзиями на основные сюжетные маркеры баллады "The Twa Corbies" («Два ворона»).

Стихотворение впервые было непечатно в газете «Новое обозрение» (1897. № 4497. 2 февраля) под заглавием «Народная песня»:

«Ну, в дорогу, братец милый!
Будь счастлив, как прежде был!..
Прочь с дороги, враг постылый, —
Нас Господь всегда хранил.

Покровитель Всадник Черный[1]
Да укажет путь тебе…
Сам ты храбрый, конь проворный,
Лучшей шашки нет в селе.
Черным Всадником хранимый,
Совершишь набег ты свой
И вернешься в дом родимый
Вновь с добычей дорогой…»
Так раз Дана молодая
Брату позднею порой
Говорила, провожая
В молодецкий балц[2] *ночной.*

Вот уж много дней уплыло…
Дана с балца брата ждет,
Но не едет братец милый
И подарков не везет.

[1] Всадник Черный (*из осет. фолькл.*) — покровитель авантюристов, воров, разбойников и др. (Здесь и далее примечания даются автором статьи. — *Ред.*)

[2] Балц (*осет.*) — поход, поездка.

Ой, не жди уж, дорогая!
Не приедет братец твой…
Знай — джигита пуля злая
Не пустила в край родной.
. . . . . .

На чужбине, в чистом поле,
Непробудным сном он спит,
И, играючи на воле,
Вихрь степной над ним гудит.
Ой, несись туда ты думой,
Дана!.. Брата солнце жжет,
А орел степной угрюмо
Тело белое клюет… [15, с. 31–32]

Стихотворение Цаголова подтверждает мысль о том, что балладу отличает сознательный уклон на вариативность, «отсутствие фиксированного текста» [2, с. 456], потому и произведение Цаголова можно считать импровизацией-стилизацией на тему «Двух воронов», с соединением «драматического элемента с эпическим повествованием» [7, с. 102] и сюжетной акцентировкой на безвестную гибель героя. Текст Цаголова, как и у Пушкина, отличается вниманием к национальным особенностям региона, где был создан (перенос действия в Осетию, упоминание фольклорных персонажей, детализация быта и уклада жизни горцев). Обращение к формам народной поэзии для Цаголова не случайно, так как «творчество почти всех осетинских писателей, так или иначе, связано с фольклором» [1, с. 48)], чьи традиции «оказывали благоприятное влияние на осетинскую литературу со дня ее зарождения» [1, с. 23].

По законам баллады в центре стихотворения Цаголова одно событие — трагический поход («балц») брата героини, а само произведение, в свою очередь, по мнению исследователя творчества Цаголова И. С. Хугаева, сосредоточено на романтике «набега и безвестной смерти» [14, с. 487]. Средневековый рыцарь из “The Twa Corbies” превращается в отважного джигита с устойчивой атрибутикой — конь и шашка.

Если и шотландский первоисточник, и вольный перевод Пушкина объединены общей темой предательства, то у Цаголова акцент смещен: здесь преданная сестра отчаянно ждет брата, и интенция текста в том, что она готова искать его внутренним взором души вечно. В образе Даны воплотилась идея родственной вер-

ности, а возможные ассоциативные параллели неизбежно возникают с подвигом другой известной сестры — Антигоны из греческой мифологии, когда, нарушая запрет царя Креонта, она ценой собственной жизни предает тело брата Полиника погребению. В стихотворении Цаголова трагизм смерти побеждается готовностью к вечному ожиданию брата Даной.

Аллюзия на образную систему шотландской баллады прослеживается в произведении Цаголова, где в поле лежит безвестный труп, вихрь гудит над ним и орел терзает белую плоть. Замена ворона на орла не меняет семантики зоосимволики произведения, ведь обе птицы питаются падалью. Именно это качество позволяет говорить о тождественности этих образов как в мировом народном творчестве (в русской народной песне «Горы Воробьевские» диалог двух воронов заменяется на орла и ворона; в осетинском фольклоре устойчивый эпитет как для орла, так и для ворона — «тугдзых» — «кроваворотый»[1]), так и в библейских текстах: «…где будет труп, там соберутся орлы» (Мф 24:28).

Рецепция сюжетных ходов баллады "The Twa Corbies" наблюдается и в концовке стихотворения Цаголова, где демонстрируется мрачная неизбежность смерти, усугубляемая отсутствием могилы как у шотландского рыцаря, так и у осетинского джигита и невозможностью проведения традиционных ритуалов погребения: никто не рыдает над мертвым и не провожает его в последний путь. Мотив ветра как олицетворение трагической бренности всего сущего также объединяет тексты шотландской песни и произведения Цаголова, создавая пронзительный звуковой фон, углубляя поэтику отчаяния и тоски по утраченному.

Тем самым стихотворение Г. М. Цаголова демонстрирует связь с балладой "The Twa Corbies" на сюжетном уровне (трагическая гибель героя, безвестное место нахождения тела) и образном (ворон/орел, поедающий плоть; ветер, воющий на открытом пространстве). Авторский текст гармонично стилизуется поэтом под фольклорный с использованием осетинского национального колорита (ввод в текст таких этноконцептов, как «джигит», «балц», «Черный Всадник»).

Таким образом, в итоге исследования приходим к следующим выводам. Все три произведения освещают вечные темы мировой культуры: предательство ("The Twa Corbies" («Два ворона»),

[1] Ирон адæмон сфæлдыстад: 2 томы / сарæзта йæ Салæгаты З. Дзæуджыхъæу: Ир, 2007. 1-аг том. Ф. 11, 288.

Гравюра Г. Раверат «Мертвый рыцарь, или Два ворона». 1910 г.

«Ворон к ворону летит…» А. С. Пушкина) и родственная верность («Песня» Г. М. Цаголова). Баллада как жанр характеризуется повышенным вниманием ко всему трагическому и наличием ярких драматических образов, именно это и отличает все анализируемые тексты. Двойственность в символике персонажей объединяет народную балладу "The Twa Corbies" и ее вольный перевод А. С. Пушкина: гончий пес, ястреб и прекрасная дама ("The Twa Corbies") и сокол, кобылка и хозяйка (Пушкин) из устойчивых воплощений преданности становятся изменниками и, возможно, соучастниками гибели рыцаря (богатыря). Идейная акцентировка произведения народного творчества, стихотворений Пушкина и Цаголова разная, однако результат тем не менее один — поедание трупа птицами и забвение без могилы.

Шотландская баллада, тексты Пушкина и Цаголова связаны общим мотивом безвестной гибели, но при этом демонстрируют индивидуальное прочтение темы в уникальном художественном пространстве с национальным колоритом: русским у Пушкина, осетинским у Цаголова (фольклорная образность, лексика). Вариативность как одно из главных условий существования жанра баллады в веках обогатило законы литературного творчества в целом, когда в случае с "The Twa Corbies" известный сюжет преображается и дополняется новыми смыслами с ориентацией на авторский ценностный ряд: победа над смертью через веру в логические законы жизни у Пушкина и вечную родственную преданность у Цаголова.

ИСТОЧНИКИ

1. *Ардасенов Х. Н.* Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959.

2. *Аринштейн Л. М.* Источники текстов // Английская и шотландская народная баллада: Сборник. М.: Радуга, 1988.

3. *Векшин Г. В.* «Шотландская песня» А. С. Пушкина: поэтика переложения // Литературный трансфер и поэтика привода: сборник научных статей / отв. ред. Г. В. Векшин, М. Понкчинский. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2017.

4. *Владимирский Г. Д.* Пушкин-переводчик // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып. 4–5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

5. *Гаспаров М. Л.* Баллада // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001.

6. *Дашевская А. И.* Эволюция сюжетов англо-шотландской народной баллады: доминирующие мотивы // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 1.

7. *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л.: Наука, 1978.

8. *Кошелев В. А.* «Ворон к ворону летит…» // Наследие А. С. Пушкина в современном мире. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Псков: Изд-во Псковского гос. ун-та, 2016.

9. *Лобанова А. С.* «Ворон к ворону летит»: русский источник «Шотландской песни» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 26. Сборник научных трудов. СПб.: Наука, 1995.

10. *Махов А. Е.* Романтизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001.

11. *Новалис.* Смешанные фрагменты. 1797–1798 гг. / пер. с нем. А. Л. Вольского // Новалис. Фрагменты. СПб.: «Владимир Даль», 2014.

12. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Стихотворения 1827–1836. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

13. *Романов Д. А.* Феномен баллады в русской лингвокультуре: свое и чужое // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2023. Вып. 2 (14).

14. *Хугаев И. С.* Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008.

15. *Цаголов Г. М.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Владикавказ: Ир, 1992.

16. The Twa Corbies // Английская и шотландская народная баллада: Сборник. М.: Радуга, 1988.

Сергей АЛАГАТЫ

ВОЕННО-ОСЕТИНСКАЯ ДОРОГА

Фото неизвестного автора

Военно-Осетинская дорога (осет. *Уæлладжыры фæндаг*) — это историческое название дороги через Главный Кавказский хребет от Алагира до Кутаиси. Ее строительство началось в 1858 году. А спустя три десятка лет, в 1888-м, по ней было открыто колесное движение. Полностью же дорога была введена в эксплуатацию только через десять лет — в 1897 году.

Военно-Осетинская дорога проходит по территории России, Южной Осетии и Грузии: вдоль реки Ардон по Кассару, ущелью Мамисондона и за Мамисонским перевалом вступает в долину реки Риони, по которой тянется до Кутаиси. Ее длина — 275 километров. Путешествия по этому маршруту с удовольствием совершают любители и ценители горных пейзажей. Потому что природа здешних мест живописнейшая.

В минувшем XX веке, как известно, был широко развит туризм. В то время путешественники начинали свой маршрут обычно не от Алагира, а от станции Дарг-Кох, постепенно добираясь до самого высокогорного участка маршрута — Мамисонского перевала (по одним данным — 2819 метров, по другим — 2911 метров). Следует отметить, что в настоящее время дорога утратила свое транспортное значение и эксплуатируется лишь частично.

И вновь обратимся к истокам. Первая геолого-исследовательская разведка местности осуществлялась в начале XIX века. Планировалось соединить Кутаисскую губернию с Терской областью через Мамисонский перевал. С этой целью в 1823 году для обследования местности по приказу генерала Ермолова из Владикавказа командировали инженер-майора Кершина.

Экспедиция завершилась провалом, так как жители селения Тиб, контролировавшие Мамисонский перевал, не допустили на свою территорию ученого. Кершин добрался лишь до Зруга, откуда и сделал первые снимки Наро-Мамисонской котловины.

В том же году для осмотра перевала со стороны реки Рион из города Гори был направлен отряд полковника Попова, который состоял из 25 казаков и двух рот солдат. Благополучно добравшись до перевала, полковник был недружелюбно встречен воинственными жителями селения Тиб, после чего был вынужден ретироваться.

Через год, в 1824-м, для осмотра Мамисонского перевала полковник Попов был направлен вторично. Численность его отряда уже возросла многократно. И на этот раз жители Тиба не только не препятствовали его продвижению, а, напротив, выказали дружелюбие и гостеприимство.

С той поры обследование Мамисонского перевала стало проводиться регулярно. Открытие новой колесной дороги через Главный Кавказский хребет на случай перебоя сообщения по Военно-Грузинской дороге считалось стратегически важным. Генерал Ермолов, граф Паскевич, барон Розен и князь Воронцов уделяли особое внимание данному вопросу.

Князем Барятинским 16 апреля 1858 года был утвержден проект Военно-Осетинской дороги. Первого мая того же года приступили к ее постройке. Пять лет длилось строительство на северном склоне Главного Кавказского хребта. Работы на южном склоне велись еще дольше — до 1888 года.

Военно-Осетинская дорога строилась таким образом, чтобы исключить снежные завалы, которым подвержена Военно-Грузинская дорога. Конфигурация самих отрогов, по которым проложили маршрут, исключает возникновение таких случаев.

Н. Якушевич в своей книге «Военно-Осетинская дорога на Кавказе», изданной в 1814 году, пишет:

«Начинать путешествие удобнее от Дарг-Коха. Даже если кто интересуется Владикавказом, этим маленьким провинциальным городком, замечательным единственным своим городским садом у Терека (так называемый «Трек») и прекрасным видом на горный хребет с Казбеком во главе, даже и в таком случае, думаю я, лучше из Владикавказа по железной дороге вернуться в Дарг-Кох (час, не больше, езды).

Прежде всего пускающемуся в путь по Военно-Осетинской дороге нужно раз и навсегда отбросить решительно всякий страх и твердо поверить, что всякие слухи о разбоях, нападениях и грабежах — пустые и глупые выдумки (в полной безопасности дороги я лично успел убедиться, пройдя ее пешком от начала до конца вдвоем только с товарищем). Почему-то думают, что все осетины сплошь абреки (разбойники). В действительности

это милые, очень предупредительные, готовые на всякую услугу люди. На Военно-Осетинской дороге случались, конечно, кражи и грабежи, — где же они не случаются в нашей культурной и спокойной Руси? — но кражи и грабежи так же характерны для этой дороги, как и для всякой другой; при этом за последние годы решительно не помнят случая, чтобы кто-нибудь из экскурсантов подвергся нападению. С этой стороны будьте, во всяком случае, совершенно спокойны. Количество спутников не должно вас смущать: будете ли вы один или вдвоем с женщиной, вы так же спокойно пройдете по Военно-Осетинской дороге, как если бы вас было два десятка хорошо вооруженных людей. Впрочем, двое-трое людей пройдут даже лучше. Не говоря о том, что группу в 20–25 человек трудно подобрать однохарактерную, вполне дружную, с одинаковыми запросами и равными силами, и в техническом отношении она представляет большие неудобства: дорожные помещения-приюты для ночлега и отдыха очень невелики и с трудом вмещают большие группы. Не менее трудно бывает за неимением большого количества лошадей перевезти сразу много народу. Поэтому предпочтительнее ограничиваться 2–4 спутниками».

Рассмотрим подробнее осетинский участок дороги.

СТАНЦИЯ ДАРГ-КОХ

Станция Дарг-Кох (*досл.* Длинная роща) располагалась в селении Карджин, у южного подножия Кабардино-Сунженского хребта, в междуречье Камбилеевки и Терека.

Населенный пункт был основан в 1830 году жителями сожженного в Дарьяльском ущелье селения Чми. Руководил переселенцами тагаурский старшина Каз-Магомет Дударов по распоряжению генерала Абхазова.

Со станции Дарг-Кох начинали свое путешествие по Военно-Осетинской дороге туристы, приезжавшие в Осетию на поезде. Там они нанимали конный пассажирский экипаж до Алагира.

АЛАГИР

Алагир (осет. *Уæлладжыр* — Верхняя Осетия) — город, административный центр одноименного района Северной Осетии. Расположен на реке Ардон у подножия Скалистого хребта. Возник в

Станция Дарг-Кох. 1872–1875 гг.

1850 году как укрепленное поселение при заводе по выплавке цветных металлов вблизи от Садонского серебросвинцового рудника. До 1863 года именовался станицей Горной. Вблизи от него располагалось осетинское селение Салугардан, основанное в 1781 году. Позднее эти два населенных пункта слились в один, образовав Алагир.

На расстоянии полуверсты от жилого поселка построили Алагирский серебросвинцовый завод, а также проложили дорогу к Садону. Ее строительство было завершено в конце 1852 года, и она положила начало Военно-Осетинской дороге.

На рубеже XIX–XX веков Алагир был центром горнорудной промышленности Северного Кавказа. По сведениям 1899 года, в нем жили около 2 тысяч человек, преимущественно рабочие с Урала, Алтая, из Луганска, а также из Осетии. В Алагире функционировали две церкви, две школы, больница, аптека и почтовое отделение.

Главным архитектурным памятником города является Свято-Вознесенский собор. Он был построен в византийском стиле из трахитового туфа в 1853 году по проекту князя Г. Г. Гагарина. Кладку произвели греческие мастера. Интерьер собора был расписан лишь в 1888–1889 годах осетинским поэтом и художником К. Л. Хетагуровым.

Вид на серебросвинцовый завод и гору Кариухох

Алагир был преобразован в город 23 апреля 1938 года. В настоящее время в нем проживает около 20 тысяч человек.

ДАГОМ

Дагом — селение, расположенное в Урсдонском ущелье на правом берегу реки Ардон. По одной из версий, название населенного пункта переводится с осетинского как «Дальнее ущелье».

В Средние века Дагом являлся центром Алагирского общества и принадлежал колену Кусагонта. Основателем древнего рода считается Кусаг (осет. *къус* — чаша). По легенде, отец подарил сыну чашу, отсюда и пошло его имя. Эта история перекликается с нартским эпосом, в котором говорится, как чашу Уацамонга подарили Елтагану из рода Алагата.

Колено Кусагонта владело всем Урсдонским ущельем. Помимо Дагома ему принадлежали селения Урсдон и Донисар. Некоторые представители Кусагонта переехали в другие области Осетии: например, в Дигорию (с. Ахсау) и Урс-Туалта (с. Дзомаг). Главным в колене Кусагонта был род Алагата.

В Дагоме находился главный суд Осетии — Мадизан. В древности это место служило для разрешения споров и примирения

кровников. Все фамилии колена Кусагонта пользовались уважением и большим авторитетом, поэтому их старшие были судьями не только на Мадизане, но также приглашались и в другие общества Осетии. Мадизан считался одним из самых справедливых судов на всем Северном Кавказе. Его решения, которые иногда принимались по истечении нескольких недель разбирательств, были обязательными для исполнения и не могли быть оспорены ни одной из сторон. В противном случае нарушители карались смертью.

Если виновника приговаривали к казни, то родственники преступника самостоятельно сбрасывали его в пропасть со скалы Куыдзаппаран (*досл.* место для сбрасывания собак). Существовала поговорка: «Если дело не решится на дагомском Мадизане, то оно не решится и на том свете!» В том месте, где заседали старейшины, сохранилась большая скамья из камня. На ней восседали судьи.

Колено Кусагонта являлось хранителем свода моральных и этических норм — так называемого закона чести Агдау. В нартском эпосе старшие из рода Алагата также упоминаются в качестве мудрых судей. В их доме собирались самые уважаемые нарты, которые принимали судьбоносные решения.

Колено Кусагонта контролировало въезд в Алагирское ущелье. Охранными функциями занимался род воинов — Цахилта. Также он взимал плату за проезд на заставе «Чырамад»…

В настоящее время обезлюдевшее селение застраивается дачами. В нем сохранились развалины нескольких башен, принадлежавших Агнаевым, Бурдзиевым, Дзагкоевым, Касаевым и Себетовым.

УНАЛ

Унал — селение в Алагирском районе Северной Осетии-Алании, делится на Верхний Унал и Нижний Унал.

Основателем села считают Цаллага, родоначальника фамилии Цаллаговых, который в начале XVII века со своей семьей поселился на правом берегу Ардона между реками Уналдон и Майрамдон.

Селение было небольшое, к 1894 году в нем насчитывалось 42 двора. В горной Осетии оно особенно выделялось своими богатыми фруктовыми садами. Среди достопримечательностей Унала выделяется старинная церковь, расписанная Коста Хетагуровым.

Исследователь А. Бутаев в 1902 году так описал это село: *«Унал не безобразное нагромождение камня, именуемое горским аулом, это не аул-крепость, а красивое живописное горное селение, каких мало в здешних горах. Чистые, аккуратные, городской архитектуры дома, местами утопающие в зелени деревьев, попадаются довольно часто. Издали на фоне зеленого склона хребта живописная группа белых унальских домов представляет чудную картину. Уголок так и манит под сень балконов, открытых в сторону ущелья под прохладную тень деревьев… Характерно здесь особенно то, что рядом с домами новейшей архитектуры уцелели и сакли с плоскими крышами, и старинные башни-крепости. На этих строениях можно легко проследить всю историю аула или, по крайней мере, главнейшие моменты его прошлого. Вот высокая четырехугольная башня. В ее могучих стенах не раз укрывались лихие горцы, спасаясь от жестокой мести врагов. Теперь ее участь иная. Жизнь переменилась, и башня запустела. Нет порохового дыма, замолк лязг кинжалов. Везде царят тишина и мирный труд».*

ХОЛСТ

Холст — небольшой населенный пункт на правом берегу реки Ардон в Алагирском районе Северной Осетии-Алании.

В поселке имеется месторождение меди, открытое летом 1896 года. 13 октября 1922 года в Холсте произошло сильное землетрясение, после которого поселок стал пустеть. В настоящее время он совсем обезлюдел.

В Холсте проживали Бекузаровы, Кутаровы, Приевы, Теховы и другие. В поселке сохранились фамильные пирамидальные склепы, представляющие историко-архитектурную ценность.

МИЗУР

Мизур — населенный пункт в Алагирском районе Северной Осетии-Алании. Расположен по обоим берегам реки Ардон в районе, богатом свинцово-цинковой рудой. Поселение основали в 1829 году бельгийские предприниматели, для того чтобы начать добывать и обрабатывать на Мизурской обогатительной фабрике полезные ископаемые.

Холст

На окраине населенного пункта располагались Бадские ворота. Это примечательное архитектурное сооружение было построено генуэзцами в Средние века. К сожалению, в XX веке оно было полностью разрушено.

В 1941 году Мизур был преобразован в поселок городского типа, с 2005-го — это сельский населенный пункт.

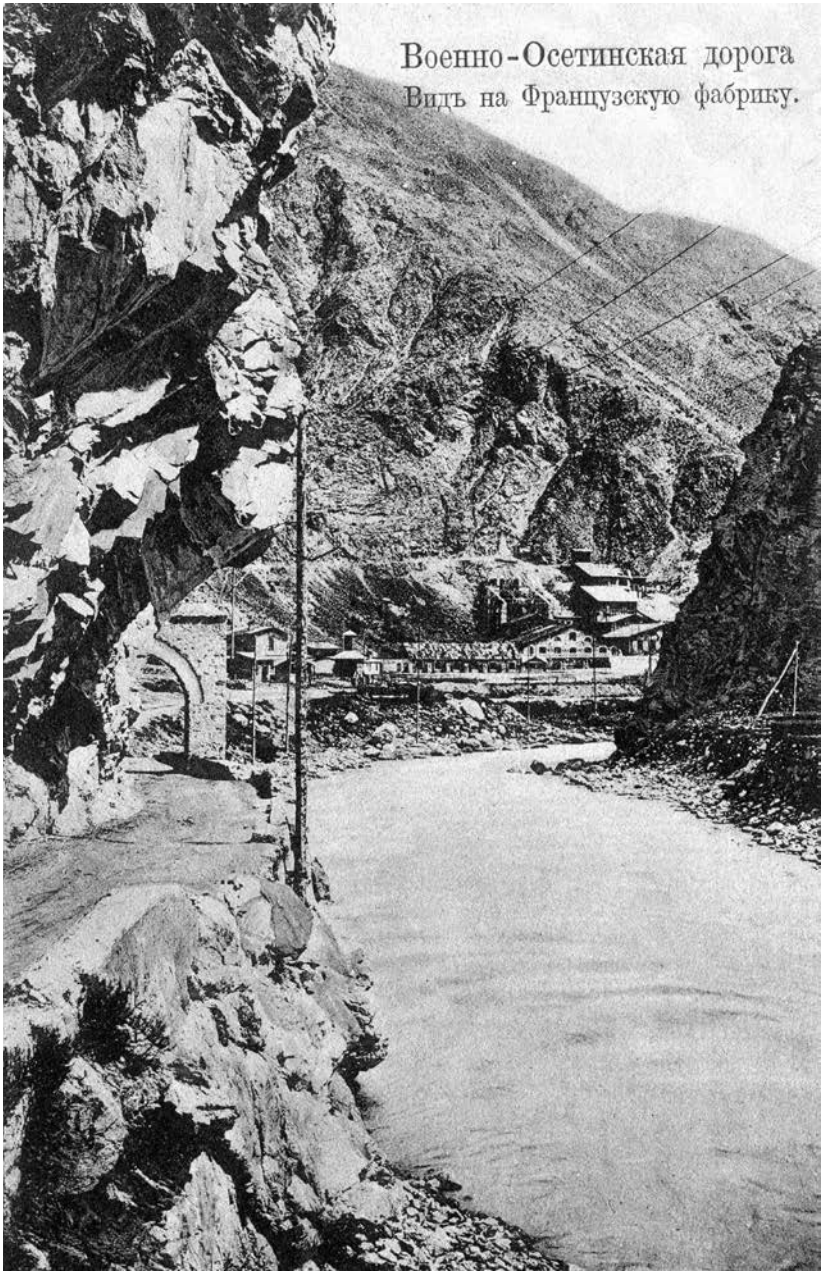
Мизур являлся самым длинным по протяженности горным поселком городского типа. С момента основания в нем проживали люди самых разных национальностей, в основном рабочие и члены их семей.

На 2010 год население Мизура составляло 3166 жителей.

САДОН

Садон — шахтерский поселок в Алагирском районе Северной Осетии-Алании. Расположен на северном склоне Большого Кавказского хребта, в Садонском ущелье на высоте 1250 метров над уровнем моря, в трех с половиной километрах от Военно-Осетинской дороги и Транскама.

Когда во второй половине XIX века в Российской империи началось строительство железных дорог, потребовалось большое



Бадские ворота и Мизур

количество металла. Именно тогда стоявшие у власти обратили пристальное внимание на Садонский рудник, который находился в разработке у грека Спиридона Чекалова. Для того чтобы Чекалов продал государству месторождение, его произвели в поручики.

После того как рудник стал собственностью правительства, в 33 верстах от него построили завод. Крепостных рабочих привезли с Урала и Алтая. Среди них было много квалифицированных горных мастеров.

Русские крепостные рабочие стали первыми жителями поселка, основанного во второй половине XIX века. Добываемые ими свинцово-цинковые руды затем поступали на Мизурскую обогатительную фабрику Садонского свинцово-цинкового комбината. В 1886 году Садонский рудник был сдан в аренду бельгийцам, а с приходом советской власти — национализирован.

Во времена промышленного расцвета в поселке проживало около 5 тысяч жителей. На 2005 год население составляло 492 человека.

В 2002 году Садон был практически уничтожен селевыми потоками. Жителей поселка пришлось отселить в другие населенные пункты, однако позже часть из них вернулась в свои дома.

В поселке имелась церковь Святого Владимира, возведенная в середине XIX века.

ХОД

Ход — селение, расположенное у подножия южного склона Скалистого хребта на левом берегу реки Ходдон. Входит в состав Мизурского сельского поселения Алагирского района.

Населенный пункт был основан приблизительно в XVI веке. В нем проживали представители таких фамилий, как Гатеевы, Гергиевы, Дзугкоевы, Едзаевы, Едзиевы, Кайтуковы, Саухаловы (Савхаловы), Созаевы. Ход был поделен на родовые кварталы, но ярко выраженных границ они не имели. Две сторожевые башни Дзугкоевых и Кайтуковых сохранились в селении до наших дней.

К 1901 году в Ходе была построена и освящена Свято-Георгиевская церковь, открыты мужская и женская школы. Селение всегда славилось своими резчиками по камню, самым известным из которых был Сосланбек Едзиев.

С расцветом в Осетии горнорудной металлургии возле населенного пункта возник поселок с названием Нижний Ход, который просуществовал около полувека. В нем поселились осетины из Верхнего Хода, работавшие на Садонском свинцово-цинковом комбинате.

Появились рудники и на территории самого селения. Так, 23 декабря 1897 года Иван Цагараев и Михаил Басиев открыли месторождение каменного угля. А 7 декабря 1898 года лейтенант запаса флота Николай Филькович открыл в Ходе два месторождения свинцово-серебряных и цинковых руд.

После развала СССР село постепенно начало пустеть. В настоящее время в нем постоянно проживает лишь несколько человек.

НУЗАЛ

Нузал — селение на левом берегу реки Ардон в Нузальской котловине Алагирского ущелья. Древний Нузал, вероятно, являлся столицей средневековой Алании и резиденцией Ос-Багатара, последнего аланского царя.

Главной достопримечательностью небольшого населенного пункта является средневековая часовня, расписанная старинными фресками. По одной из версий, изначально это был родовой склеп, переделанный под религиозное сооружение в начале XIX века. По сведениям немецкого лингвиста и этнографа Адольфа Дирра, его постройка датируется 1272 годом.

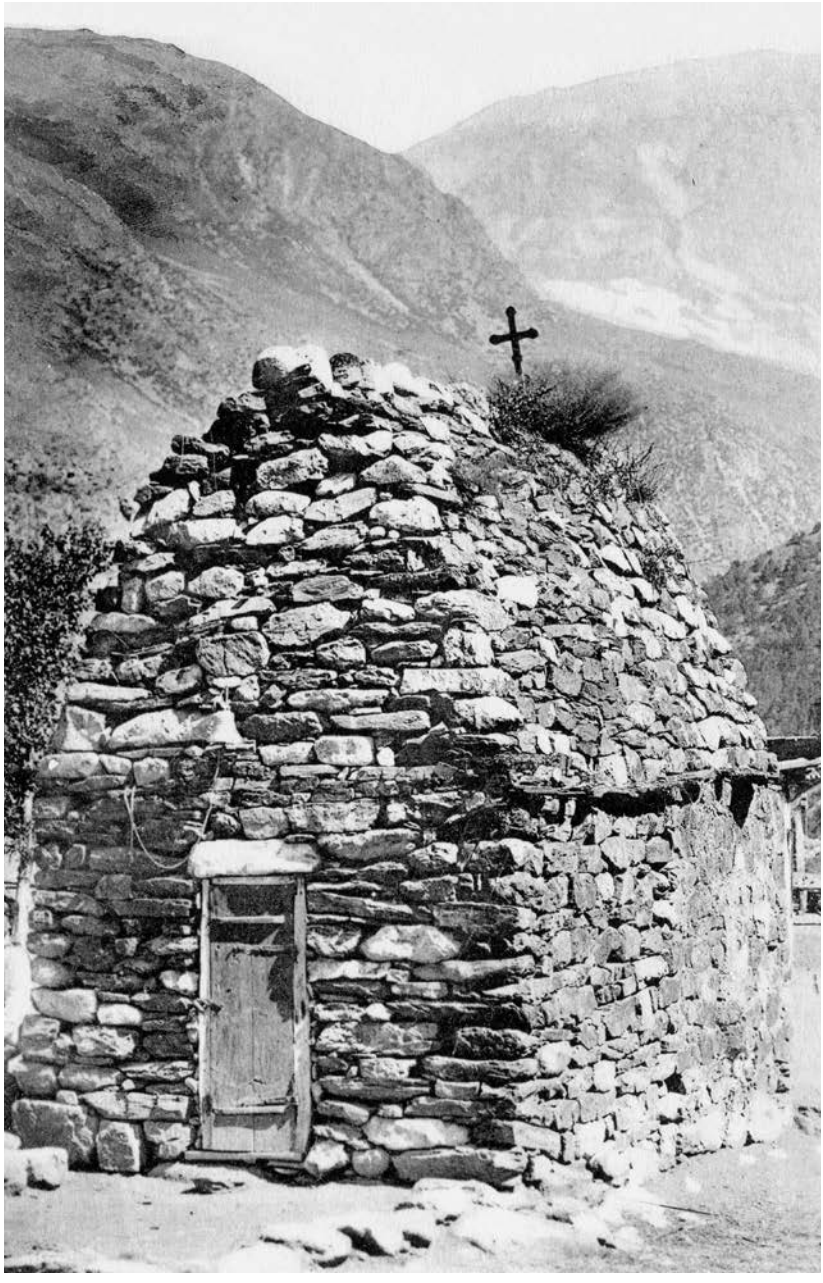
Под сводами культового строения было обнаружено захоронение одного из представителей осетинского царского рода Царазонта, для которого данное селение являлось родовым. Ученые расходятся во мнении, кому принадлежат найденные останки, однако склоняются в пользу того, что Нузальская часовня стала усыпальницей Ос-Багатара.

В пользу данной версии говорит и эпитафия, находившаяся над захоронением. До ее уничтожения в XVIII веке надпись успел скопировать грузинский царевич Вахушти. Вот ее текст:

«1. Нас было 9 братьев — Цразоновы-Цахиловы: Ос-Багатар, Давид и Сослан, с 4 царствами борющиеся.

2. Фидароз, Долароз, Сокур-Георгий, с презрением на врагов взирающие.

3. Братья наши Исаак, Романоз и Басил сделались добрыми рабами Христа (монахами).



Нузальская часовня

4. Мы содержим в 4 углах узкие проходы дорог.

5. В Касаре имею укрепление и сабаже (заставу), здесь содержу двери моста, о будущем обнадежен, в настоящем благополучен.

6. Руды золота и серебра имею в таком обилии, как вода.

7. Покорил кавказцев, противустал 4 царствам (народам).

8. У грузинского (батони) князя похитил сестру, не оставил своего рода; настиг меня, клятвою обманул, наложил на себя вину мою (грех).

9. Багатар утонул в воде, войско Осети истреблено».

Возле Нузальской часовни в 2016 году было обнаружено средневековое аланское кладбище, состоящее из 206 погребений, преимущественно в каменных ящиках. Основная масса захоронений датируется XIV–XV веками. А в общей сложности было найдено более 1150 артефактов.

УРОЧИЩЕ СВЯТОГО НИКОЛАЯ

Урочище Святого Николая — дорожный приют, в котором путники могли перекусить, набраться сил или выбрать экскурсионный маршрут. Располагался на развилке Цейдонского и Касарского ущелий.

В конце XIX века стокилометровый путь от Владикавказа до Цея был нелегким, преодолевался гужевым транспортом за два дня.

В урочище Святого Николая сдавались в аренду жилые помещения для кратковременного отдыха, приема пищи и экскурсионных организаций. Перевозками гостей Кавказа верховым или вьючным транспортом обычно занимались союзы возчиков.

ЦЕЙ

Верхний Цей и Нижний Цей — селения в Цейском ущелье Алагирского района Северной Осетии-Алании.

В Верхнем Цее находятся башни Айларовых и Дзалаевых.

Испокон веков это место считалось уникальным: там безнадежно больные люди могли поправить свое здоровье, а охотники — вернуться оттуда домой с добычей. Приезжавшие туда туристы строили в ущелье шалаши или укрывались в пещерах вблизи ледника, купались в горной воде и дышали целебным хвойным воздухом.

С начала XX века это место приобрело большую известность. В Цей стало приезжать все больше и больше туристов, для которых построили дома отдыха, санатории, альпинистские лагеря и базы.

РЕКОМ

Реком — осетинское святилище XII–XIV веков в Цейском ущелье, расположено неподалеку от селения Верхний Цей. Неофициально считается главным мужским святилищем Осетии, куда вход женщинам запрещен.

Реком построен полностью из дерева, без гвоздей, несколько раз сгорал и отстраивался заново.

В древние времена перед сражением воины приходили к святилищу и совершали обет братания. Они оставляли сломанные стрелы возле Рекома, после чего становились братьями. Святилище также являлось местом хранения шлема, копья и колчана последнего аланского царя Ос-Багатара. До наших дней реликвии, к сожалению, не сохранились.

Реком овеян тайнами и легендами. Он построен на поляне, которая никогда не зарастает лесом.

По поводу происхождения святилища существует несколько мифических версий. В нартском эпосе, например, говорится, что,

Реком

когда погиб нарт Батрадз, Бог пролил три слезы, из которых возникли три святилища, одним из которых был Реком.

ЦМИ

Цми — селение в Алагирском районе Республики Северная Осетия-Алания. Расположено на правом берегу реки Нардон на высоте 1750 метров над уровнем моря в Наро-Мамисонской котловине. На противоположном берегу реки Нардон находится селение Нижний Зарамаг.

В конце XIX века Цми был крупным сельским населенным пунктом, в котором проживали Бигуловы, Касабиевы, Туаевы, Хетагуровы, Хурумовы. В селении действовала православная церковь Пресвятой Богородицы. Неподалеку от Цми в 1906 году открылся рудник, который обеспечил местных жителей работой.

В XXI веке большая часть селения была затоплена водохранилищем Зарамагской ГЭС.

НАР

Нар — горное селение в одноименном ущелье Северной Осетии-Алании, расположено восточнее Нижнего Зарамага.

Населенный пункт являлся центром Нарского и Зругского ущелий, в которых проживали Атаровы, Балаевы, Бираговы, Бурнацевы, Гагиевы, Гиоевы, Губаевы, Дзапаровы, Джанаевы, Еналдиевы, Козаевы, Мамиевы, Хасиевы, Хетагуровы, Хозиевы, Цуциевы и другие. Большинство этих фамилий возводили свое происхождение к легендарному Хетагу, младшему сыну князя Инала. По преданиям, чудесным способом спасшись от врагов, он поселился в Нарском ущелье не ранее XVI века. Именно этим периодом датируется возникновение Нара. Позднее потомки Хетага расселились по всей Нарской котловине, а также по соседним ущельям Гуркумтиком и Джинатком.

В Наре родился основоположник осетинской художественной литературы Коста Хетагуров.

СЛАС И ПОТЫКАУ

Слас — селение в Нарском ущелье Северной Осетии-Алании. Расположено в живописном месте на крутом горном хребте,

возвышающемся над левым берегом реки Зругдон, недалеко от ее впадения в реку Нардон. С этого места хорошо видна вся Наро-Зарамагская котловина.

В Сласе проживали Гагиевы. В населенном пункте располагается их фамильная башня, а также развалины башни Цуциевых.

Селение Потыкау находится под горой, на которой возвышается Слас на поляне Потыфаз. В населенном пункте проживали Цуциевы. Главной достопримечательностью Потыкау была церковь Святого Георгия Победоносца.

ЗРУГСКИЙ ХРАМ

Зругский храм (осет. *Хозиты Майрæм*) — православный храм XI века, один из самых древних православных храмов на территории России. Расположен в Зругском ущелье, рядом с селениями Хозитикау и Нар. Являлся главным христианским храмом Зругского ущелья, был посвящен Богородице. Впоследствии утратил свою христианскую принадлежность, став осетинским святилищем.

Празднование «Хозита Майрам» совпадает с Успением Пресвятой Богородицы.

Юго-западнее храма расположены скопления могильных памятников XIX — начала XX века.

ЗАРАМАГ

Зарамаг — общее название двух населенных пунктов, расположенных в одноименной котловине. Селение Верхний Зарамаг находится в Алагирском районе на левом берегу реки Адайкомдон. На расстоянии чуть меньше километра к юго-востоку от него расположен Нижний Зарамаг.

Первыми жителями селений считаются Абоевы, Елихановы-Магкаевы, Кайтмазовы, Кудзаговы, Мамитовы, Текаевы и Сикоевы.

В нескольких километрах к северу от Нижнего Зарамага на правом берегу Ардона находятся развалины средневекового аланского укрепления — так называемый Касарский оборонительный комплекс. Он состоял из башни и мощной стены двенадцатиметровой толщины.

Русские дипломаты XVI века описывали Зарамаг большим многоярусным городом и неприступной крепостью. Под его стенами в 1614 году был остановлен персидский завоеватель шах Аббас I.

Неподалеку от развалин крепости находятся знаменитый зарамагский минеральный источник и гидроэлектростанции.

С открытием Военно-Осетинской дороги в начале XX века в Зарамаге стал активно развиваться туризм…

В настоящее же время в селении на постоянной основе проживает всего несколько человек.

САТАТ

Сатат — селение в живописном Мамисонском ущелье на левом берегу реки Мамихдон. «Сатат» был общим названием для четырех селений: Царгаста, Уаллагкау, Даллагкау и Тапанкау. Когда-то вокруг селения густо росли деревья, которые пропускали лучи света лишь в солнечные дни. Так и образовалось название села.

Первыми жителями селения были Туаевы и Царгасовы, затем к ним присоединились представители фамилий Боциевых, Валиевых, Дзанаевых, Кучиевых и Мамиевых.

К концу XIX века население Сатата увеличилось, составив около полутысячи человек. Из-за безземелья большинство жителей селения впоследствии было вынуждено перебраться в другие места Осетии.

В Сатате сохранились родовые башни и ганах Туаевых.

ТИБ

Тиб — селение в Наро-Мамисонской котловине на берегу реки Мамихдон, один из древнейших населенных пунктов Осетии. В нем собраны практически все типы средневековых архитектурных памятников Иристона. Возле Тиба находятся несколько его отселков — Верхний Тиб, Боцита, Велта, Тимцна, Уанта. В архитектурном ансамбле селения особый интерес представляют святилища Аларды, Мады Майрам, Тараджелоз, боевые и жилые башни.

Первыми поселенцами Тиба считают Кучиевых, пришедших в Туалию из Верхнего Мизура. Согласно преданиям, Кучиевы

Тиб

обосновались в Мамисонском ущелье еще в XVI веке. Затем вслед за ними в Тибе появились Боциевы, которые впоследствии стали самой многочисленной фамилией селения, а также Айларовы, Багаевы, Гергиевы, Гоцоевы, Икаевы, Кадзовы, Тедеевы и другие.

В XVIII веке грузинский царевич Вахушти описывал Тиб большим селением с высокими каменными башнями. Это утверждение было справедливым, так как в то время населенный пункт представлял собой неприступную крепость на пути к Мамисону, что позволяло контролировать подступы к перевалу.

ТЛИ

Тли — древнее осетинское селение в Мамисонском ущелье Северной Осетии-Алании, на правом берегу реки Мамихдон. Располагается на возвышенности между селениями Тиб и Клиат.

Первопоселенцами селения считаются Кадзаевы, занимавшие верхний квартал, и Суановы, чьи дома находились в нижнем квартале. До сих пор в Тли сохранились две фамильные башни.

Главная достопримечательность селения — руины церкви XI века, которая являлась близнецом Зругского храма Божией Ма-

тери. Она была небольшого размера, рассчитанная на немногочисленный приход.

КЛИАТ

Клиат (осет. *Хълиат*) — покинутое людьми селение в Алагирском районе Северной Осетии-Алании, расположенное на склоне горы, на правом берегу реки Клиатыдон, на горном склоне над Военно-Осетинской дорогой, между селами Лисри и Тли. В Клиате находятся хорошо сохранившиеся ганахи и башни Боциевых, Токовых и Цахоевых.

ЛИСРИ

Лисри — селение в Мамисонском ущелье Северной Осетии-Алании, расположенное в верховьях реки Мамихдон на высоте 2000 метров над уровнем моря.

Первопоселенцами Лисри считаются Дарчиевы, затем в селении поселились Айларовы, Гаевы, Добаевы, Епхиевы, Икоевы, Калаевы, Кучиевы, Моураовы, Рамоновы, Сидаковы, Текаевы. В Горной Осетии Лисри выделяется богатым архитектурным ансамблем, состоящим из башен XIV–XVII веков. Они расположены настолько близко друг к другу, что представляют собой единое неприступное оборонительное сооружение.

Из-за узких петляющих улиц Лисри в народе прозвали городом-лабиринтом.

В селении находится церковь Успения Богородицы, построенная на народные деньги в 1897 году. При храме действовала церковно-приходская школа.

Еще одна достопримечательность Лисри — святилище Мигдау-дзуар. Само по себе данное сооружение, относящееся к периоду бронзового века, уникально. На Северном Кавказе это единственная ступенчатая башня ритуального назначения, сложенная из камней.

МАМИСОНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Мамисонский перевал — горный перевал на высоте 2911 метров (по другим данным — 2819 метров) над уровнем моря через

Горцы на фоне горы Тепли

Главный Кавказский хребет, самый высокогорный участок Военно-Осетинской дороги; соединяет Северную и Южную Осетию. Ведет из долины реки Мамихдон в долину реки Чанчахи.

Со времени открытия Военно-Осетинской дороги на северном и южном склонах Главного Кавказского хребта Мамисонского перевала были построены Северный (в селении Калак) и Южный приюты. В них усталые путники могли отдохнуть, перекусить и заночевать.

В настоящее время движение через Мамисон не осуществляется, пограничный переход закрыт.

КАДИСАР

Кадисар (груз. Гуршеви) — селение в Южной Осетии. Расположено на левом берегу реки Чанчахи (приток Риони) на южном склоне Главного Кавказского хребта. Восточнее селения находится Николаевский мост, ведущий к Мамисонскому перевалу. Селение является самым северным населенным пунктом Южной Осетии и единственным, находящимся на Военно-Осетинской дороге.

Кадисар основали осетины из фамилии Айларовых, переселившиеся в Закавказье из Мамисонского ущелья. В 1921 году в селении в доме Ивана Айларова гостил известный революционер и политический деятель Сергей Миронович Киров.

В настоящее время в Кадисаре никто не проживает: местные жители несколько десятилетий тому назад переехали в другие места.

АВТОРЫ НОМЕРА

АЛАГАТЫ Сергей родился во Владикавказе. Писатель и краевед, автор нескольких книг. Печатался в различных изданиях России, Германии, Украины и Южной Осетии. Издавал фэнзин «Ардоз». Организатор клуба любителей фантастики «Нарт». Живет и работает во Владикавказе.

ВАЩАЕВ Олег родился в 1970 году в Норильске. В 1998 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького, поэтический семинар Евгения Борисовича Рейна. С 2009 года проживает в Санкт-Петербурге.

ГАДЖИЕВ Тамерлан родился в 1995 году в Москве. Работает в ГК «РосБизнесКонсалтинг». Изучает зарубежную литературу в МГУ им. Ломоносова. Окончил сценарную мастерскую киностудии «Лендок» и литературную мастерскую Litband. Публиковался в журналах «Новый мир», «Волга» и «Дискурс».

ГАСАНОВ Валерий родился в 1985 году во Владикавказе. Здесь же в 2003 году окончил среднюю школу № 1, в 2008-м — с отличием факультет осетинской филологии СОГУ, а в 2014-м — также с отличием магистратуру того же факультета. Автор десяти поэтических и публицистических книг и ряда статей в периодической печати Севера и Юга Осетии. Более 10 лирических и патриотических песен написаны на стихи В. Гасанова. С 2024 года — старший научный сотрудник Музея осетинской литературы им. К. Хетагурова.

ДАНЧЕНКО Елена — поэт, переводчик, критик. Родилась в Кишиневе. Окончила факультет журналистики Кишиневского государственного университета, училась в Высшей школе переводчиков Утрехта. Публикации в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Иностранная литература» и др. С 2004 года живет в Нидерландах.

ДЗУЦЕВА Нина — доктор филологических наук, профессор.

ДЖУСОЙТЫ Нафи (1925–2017) — осетинский писатель и ученый. Родился в 1925 году в селении Ногкау Дзауского района Южной Осетии в крестьянской семье. В 16 лет вступил добровольцем в Красную Армию и провел в ее рядах все пять лет Великой Отечественной войны. С 1947 по 1949 год — цензор главлита Юго-Осетии, а также спецкор газеты «Заря Востока» по Юго-Осетии. В 1949 году окончил исторический факультет Северо-Осетинского госпединститута им. К. Л. Хетагурова. В 1953 году защитил в Ленинградском институте русской литературы кандидатскую диссертацию «Коста Хетагуров и русская литература», а в 1968-м — докторскую диссертацию «История осетинской литературы дореволюционного периода». Автор более 400 научных работ, в том числе 12 монографий. Подготовил первые научные издания Сека Гадиева, Елбаздуко Бритаева, Темирболата Мамсурова и других классиков осетинской литературы. Автор учебника осетинской литературы для 8–9 классов, словаря литературных терминов и др. Осуществил перевод на осетинский язык русских, украинских, грузинских классиков, в том числе романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Жил и работал в Цхинвале. Скончался 26 июня 2017 года во Владикавказе на 93-м году жизни.

ЗОЛОЕВ Аркадий родился в 1957 году в с. Ставд-Дорт Северо-Осетинской АССР. В 1979 году окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета. Был призван в ряды Сов. армии, служил в артиллерийском полку. В 2002 году начал заниматься переводами английской и немецкой поэзии на русский и осетинский языки. В 2012 году поступил на Высшие литературные курсы в Москве. В настоящее время продолжает свою литературную деятельность во Владикавказе. В 2016 году вышла книга «Для детей Осетии».

КИБИРОВ Амурхан — поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1943 году в селении Сурх-Дигора Северной Осетии. Окончил филологический факультет Северо-Осетинского госуниверситета. Работал учителем в школе, литсотрудником в газете, редактором-переводчиком кафедры ЮНЕСКО в университете. Автор нескольких сборников стихов, в том числе «Изумрудные звезды» (Владикавказ, 2019). Один из составителей книг осетинского эпоса «Нарты» на дигорском (2005), «Осетинские нартские сказания» (2008) и других. Живет во Владикавказе.

КРАМЕР Александр родился в 1953 году в Харькове. С 1998 года живет на севере Германии, в Любеке. Окончил Харьковский политехнический институт. По профессии инженер, работал на заводе, участвовал в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Публиковался в журналах

«Сибирские огни», «Невский альманах», «Алтай», «Дарьял», «Сура», «Костер», «Кукумбер», «Нижний Новгород», «Чудеса и приключения — детям» и др., а также в литературных изданиях Германии, Украины, США, Канады. В 2009 году несколько рассказов вошли в московскую «Антологию российских писателей Европы», а в 2013-м — в израильский сборник рассказов «Десять домиков». Рассказы и эссе о Чернобыле переводились на немецкий и украинский языки.

МАКОЕВ Амир родился в 1963 году в г. Тереке Кабардино-Балкарской Республики. В 1985 году окончил Саратовский аграрный университет по специальности «гидромелиорация». Работал инженером насосной станции, в Министерстве мелиорации и водного хозяйства КБР, управляющим в Международной Черкесской Ассоциации, помощником депутата Государственной Думы. Победитель ряда республиканских, всероссийских и всесоюзных соревнований по греко-римской борьбе. В коллективных сборниках и литературно-публицистических журналах РФ опубликовал около тридцати рассказов и повестей. Автор книг «В ожидании смысла» и «Возвращенное небо». Готовится к выходу третья книга «Буйволиная тропа». Член Союза писателей России.

ЛИ Мин Минг — современная китайская поэтесса.

ОСТАЕВА Татьяна — заслуженный деятель искусств РСО-А, член Союза художников РСО-А. С раннего возраста не задумывалась о профессии искусствоведа. Первоначальное образование получила на хореографическом отделении Владикавказского училища искусств. После окончания стала ведущей солисткой Театра оперы и балета (ныне филиал Мариинского театра в РСО-А). Является автором статей, буклетов, монографий о художниках Осетии. Ее материалы публиковались как в местных, так и в московских изданиях. Это статьи о Магрезе Келехсаеве, Шалве Бедоеве, Казбеке Хетагурове, Юрии Дзантиеве, Батре Калманове, Руслане Тавасиеве и многих других мастерах кисти.

РЫБИН Александр родился в 1983 году. Работал независимым журналистом, специализировался на освещении событий в исламских странах — в основном в странах Ближнего Востока и Центральной Азии. Прозаик, неоднократный участник российских писательских форумов. С 2012 года регулярно публиковался в журнале «Дарьял». Скончался в январе 2024 года.

ТАДТАЕВ Тамерлан родился в 1966 году в Цхинвале. Окончил Душанбинское художественное училище имени Олимова. Участник грузино-осетинских войн 1991–1992, 2004, 2008 годов. Начал писать в 2006 году. Публиковался в журналах «Дарьял», «Вайнах», «Дружба народов», «Нева», «Ковчег», «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Юность», газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», альманахе «Искусство войны», на интернет-сайтах. Лауреат «Русской премии» 2008 года. Автор пяти книг. Короткометражный фильм «Суадон», снятый по рассказу «Русская рулетка», — участник 68-го Каннского кинофестиваля в разделе Short Film Corner.

ХАРЕБОВ Батрадз — публицист, общественный деятель. Родился в 1950 году в селении Дзау Южной Осетии. Окончил цхинвальскую среднюю школу № 6, затем географическое отделение естественно-биологического факультета СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Защитил кандидатскую диссертацию Института экономики АН СССР «Методология изучения народонаселения малых регионов». Автор многочисленных статей и монографий. Во время грузино-осетинского конфликта (1989–1992) активно трудился журналистом, выступая с аналитическими статьями о ходе противостояния. Бывший министр информации и печати РЮО. Автор сборника документальных повестей «В нужное время, в нужном месте» (2019). Заслуженный журналист Южной Осетии, член Союза журналистов РФ. Руководит информационно-аналитическим управлением Парламента Южной Осетии, возглавляет Союз журналистов Южной Осетии.

ХЕТАГУРОВА Дзерасса родилась в 1977 году в г. Орджоникидзе СОАССР. Окончила факультет русской филологии СОГУ (мировая художественная культура). Кандидат филологических наук («Творчество Алихана Токаева и эстетика символизма»). В настоящее время работает научным сотрудником во Владикавказском научном центре РАН.

ХУГАЕВ Сергей родился в 1933 году в с. Хугатикау Южной Осетии. Окончил историко-филологический факультет Северо-Осетинского государственного пединститута, затем Литинститут им. А. М. Горького. Работал учителем в сельских школах Дагестана и Северной Осетии, редактором студии телевидения, зав. отделом журнала «Мах дуг», старшим редактором редакции художественной литературы Северо-Осетинского книжного издательства «Ир». Член Союза писателей СССР (1976); сегодня — член СП России. Известен как автор поэтических и прозаических книг «Именем соседей», «Молоковоз», «Перед дорогой», «Песня осталась со мной», «Под этим солнцем, греющим нас» (роман), «Белые вечера», «Нарт Фарнаг» (роман), «Тост за солнце», «Гроздья винограда» и др. Народный писатель Осетии (2013); награжден орденом Дружбы (РЮО, 2018), медалями «Знак Почета» (2007), «Во славу Осетии» (2018) и «Василий Шукшин» (2020).

ЦОГОЕВ Эльбрус — график, живописец, дизайнер, витражист. Родился в 1948 году в Алагире, Северная Осетия. В 1976 году окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной. Дипломная работа — витраж в ресторане г. Сестрорецка Ленинградской области. Учился у профессоров К. М. Митрофанова, Л. И. Чегаровского и Ф. М. Энтелиса. Участник более 70 выставок — зональных, всесоюзных, российских и зарубежных. Заслуженный художник Северной Осетии-Алании. Член Союза художников СССР и России.

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
* * *
WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает
традиции литературной периодики
в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет
осетинский и в целом кавказский
литературный процесс
русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать
своему времени и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18668

✦

В оформлении обложки использован фотопортрет Нафи Джусойты
неизвестного автора

ЖУРНАЛ «ДАРЬЯЛ» — ЭТО:

- Литературно-художественное издание, представляющее культуру и искусство Осетии всему миру
- Поле для исторических и философских дискуссий
- Площадка для молодежных экспериментов и идей
- Дружелюбная творческая среда, объединяющая народы Кавказа

ДАРЬЯЛ

vk.com/darial.review | t.me/darialreview